ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

№ 48 НОЯБРЬ 1988

НЕДЕЛЯ СОВЕСТИ

ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАШЕЙ КУЛЬТУРОЙ?

ЕХАЛИ В ТРАМВАЙЧИКЕ...

В ЗАЩИТУ ШАЛЯПИНА

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 48 (3201)

26 НОЯБРЯ — 3 ДЕКАБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонек», 1988.

Главный редактор
В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:
Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,
В. В. ГЛОТОВ
(ответственный секретарь),
Л. Н. ГУЩИН
(первый заместитель главного редактора),
Н. А. ЗЛОБИН,
В. Д. НИКОЛАЕВ
(заместитель главного редактора),
Ю. В. НИКУЛИН,
А. Г. ПАНЧЕНКО,
С. Н. ФЕДОРОВ,
Ю. Д. ЧЕРНИЧЕНКО,
В. Б. ЧЕРНОВ,
В. Б. ЮМАШЕВ.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Последние тренировки советских альпинистов в горах Тянь-Шаня перед экспедицией в Гималаи. (См. в номере материал «На земле и на небе».)
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 04.11.88. Подписано к печати 22.11.88. А 10422. Формат 70×108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 770 000 экз. Заказ № 3273.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ВСЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА КРУГИ СВОЯ. ДОМ, ТРИЖДЫ СЛЫШАВШИЙ ЛЕНИНА, ПОСЛЕ ВОЙНЫ ПЕРЕСТРОЕННЫЙ В СТИЛЕ ТЯЖЕЛОВЕСНОГО, ПОМПЕЗНОГО СТАЛИНСКОГО АМПИРА И СТАВШИЙ ТЕМ САМЫМ ДВОРЦОМ КУЛЬТУРЫ МОСКОВСКОГО ЭЛЕКТРОЛАМПОВОГО ЗАВОДА, В КОТОРОМ СТАЛИН ПРЕДПОЧИТАЛ ИЗБИРАТЬСЯ В ОРГАНЫ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ, ТЕПЕРЬ ПРИНИМАЕТ НЕДЕЛЮ СОВЕСТИ.

НЕДЕЛЯ СОВЕСТИ

Все-таки мы в редакции волновались: придут ли люди, захотят ли откликнуться. Но уже к полудню первого дня у входа образовалась очередь. Огромный Дворец с просторными фойе, балюстрадами и клубными комнатами не смог вместить всех, кто сюда пришел. Тот субботний день не радовал погодой: мокрый снег, метель, слякоть. Но люди терпеливо ждали. Можно было понять и тех, кто пришел раньше, а уходить не торопился. Мы все так долго ждали, когда разговор о жертвах сталинской тирании придет к нам не только с трибуны партийных съездов и со страниц газет. Когда можно будет, как теперь, принести цветы к пусть пока еще символическому надгробию, помянуть своих и чужих, принять личное участие в воссоздании правды и справедливости. Дом, олицетворявший когда-то *его* власть, *его* деспотию, стал в эти дни Мемориалом *его* жертвам.

У многих в руках цветы. Их возлагают на лагерную тачку, перед картой-схемой страны, очерченной на кирпичной кладке, с дислокацией лагерей ГУЛАГа. Выбоины на стене, как следы от пуль: Колыма, Акмолинск, Тайшет, Норильск, Воркута, Игарка... ТОНы, тюрьмы особого режима, где заключенные подвергались изощренным пыткам и издевательствам,— расстрельные. ПИ, политические изоляторы, Берлаги, Горлаги, Степлаги... На тачку кладут цветы, пожертвования — на счет 700454, на строительство Мемориала. И долго стоят у карты, вглядываясь в зловещие щербины. Что они видят в них? Страдания близких? Себя? Сломанную жизнь? Достоинство и честь, поруганные палачом? Растерзанную свободу? У каждого здесь своя точка. (В течение первого дня было собрано шесть с половиной тысяч рублей...)

Нельзя сказать, что приходят сюда только те, кто кровными узами связан с людьми, подвергшимися репрессиям. Много молодых. Им особенно нужно знать правду.

Люди подолгу стоят у Стены памяти. На ее затянутом белым холстом полукружье фотографии, справки о реабилитации, газетные вырезки 60-х, 80-х годов, скупые биографические сведения. «Мартемьянов Иван Михайлович. Жил в селе Благовещенское. Был простым крестьянином, имел девять детей. Арестован в 37-м. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован в 1960 г.». Вот он на снимке со всей своей семьей.

Плотно, рядом шесть фотографий. «Никто из моих родных не вернулся» — запись К. А. Дудинской из города Горького. А кажется — крик.

Еще несколько уничтоженных семей: Кирьянен — тринадцать человек, Пюстонен из деревни Истинка под Ленинградом — десять.

Смотрят на нас со снимков счастли-

Продолжение на стр. 31.

НУЖНА ЛИ ПАРТИЙНАЯ АДВОКАТУРА●

ЧЬИ ЖЕ КЛАССОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ ВЫРАЖАЛ СТАЛИН?●

ОСТАНОВИТЕ ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА!●

■

Каждый коммунист, который хотя бы раз в жизни подвергался репрессиям, гонениям, испытывает страх не потому, что боится партийного суда, а потому, что остается один на один с уже заряженной на конечный исход суда машиной членов парткома, горкома, обкома. И сегодня, в эпоху гласности, справедливости, не редки случаи, когда над коммунистом устраивают судилища, когда коммунистов незаконно исключают из партии, и за это никто не несет никакой ответственности.

Система разбора персональных дел не претерпела никаких изменений с 30-х годов. Чаще всего персональные дела готовятся втайне от самого коммуниста, тайком собираются отрицательные факты, иногда идут в ход и слухи, и заведомая ложь, мол, пусть потом обвиняемый отметает и ложь, и навет, и сплетню.

И наступает такая минута, когда коммунист остается один на один с парткомом, горкомом или обкомом, и он еще не знает, какие ему вопросы зададут. И как тут не растеряться человеку, если ему предъявляют такие обвинения, на которые он не сразу сможет и ответить.

Как правило, персональное дело готовит комиссия при парткоме или горкоме, и председатель этой комиссии выступает главным обвинителем. А кто же защитит коммуниста?

Я предлагаю в районах, городах создать партийную адвокатуру, куда мог бы коммунист обратиться за помощью, советом, консультацией. При нынешнем положении вещей, если над коммунистом готовится расправа, он не имеет права обращаться в другие партийные органы, пока низовая парторганизация не примет решения, а уж после этого он может обращаться выше. А ведь будь партийная адвокатура, мы могли бы избежать многих бед.

Создание партийной адвокатуры надо закрепить уже сейчас постановлением ЦК КПСС, а затем на очередном съезде внести в Устав партии. Сегодня, как правило, обиженному или оскорбленному коммунисту на местах обратиться за помощью и советом практически не к кому. Ведь, как правило, персональные дела возникают не по инициативе снизу, первичная партийная организация просто штампует спущенное сверху указание, и коммунисты, члены партбюро первички даже толком не знают, почему это дело возникло.

По себе знаю, как трудно доказывать, что ты не верблюд, что ты не антисоветский, не антипартийный человек, трудно еще и потому, что все это обрушивается на тебя внезапно, оглушает тебя из-за угла.

Структура партийной жизни тоже требует перестройки, обновления, совершенствования.

Д. ОСЬКИН
Темиртау

■

Сейчас то и дело читаешь: в городах вырубают деревья. Чем объяснить такое варварство? Трудно понять. Кое-где, правда, проскальзывает мысль: дескать, это делается ради того, чтобы видны были архитектурные комплексы. Честное слово, смешно. Архитектура в наше время уже не искусство, а придаток промышленного строительства, и демонстрировать нынешние «красоты» даже стыдно. Их бы прятать подальше. И вот тут-то деревья, кустарники, вьющиеся растения (розы, плющ, дикий виноград и пр.) могли бы сыграть еще и роль декоративного украшения, спрятав под своей зеленой листвой бетонные уродства. Мы не говорим о том, что главное назначение зеленых насаждений в городах, населенных пунктах — быть «легкими», то есть очищать воздух от всяких вредных примесей, которых сегодня более чем достаточно (Душанбе занимает одно из первых мест в стране по уровню загрязненности атмосферного воздуха). И тем не менее деревья рубят не десятками, сотнями, а тысячами.

Во времена моей юности, 25 лет назад, Душанбе называли — и вполне справедливо — городом-садом. Он был, конечно, поменьше, покомпактней, но привлекательным и уютным. По улицам, в парках и скверах любили гулять старики, дети, молодежь. А сейчас каждый норовит совершать пробежки по улицам, потому что ходить размеренным шагом очень опасно: можно получить солнечный удар и даже ожоги.

В прошлом году вырубили два сквера на главной улице города — проспекте имени В. И. Ленина. Построили два административных здания. Рядом с одним из них еще оставался островок зелени, но здесь возвели фонтан из бетона, территорию вокруг него тоже покрыли бетоном, забыв оставить для тех, кто сюда придет отдыхать (вряд ли придет), хотя бы несколько деревьев.

Можете представить себе температуру у нас под ногами, когда ртутный столбик поднимается на солнце выше 50 градусов. Мы с горечью стали называть свой город большой сковородкой. Если еще учесть, что в столице солнечного Таджикистана с населением более 600 тысяч человек количество фонтанов можно по пальцам пересчитать, то ваше сочувствие к душанбинцам перерастет в огромную жалость.

Р. МАХМУДОВА
Душанбе

■

К сожалению, нынешнее состояние здоровья не позволяет мне принять действенное участие в благородном деле «Недели Совести».

Разумеется, я перечислю деньги в фонд памятника на счет № 700454. У меня есть соображения, каким должен быть этот памятник.— об этом напишу позднее. И еще, мне кажется, что было бы не менее важным позаботиться с пристальным вниманием об оставшихся в живых жертвах сталинизма.

Святослав РИХТЕР

■

В ноябрьском номере американского журнала «Тайм» перепечатана часть моих записок «Пенсионер союзного значения», опубликованных в «Огоньке». В тексте, сопровождающем публикацию «Тайма», говорится о том, что поводом для написания этих заметок послужила моя встреча с редактором «Тайма» господином Маллером в июле этого года.

В связи с такой постановкой вопроса я считаю необходимым внести ясность. Материал, опубликованный в «Огоньке», был мною написан в 1972 году по черновым записям 1964 года, основу которых составили несколько магнитофонных пленок, надиктованных по свежим следам событий. Эти пленки были изъяты у меня одновременно с воспоминаниями Н. С. Хрущева в 1970 году компетентными органами. В первоначальном виде я и счел возможным предложить их журналу «Огонек».

В своих записках я стремился описывать лишь то, что видел и слышал сам. Должен сказать, что сегодня существуют и другие источники информации о событиях того периода, например, интересные интервью с Г. И. Вороновым и П. Е. Шелестом.

Во время моих встреч с господином Маллером американская сторона любезно предложила, а затем и предоставила мне распечатку мемуаров отца с магнитофонных лент, хранящихся в фонде Гарримана. В этих материалах, кстати, немало сказано о событиях, которые сегодня с определенными искажениями преподносятся многочисленными вспоминателями, когда-то слышавшими пересказ Н. С. Хрущева. В первую очередь это касается смерти Сталина, ареста Берии, Карибского кризиса и других, хотя, на мой взгляд, значительно проще было бы узнать обо всем этом из первоисточника.

Тогда же, в июле, сотрудники «Тайма» выразили свою заинтересованность в моих воспоминаниях об отце. Я согласился с моими собеседниками, что такая книга была бы полезна. Однако никаких более существенных шагов предпринято не было.

Хочу добавить, что мои записи вдохновлены отнюдь не «заказчиками» из популярных журналов, а лишь желанием правдиво изложить события, свидетелем которых мне довелось быть, поскольку искренне считаю, что события периода хрущевской «оттепели» впрямую связаны с перестройкой жизни нашей страны. И сегодня архиважно учесть уроки прошлого, чтобы не повторить ошибок, совершенных тогда, чтобы использовать накопленный положительный опыт и в нашем общем движении вперед.

Сергей ХРУЩЕВ

■

В «Огоньке» № 41 опубликована статья А. Минкина «Тень» о том, что 20 сентября с.г. в Москве слушалось дело по иску И. Т. Шеховцова о защите чести и достоинства Сталина. Немного раньше об этом же суде писали газета «Известия» и журнал «Новое время».

Во всех статьях выражается удовлетворение по поводу отказа в иске. Мне же думается, что радоваться решению суда (в том виде, в каком оно вынесено), оснований нет. Дело в том, что любое решение суда должно быть основано на доказательствах, а некоторые обстоятельства, подлежащие выяснению в суде, должны быть доказаны при помощи вполне определенных доказательств. А с этой точки зрения решение суда явно несостоятельно.

Если Шеховцов обжалует решение суда, то, скорее всего, Мосгорсуд отменит его как неправильное. Дело здесь даже не в том, что истекла давность привлечения Хвата к уголовной ответственности или не истекла. Главное — это то, что суд не исследовал первичные документы, касающиеся тех событий. А это, в свою очередь, вызвано тем, что все они засекречены.

В частности, в журнале «Новое время» указано, что доктор исторических наук В. Поликарпов показал в заседании, что «...только за 1937 год Сталин подписал 383 списка, в которых значились сотни жертв». Конечно, эти данные взяты В. Поликарповым не с потолка. Но суд не может привести в своем решении эти цифровые данные со слов свидетеля, даже если это доктор исторических наук. Суду нужна, как минимум, справка архива о том, что на 383 списках имеется подпись Сталина. В идеальном же случае суду должны быть представлены подлинные списки для изучения.

То же самое относится и к резолюциям «бить, бить». Просьба (ходатайство) Шеховцова о назначении графологической экспертизы в отношении этих резолюций — не такая блажь, как это кажется журналистам. Экспертизу можно было бы провести и в отношении тех 383 списков. Более того, если бы у суда были подлинники документов, он бы обязательно назначил экспертизу. Но все упирается в то, что ни один архив не даст суду не только подлинники документов или их копии, но даже справку об их наличии!

В этом главная беда! Документы, бесспорно, сохранились. Где-то хранятся и списки, и телеграмма о применении пыток, и постановле-

ния особых совещаний. Но кто имеет к ним доступ?

Публикация не 383, а хотя бы 20 списков с резолюциями Сталина, Молотова, Кагановича и других убеждала бы больше, чем выступления серьезных и честных Адамовича, Карякина, Поликарпова, Афанасьева (ректора МГИАИ). То же относится к телеграмме о применении пыток.

Сейчас технически вполне возможно опубликовать все это в факсимильных изданиях. Впрочем, зачем об этом говорить, если мы до сих пор не знаем даже печальной «статистики» — основы основ. Нам неизвестно, сколько было осуждено к расстрелу, сколько — к лагерям, сколько из этих последних погибли от голода, болезней, были расстреляны в местах заключения.

Когда речь идет об Ягоде, Берии, Ежове, Сталине, Молотове, Ворошилове, мы сталкиваемся с искусственно созданным дефицитом документальных данных. Эти документы не могут представлять никакой тайны — ни военной, ни государственной. Тем не менее их не публикуют, значит, кто-то в этой секретности заинтересован.

Если мы хотим исключить повторение культа в будущем, мы должны разоблачить его полностью, обнародовать все, связанное с ним. Никакие правовые меры здесь не помогут! Пока что закону не удавалось контролировать политическую власть, скорее — наоборот. Первым же шагом в разоблачении культа должно быть обнародование документов тех лет.

Е. А. ЩЕГОЛЬ,
адвокат
Харьков

■

3 октября сего года в «Правде» была опубликована статья «Время трудных вопросов» Г. Бордюгова и В. Козлова, один из разделов которой озаглавлен «Чьи классовые интересы выражал Сталин?». О последнем говорится: «Не только он «лепил» массовые представления о вожде, но и сама масса новых рабочих «лепила» вождя». Пассаж этот напомнил мне недавно прочитанное — «Сталин лепил нас, но и мы лепили его и вместе с ним собственную судьбу — лепили нашей покорностью, миллионно умножая злую силу нашей силой» (Вл. Сапожников. «И кто все-таки виноват?», «Литературная газета» от 24 августа).

Сходство, однако, чисто внешнее, словесное. По сути дела, речь идет о прямо противоположном: Сапожников признает долю ответственности народа за приключившуюся беду, а два автора уверяют, что беда приключилась по воле народа, определенной части его — вышедших из среды крестьянства «новых рабочих». Цитирую дальше: «Левацкое нетерпение, стремление одним махом разрешить все проблемы выростали из этой массы... Ленин думал о демократии как школе цивилизованности, опирался на стремление передовых слоев рабочего класса к управлению, к творчеству новых форм жизни. Нельзя сказать, что Сталин игнорировал эти лучшие стороны рабочего класса, он стремился использовать и их в деле преобразования страны. Но личный режим Сталина, как особая форма организации политической власти, вырастал из других тенденций, также существовавших в молодом рабочем классе,— стремления к авторитаризму, психологии «плохо орабоченного мужика» (выражение Л. Рейснер)».

В свете того, что мы знаем сегодня о Сталине и сталинщине, подобные утверждения звучат неубедительно, более того — кощунственно. Сразу встает вопрос: а чьи классовые интересы выражал Брежнев? «Молодой рабочий класс» к тому времени состарился, выросло новое поколение, а методы оставались прежними.

Сталин и Брежнев выражали интересы созданной ими миллионной бюрократии и больше никого. Образ вождя «лепили» не малоцивилизованные рабочие, а коррумпированные интеллектуалы. Ну а как нам быть тогда с классовым подходом (ведь бюрократия не класс)? Оставить его в покое. Перефразируя известный афоризм, можно сказать: сущее не делится на классы без остатка. В остаток попадают общечеловеческие, национальные, групповые (в том числе мафиозные), личные отношения. Социология власти должна их учитывать. Сталин — узурпатор, он захватил власть в результате переворота (совершенного, разумеется, не в одночасье), он учредил в стране казарменно-бюрократический социализм (возможность которого Маркс предвидел), не выражавший народные интересы. Революционная задача перестройки — вернуть социализм народу, заменить бюрократию демократией.

А. ГУЛЫГА,
доктор философских наук
Москва

■

Мы считаем очень своевременной публикацию очерка Г. Рожнова «Закон суров» («Огонек» № 41), в котором автор, основываясь не только на гуманном подходе, но и на профессиональном опыте, делает вывод, что уже сейчас смертная казнь у нас в стране должна стать «действительно исключительной мерой наказания».

Есть основания надеяться, что вскоре круг преступлений, наказуемых смертной казнью, и круг лиц, к которым может применяться эта мера, будет значительно сужен.

Хочется верить, что готовящееся новое уголовное законодательство будет выдержано именно в таком духе и там, где оно даст смягчение наказания, обретет обратную силу. Новые суды, таким образом, получат возможность пересматривать решения ныне действующих судов.

Исходя из этого, мы считаем целесообразным просить Президиум Верховного Совета СССР уже сейчас, без промедления рассмотреть вопрос о приостановлении приведения в исполнение всех смертных приговоров, вынесенных на основании ныне действующего законодательства, в рамках существующих, крайне несовершенных следственных и судебных механизмов.

Сейчас, когда благодаря процессам перестройки это стало возможным, надо безотлагательно предотвратить роковые ошибки там, где это можно сделать посредством одного-единственного решения. Мы надеемся, что наша страна, наряду со многими другими, найдет путь к полной отмене смертной казни без угрозы роста преступности.

С. АВЕРИНЦЕВ, член-корр. АН СССР,
В. АНДРЮЩЕНКО, врач,
Л. БАТКИН, канд. ист. наук,
Е. БУРЛАКОВА, профессор, д-р биологич. наук,
Н. ВЕДЕРНИКОВ, протоиерей,
В. КОГАН-ЯСНЫЙ, канд. хим. наук,
Д. ЛИХАЧЕВ, академик,
А. ПРИСТАВКИН, писатель,
Б. САРНОВ, писатель,
Ю. СЕЛИВЕРСТОВ, художник,
П. ФЛОРЕНСКИЙ, д-р геолого-минералог. наук

■

В последние годы в нашей стране стали проводиться мероприятия по ликвидации фамильных городов, населенных пунктов, улиц, имена которым присваивались в период культа личности или застоя.

С одной стороны, делается правильно. Прошедшим временем доказана неполноценность таких наименований. Но все же практику присвоения названий населенным пунктам в честь отдельных личностей, доказавших честное служение народу или внесших большой вклад в общество, не нужно отменять.

Мы имеем такие города, как Ленинград, Свердловск, Хабаровск и другие, которыми будет долго гордиться все человечество.

Вот взять БАМ. Его строит вся страна, а названия станций такие, от которых трудно поворачивается язык у человека любой национальности. Посмотрите на карту. Читаем: Кичера, Куанда, Чильчи, Сюльбан и другие. Попробуй запомни, а еще сложней потом выговори.

Что они означают, в подавляющем большинстве своем люди не знают. Только предполагают, что это просто географические понятия.

Имеются и курьезные случаи в названиях. В Амурской области есть станция Тыгда и станция Тында. В Зейском районе есть города Зея и Зейский. По звучанию они похожи, но находятся друг от друга на больших расстояниях. Приезжие путаются в их названиях.

В Октябрьском районе Амурской области есть райцентр Екатеринославка. Назван он потому, что в прошлом веке в это место переселялись на жительство люди из Екатеринослава на Украине. Город на Днепре был назван в честь императрицы Екатерины II. Революция стерла с лица земли все «екатерининские» названия. Таких городов было много. А у нас никому в глаза не бросается такая несуразица. Район носит название Октябрьской революции, а райцентр — императрицы Екатерины.

Давайте же вместе обсудим, как же называть нам города, поселки, улицы и другие места, чтобы они носили эти имена вечно.

В. Г. БЕЛЯКОВ
г. Зея Амурской области

■

Я хотел бы открыто ответить на письмо пенсионера И. Г. Енбаева из Челябинска, напечатанное в «Огоньке» № 27.

Я тоже работаю в ИТУ. Не 20 лет, а всего 6, начальником отряда. Ах, какой прекрасный выход для общества и государства предлагает тов. Енбаев! Выходит, с любой социальной болезнью следует бороться репрессивными методами. Алкоголики? В лагерь! Наркоманы? В лагерь! Проститутки? В лагерь! Всех — в лагерь! Какой тогда прекрасный режим будет в стране!

А какой все-таки режим? Усиленный, строгий, особый, сталинский? Да сколько лет мы именно таким образом и решали все проблемы, а болячки остаются, заболевание общества приобретает хронический характер. По стилю письма тов. Енбаева заметно, что уж он-то, будучи замом по режиму, держал жесткий режим в зоне, не жалел осужденных. А ведь как мы к ним, так и они к нам — все мы люди. Есть, конечно, исключения, знаю, поскольку работаю на особом режиме,— и обманывают, и вредят, и подлости делают. Но душу и человечность никто отменить не в силах. Не знаю, сказал ли кто-нибудь из освободившихся осужденных тов. Енбаеву «спасибо» за науку жизни, за человечность. Я же счастлив, когда хотя бы один из десяти особо опасных рецидивистов при освобождении скажет мне это, даст надежду на то, что он сюда больше не вернется. Какие же мы коммунисты, какие «инженеры человеческих душ», если хотим лечить человеческие души топором за колючей проволокой?! Кто виноват в том, что бывшие осужденные на свободе не желают «приносить обществу пользу»? Да мы же, ведь нам они доверены были. Тут не слезы нужны, не крики, не болевые приемы — работать надо с душой.

А наркоманов и алкоголиков надо лечить и лечить в несколько других условиях, чем нынешние ЛТП. Это же прежде всего больные люди. А в борьбе с самогоноварением, с проституцией и т.п. надо уничтожать причины — социальные и экономические, а не следствия: сколько сорняк ни рви, пока с корнем не вырвешь — не одолеешь. А тайга не выход. Тяжелый физический принудительный труд, не приносящий удовлетворения, ожесточает человека. Порядок, по мнению тов. Енбаева,— это страх. Мы уже жили в обществе страха. Хватит!

В. ПОПОВ
Вологодская обл.

■

Клубы друзей «Огонька» действуют в Ленинграде, Калуге, Саратове и... где-то еще. Для того, чтобы это "где-то" для нас обрело конкретный адрес, мы просим все клубы зарегистрироваться. А если говорить проще и по-человечески, это значит, что мы просим наших друзей сообщить свои адреса и программу работы. Потому что приятно сознавать, что у тебя есть друзья, но еще приятней знать их по имени. Знать, как с ними связаться в случае надобности. По делу или для души.

Будем благодарны, если вы сообщите и телефоны активистов клуба. Это поможет корреспондентам «Огонька» не заплутать в командировке в незнакомом городе, а редакции точнее выбрать адрес горящей темы.

Клубы друзей «Огонька» могут быть созданы практически на любой базе — в городе или районе, при ДК или общежитии, на собрании учебного или научно-исследовательского института, наконец, просто в компании читателей нашего с вами журнала.

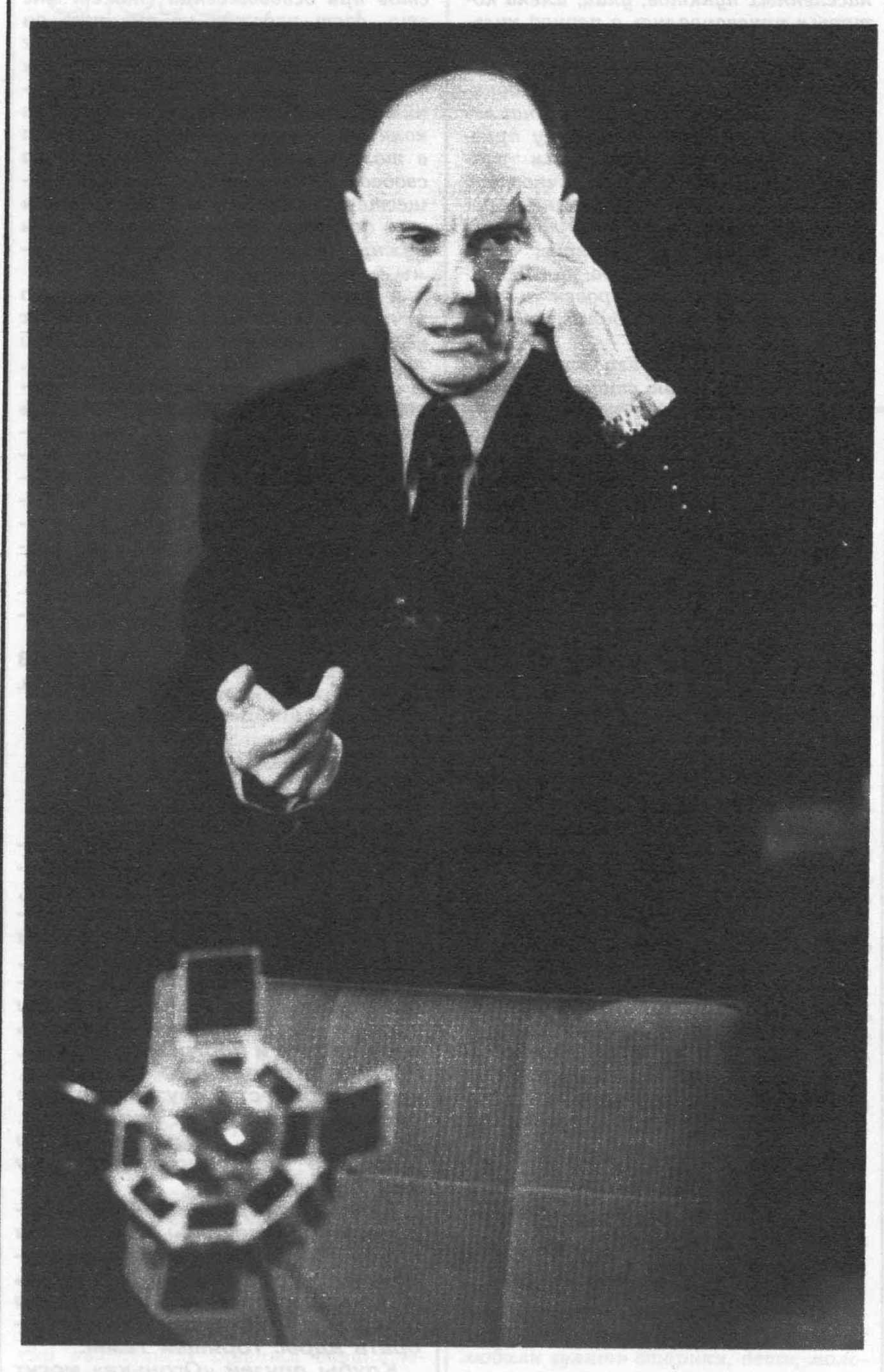
Особо зовем в друзья советы трудовых коллективов!

Обязуемся отвечать друзьям в первую очередь и рассматривать вышеупомянутых как коллективных собственных корреспондентов нашего журнала.

«ОГОНЕК»

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

МОЛОДОЙ ПАТОН

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО

Не верится! Хотя, если смотреть на календарь, шелестящий листопадом (так именуется ноябрь по-украински), то никуда не денешься — вот и 27-е. А в этот день Патону... («молодому Патону», как говорили недавно, чтобы отличить его от именитого создателя мостов и патриарха электросварки Евгения Оскаровича Патона). Так вот, молодому Борису Евгеньевичу исполняется семьдесят лет.

...Тридцать пять лет возглавляет академик Б. Е. Патон знаменитый на весь мир институт, ставший Меккой электросварки. Более четверти века он президент Академии наук Украины. Если далее перечислять его научные и общественные посты, награды, звания, в том числе дважды Героя Социалистического Труда, то независимо от желания выплывут из прошлого, обступят юбиляра годы и десятилетия, насыщенные учебой, трудом, дерзаниями.

Однажды я стал свидетелем любопытного эпизода. Шла беседа в его президентском кабинете, когда зазвонил один из телефонов. Борис Евгеньевич сказал: «Минуточку!» — и поднял трубку. По ходу разговора стало понятно, что звонит первый секретарь обкома одной из восточных областей республики.

— Да, да...— отвечал ему Патон,— это хорошо, что выделяете большое помещение... И квартиры для сотрудников дадите? Спасибо!

У него интересная манера говорить: такая спо-окойная, немного нараспев, с едва ощутимым французским прононсом (Борис Евгеньевич хорошо владеет английским, немецким, французским языками). Растягивая слова, он с каким-то озорством продолжил:

— Вас интересует мое мнение? Разумеется, я — против!

И после долгой паузы снова в трубку:

— Что вы! Конечно, понимаю, как важен для области еще один НИИ... Препятствий чинить не стану, вот только если спросят мое мнение — куда деваться, у меня оно одно. Ведь для создания нового института, кроме помещения, окладов, категории и всего прочего, необходимо главное — иметь хотя бы двух человек с интересными научными идеями.

Честность ученого, я бы даже сказал — щепетильность в поступках и суждениях, в последние годы привела к тому, что как президент Украинской Академии (это мое личное наблюдение), Борис Евгеньевич все больше и больше стал заниматься вопросами экологии.

Конечно, к этому в немалой степени подталкивают и события последних лет: отравление Днестра, катастрофа в Чернобыле, обезвоживание огромных площадей на юго-востоке, случаи массовых, не до конца выясненных заболеваний в Черновцах... Украина занимает менее трех процентов территории страны, а за последнее десятилетие каждый второй атомный блок в Европейской части вводился на Украине. Житница державы потеряла десятки тысяч гектаров плодороднейших земель под «дешевыми» днепровскими морями, а ныне вообще кипит работа, угрожающая превратить Днепр в стоячую канаву, отгороженную дамбой от Черного моря.

На одном из последних совещаний союзного масштаба Борис Евгеньевич сказал, что мы расходуем недопустимо много сырья и энергии на единицу национального продукта, что если бы удалось достичь в этом показателей развитых стран, то, к примеру, на Украине это позволило бы сэкономить столько электроэнергии, сколько ее вырабатывают 7 электростанций, равных по мощности Чернобыльской АЭС.

...Семьдесят лет «молодому Патону». Не верится! Семьдесят лет плюс каскад открытий!

Пожелаем Борису Евгеньевичу Патону в добром здравии дождаться правнуков и праправнуков, и чтобы жили они благодаря его и нашим общим заботам на зеленой и чистой земле. Рецептами для этого академик Патон готов снабдить всех.

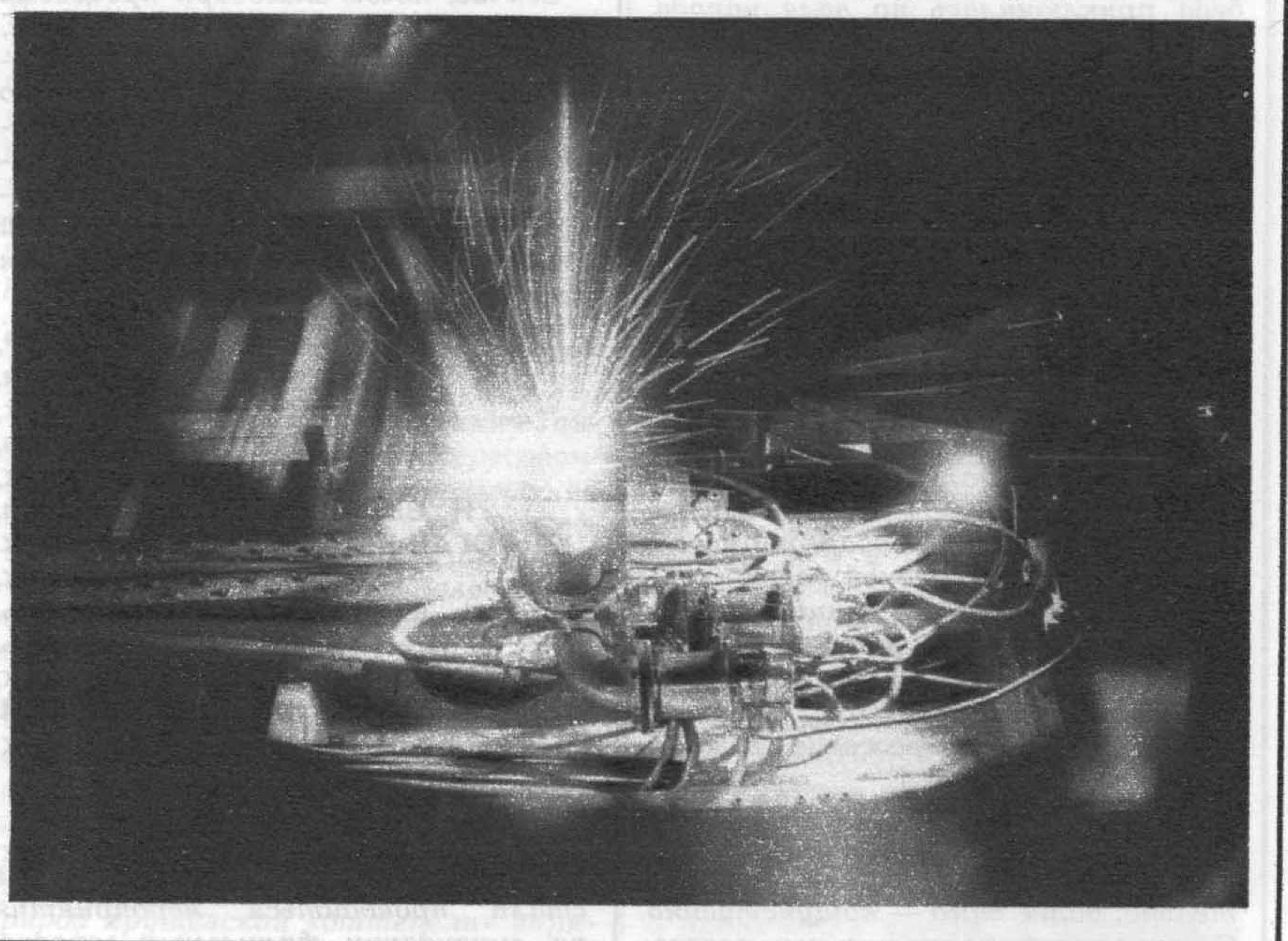
Из выступления академика Б. Е. Патона на сессии Верховного Совета Украинской ССР (ноябрь 1988):

— Около половины населения республики страдает от избыточного веса и ожирения. Нужны неотложные мероприятия по изменению структуры и качества питания. Следует, в частности, расширить ассортимент и увеличить производство низкокалорийных продуктов за счет более широкого использования обезжиренного молока, мясопродуктов заданной жирности, овощных и фруктовых блюд, создания новых видов сбалансированных полноценных продуктов... Простое сравнение фактического потребления продуктов питания на Украине и в США, где, как известно, не существует дефицита продовольствия, свидетельствует, что в расчете на душу населения в год мы потребляем молока и молокопродуктов больше, чем на центнер, сахара — на 18 кг, хлеба и хлебопродуктов в пересчете на муку — на 54 кг, картофеля — на 78 кг больше. Нам необходимо направить в нужное русло изменение структуры питания...

Еще одним большим вопросом, в котором реализация плановых решений непосредственно зависит от результатов научного поиска, является ресурсосбережение... Здесь у нас, как показал опыт последних лет, успехи еще слишком скромны. Именно ввиду несовершенства традиционных технологий, на Украине используется лишь 30 процентов общего количества добывающихся полезных ископаемых. Мы накопили огромные отвалы. Сегодня это 10 миллиардов тонн. Ежегодный прирост твердых отходов составляет 1,5 миллиарда тонн. Утилизируются они крайне неудовлетворительно...

Много претензий вызывает состояние воздушного бассейна. Лишь в Донецкой области из атмосферы ежегодно выжигается около 150 миллионов тонн кислорода — в 9 раз больше, чем способны регенерировать все ее лесные массивы. Аналогичная ситуация во всем Донецко-Приднепровском регионе...

Подчеркиваю, что научная экспертиза — это важный, а иногда и единственный способ противопоставить голос разума волюнтаристскому нажиму, ведомственному эгоизму, сэкономить народные средства.

Александр РАДОВ

ШАЙКА, БАНДА, „СИСТЕМА"

Уроки следователя Олейника, пятнадцать лет противоборствующего организованной преступности.

«ТРЕБУЮ: ЗАВЕДИТЕ ПРОТИВ МЕНЯ ДЕЛО!»

Кто-то лишь рассуждает о наших отечественных мафиях, пытаясь разобраться: есть ли они, или их и в природе нет, а Владимиру Ивановичу Олейнику уже лет пятнадцать — никак не меньше — приходится с ними, а точнее — против них, работать. И хотя множество было профессиональных удач (назову хотя бы пушно-меховое дело в Казахстане и «дело Трегубова» в Москве), он тем не менее сам себя вопрошает: а надо ли заниматься донкихотством?

Рассуждает так: организованной преступности мы как надо не противостоим, зато она противостоит всем. И прежде всего — да с бешеной ненавистью — тем смельчакам (и не только, подчеркну, в правоохранительных органах), которые замахиваются на ее всевластие. Вот здесь Олейник едва ли не самый проклятый для нее враг. Уж какой год не может расслабиться: на войне как на войне!

...В углу телеграммы штампик: «Адресовано XIX Всесоюзной конференции КПСС». А дальше — текст, который вынужден привести:

СЕРЕДИНЕ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ ПРОКУРАТУРА РЕСПУБЛИКИ СПРОВОЦИРОВАЛА МОСКВЕ НЕОБОСНОВАННЫЕ РЕПРЕССИИ ПРОТИВ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ КОММУНИСТОВ ВСЕХ ОТРАСЛЕЙ ЗА ТРИ МЕСЯЦА ЗАСТЕНКАХ СОВЕТСКОГО БУТЫРВАЛЬДА ПОПАЛИ ТЫСЯЧИ КОММУНИСТОВ МНОГО КОММУНИСТОВ ПОГИБЛИ ОТ ПЫТОК СОТНИ СТАЛИ ИНВАЛИДАМИ ПЫТКИ ОРГАНИЗОВАЛИ СЛЕДОВАТЕЛИ ПРОКУРАТУРЫ ОЛЕЙНИК АНДРЕЕВ РУССКИХ КУРБАТОВ СТЕПАНЮК НИЦА ПЕРЦЕВ И ДЕСЯТОК ДРУГИХ ПРЕСТУПНИКОВ ТЫСЯЧИ КОММУНИСТОВ ПАЛАЧИ ВЫНУЖДЕНЫ БЫЛИ ОТПУСТИТЬ... НЕ ПЕРЕДАВ МАТЕРИАЛЫ СУДУ... РАЙКОМ НЕ ВЕРИТ ЧТО ПОДСЛЕДСТВЕННЫХ ПЫТАЮТ УМЕРТВЛЯЮТ И ДЛЯ ЭТОГО ИМЕЮТСЯ СПЕЦИАЛЬНО УСТРОЕННЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ ПРОШУ ПРЕЗИДИУМ КОНФЕРЕНЦИИ РАЗРЕШИТЬ ДЕЛЕГАТУ СЕКРЕТАРЮ РАЙКОМА... ПОБЫВАТЬ СО МНОЙ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ

ГДЕ Я ПОКАЖУ ЗАМАСКИРОВАННЫЕ ПОЛИРОВАННЫМИ ЩИТАМИ ВХОДЫ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОДЗЕМЕЛЬЯ ГДЕ РАСПОЛОЖЕНЫ КАМЕРЫ ПЫТОК ДЛЯ КОММУНИСТОВ МОЙ АДРЕС МОСКВА...

После всех разоблачений, которые свалились в последние годы на наши бедные головы, так хочется поверить и в эти, тем более что адресованы они от Н. (под телеграммой он подписал свое имя, но я его не называю из тех соображений, чтобы не превратить Н. в идола самых черных в государстве сил) к XIX партконференции. И особенно потому, что речь идет о правосудии, которое у нас уж точно не без греха. Да и сомневаться в том, что автор телеграммы психически нормален и умственно состоятелен, нет у меня ни малейшего основания. А если не это — так что же? Не может же здравомыслящий человек так чудовищно лгать?!

Видимо, на это, то есть исключительно на обывательское восприятие, не допускающее, что врать можно не по мелкому, а с гигантским размахом (что замечательно использовалось и хлестаковыми и геббельсами), и рассчитан этот демарш.

Прокуратура страны на телеграмму, адресованную партконференции, ответила стереотипно: «факты не имели места». Олейнику бы тут радоваться (худо-бедно, но защитили), а он настолько был раздосадован, что на имя прокурора республики написал рапорт, в котором и раз, и другой, и третий требовал: возбудите против меня и других названных в телеграфном заявлении следователей уголовное дело. (Спустя неделю с таким же заявлением обратился в адрес Генерального прокурора и следователь Андреев.) Добивается, чтобы совершенно независимые юристы со всей тщательностью проверили, да с выездом, естественно, на место: в «средневековые подземелья», «камеры пыток» — каждый пункт и подпункт из страшных обвинений Н. И если виновны — судить по всей строгости. Но уж если тут ложь — привлечь Н. за клевету, за провокацию.

Знаю наверняка: если б такой Н. был один и действовал сам по себе, Олейник стерпел бы и даже внимания не обратил. Но за его спиной угадывается огромная и просто-таки зловещая сила. Ей-то и бросает вызов Олейник.

Ну, а если третий вариант? Он, как предчувствует Владимир Иванович, наиболее вероятен: в привычном стремлении сглаживать конфликты, искать безопасные для себя компромиссы руководители прокуратуры, назначенные в своем большинстве в застойные годы, непременно спустят дело на тормозах. Для этого случая у Олейника предусмотрен вариант отставки...

Такое в его жизни не в первый раз. Два года назад, то есть в ту пору, когда приговор Н. П. Трегубову — главе Главторга столицы и по совместительству «крестному отцу» преступной «системы», включающей десятки тысяч действующих лиц, был подписан, а затем оставлен в силе высшими судебными инстанциями, Олейник мог чувствовать себя именинником. Ведь уже были переданы в суд и десятки других дел, вытекавших из трегубовского. Это обещало такой удар по мафии (хотя бы в сфере продовольственной торговли столицы), от которого она вряд ли бы оправилась. Но именно в это звездное для себя время «важняк» (выражаясь на служебном жаргоне), а если официально — старший следователь по особо важным делам при прокуроре РСФСР Олейник писал первое свое прошение об отставке, не скрывая: тут протест!

Конечно же: переполняли его и личные обиды. Но не на конкретных в общем-то лиц, а на всю Административную Систему, которая лично ему многократно доказывала свою циническую бесчеловечность. Острее всего он ощутил это в моменты полной, казалось бы, безысходности. Было это, когда два года скитался по Москве без квартиры, месяцами ночуя на вокзалах; по полгода болел, схватив «при исполнении» подлейшую инфекцию — бруцеллез, который, кажется, будет напоминать о себе до конца дней; в буквальном смысле бедствовал вместе со своей трехпоколенной семьей, будучи, по сути, ее единственным кормильцем; не знал, как отмыться от гнуснейшей клеветы (имел-де «Волгу», а потом ее перепродал); спасался как мог от «мстителей», ожидая смерти из-за каждого угла.

В последнем не преувеличиваю. Еще лет восемь — десять назад чет-

ко понял: за ним охотятся. Сначала предупреждали по телефону: если не прекратит — плохо будет с женой и дочерью. Отмахнулся — а что было делать? И последовала первая кара — почти одновременно потеряла работу жена, был снят с должности зять. Олейник посокрушался, но продолжал в том же духе. И тут начались почти классические для мафиози всех стран подставки и ловушки. Если пересказывать — хватит на детектив. В последний раз его снова спас Его Величество Счастливый Случай. Было так: когда на багажнике своего потрепанного «Жигуленка» приметил наклейку с торговой маркой выстраданного им Главторга, никак не сообразил, что тут для него привет с того света. Понял это слишком поздно: когда на ходу «торпедировалось», увлекая машину на встречную полосу, левое переднее колесо, кем-то из деятелей, поклонников или наемников Главторга добросовестно отвинченное. Была бы скорость всего на десять километров выше — благополучно отправился бы к праотцам...

Отдаю ему должное: ни трястись, ни озираться не начал. Менять работу лишь потому, что фатально опасная, и в мыслях нет. Рисковал бы и дальше, если бы каждый раз убеждался — есть прок. Но в том-то и дело — толку не видит...

Не для своей услады или выгоды. Ведь впереди личных обид всегда стояло у него другое: очень концентрированное общественное негодование, настоянное на неизбывной боли за измученное отечество.

Тут хочу подчеркнуть, что протест свой, в полной мере социальный, адресовал не только и не столько родной для себя прокуратуре, а всей правоохранительной системе страны. Мало того, что многие в ней «мышей не ловят», в миф превратив принцип неотвратимости наказания. Но, что еще горше, сталкиваясь с делами сколько-нибудь крупными, многоходовыми, где орудуют не дилетанты-одиночки, а хорошо организованные, имеющие к тому же высокие «выходы» профессионалы преступного мира, система эта часто пасует, выказывая или трусость, или беспринципность, или беспомощность. Даже в случаях, когда преступная сеть уже вскрыта, а все улики против нее налицо и остается всего только выкорчевать, связываться с этим правоохранительная система подчас не желает. А в результате многих из тех, кого самоотверженно, многим рискующие следователи успели схватить за преступную руку, непонятно кто и на каком основании да без всякого, конечно же, суда берет и прощает!

Здесь не фантазия. Из двух тысяч попавших в сферу следствия работников продовольственной торговли Москвы (добрая половина из них — высокие чины!), чья причастность к крупным, то есть многомиллионным, хищениям или поборам не вызывает никаких сомнений, до суда дошло только восемь процентов. Остальные фактически прощены. А из 97 выделенных в отдельное производство уголовных дел и материалов, переданных из республиканской прокуратуры в московскую городскую, в суд направлено только два. Но и это не все: подчистую расформированы с большим трудом собранные в свое время следственные группы, уже кое-что понявшие в организованной преступности. Из органов внутренних дел уже не раз убирались сотрудники, которые по инициативе Андропова были переданы из КГБ с целью борьбы с милицейской коррупцией. Так как же не печалиться, как не гневаться Олейнику, если мафиям, и в первую очередь торговым, вольно или невольно попустительствовали. Вот и факт: по всем прокуратурам Москвы нет ни одного дела о взятках, хотя таковые в жизни столицы не перевелись. Подтверждение нахожу недавно (19 сентября с. г.) в «Известиях» — председатель первого в стране кооперативного кафе на Кропоткинской, 36, Андрей Федоров горько сетует: «Вам, наверное, тоже известны случаи, когда у кооператоров вымогают за все и вся. Интересно, не правда ли? Предполагалось, что кооперация вытеснит «теневую экономику», а зависимость кооператора от чиновника, наоборот, породила новую ее «отрасль». Так, может быть, не надо закрывать глаза на это явление? Может быть, правоохранительным органам пора обратить на него внимание?»

Как тут забудешь: нисколечко не раскаявшийся, ни на йоту не помогший следствию Трегубов на одном из допросов ненавистно ему, Олейнику, бросил: «Ничего! Сейчас вы нас. Придет время — мы вас!» Так неужто оно приходит?

ПРОЗРЕНИЯ

Олейник уралец. Вырастал в вечно засушливых оренбургских степях и с детства хлебнул лиха! Рано проклюнувшееся чувство справедливости заставит его переиграть уже однажды сделанный выбор: считал себя прирожденным инженером-радистом, всю юность провел с паяльником, но за день до того, как должен был отправиться поступать в Свердловский политехнический, вдруг все переменил и махнул в Пермь, а в те времена — город Молотов, где вероятнее, как решил, поступить на юридический. А был это 54-й год.

Дальше последуют XX съезд и хрущевская «оттепель», очень быстро свернутая, но успевшая все же раззадорить демократической вольницей. По натуре человек артельный, но при этом склонный к лидерству, он с головой окунулся во всевозможные, в те годы еще не забюрократизированные формы если не народовластия, то народоучастия — народный контроль, бригадмил, городскую сатирическую газету. Тогда, быть может, и поверил на всю оставшуюся жизнь: если народ не поднять — ничего не добиться: аппаратные победы пустые или даже, что часто, пирровы...

После юрфака оказался на уральском севере помощником прокурора громадного, состоящего из многих колоний лагеря. Тут-то и начали возникать прозрения, которые потом приведут к пониманию зловещего мира организованной преступности. Увидел прежде всего: никакое тут не перевоспитание. Всего только кара. И бесконечные — как для души, так и для плоти — мучения! Но самое, быть может, печальное: тут завязываются узы, которые потом на воле и воспроизводят преступные сети. Уже позже, расследуя дело о бандитизме бывшего сотрудника МВД, он попадет в колонию, где будут сидеть исключительно работники милиции. С испугом увидит: идет интенсивное взаимообогащение криминальным опытом, передаются эффективные методы рациональной, то есть «безопасной», преступности, перепродаются уголовные и протекционистские связи, складываются преступные синдикаты. Но их разве кто-нибудь отслеживает, начиная от лагерей?

После Севера оказался на знойном Юге — прокурором района, а затем во Фрунзе — прокурором-криминалистом республики. Уже там приметил, как дельцы смыкаются с уголовниками, а те и другие — с бюрократическим аппаратом. Тут-то и возникала Система.

Но в первые годы ему доставались шайки. Чуть позже довелось помучиться с более зловещими образованиями — бандами, которые одну за другой расследовал в ту пору, когда учебники права крикливо доказывали: бандитизм в стране окончательно и бесповоротно искоренен! Сравнивая банды с шайками, осознавал: тут этапы перерастания. От бандитизма был прямой путь к мафии. А что такое мафия? Политизированная преступность, которая использует в своих целях представителей власти, их служебные полномочия. И в этом смысле мафия есть порождение государственной системы, поскольку произрастает на ее пороках. Спрашиваю Олейника, забегая вперед:

— А что за мафией? Какой этап?

— За мафией? Захват преступным миром политической власти.

Это не так фантастично, как может показаться. Разве подобное уже не случалось, хотя и в рамках отдельных регионов? Тут имею в виду не только Узбекистан времен Рашидова... Когда преступная банда выходит на масштабные дела, нуждаясь в защищенности и стабильности, она начинает вербовать государственных служащих или, напротив, внедрять в государственную структуру своих людей. При этом действует хитро. Не только подкупает уже готовых — нравственно сложившихся или, точнее, нравственно разложившихся — людей, но и с дальним прицелом растит молодых, анкетно «непорочных» и перспективных. Потом ждет, когда они займут ключевые позиции в обществе, чтобы оттуда быть полезными своей «альма матер».

Однако бывает и так: мафия не может долго ждать и потому берется ускорить ход карьеры. А в том, как лихо умеют мафии двигать все выше и выше верных себе людей, Олейник убедился в Караганде, когда вместе со следователем А. В. Чужуком и сотрудниками КГБ вел пушно-меховое дело. В застойные годы о нем не дано было ни писать, ни публично рассказывать. Уж больно оно компрометировало власть...

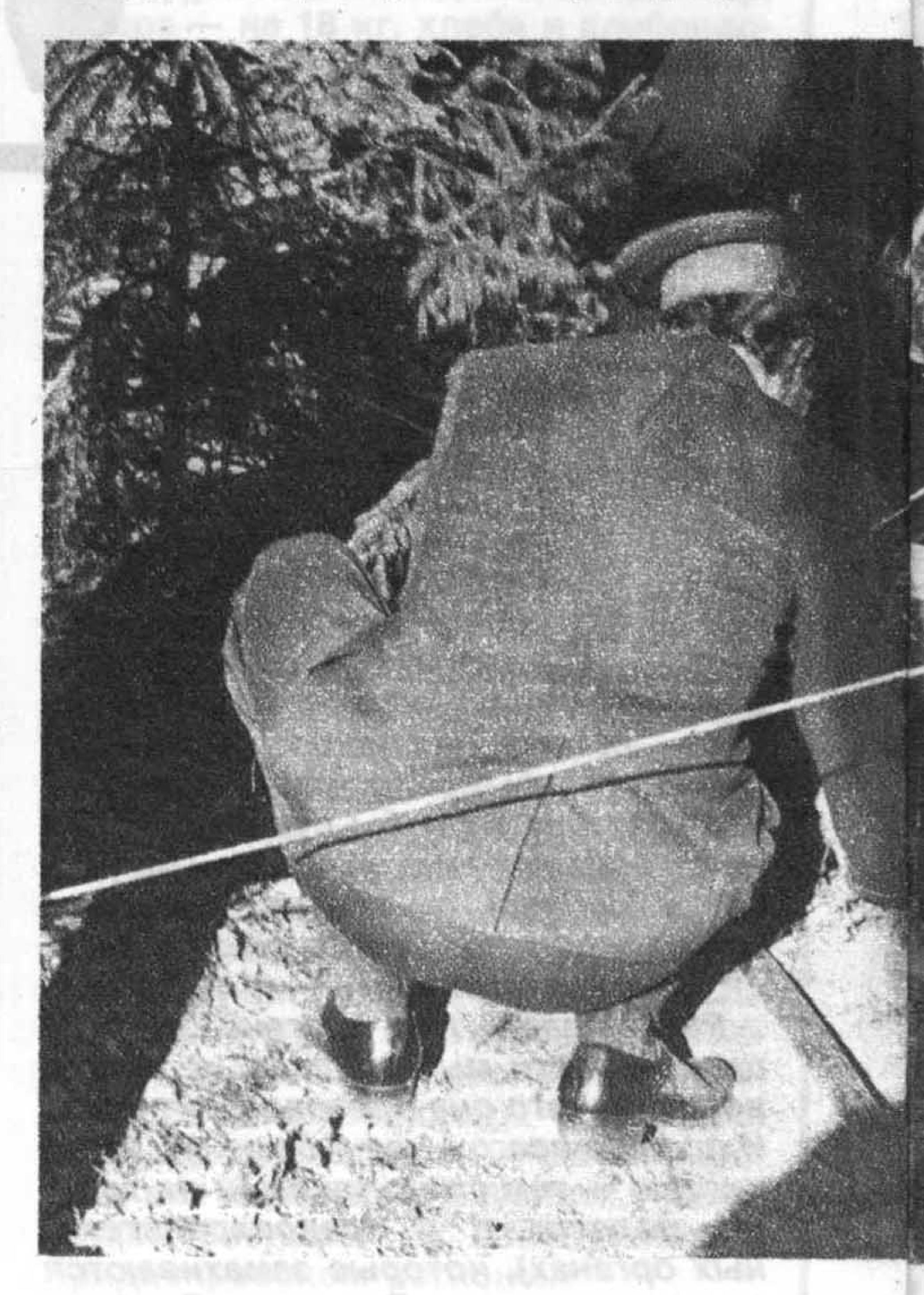
— Представьте себе: два юриста (Дунаев, возглавлявший прежде юридическую консультацию, и Эпельбейм, заведовавший кафедрой уголовного права в Высшей школе МВД) вместе со Снопковым — оборотистым хозяйственником — сверхоперативно построили и пустили новое производство, позволившее каждое второе изделие пускать налево. О масштабе их деятельности можно судить хотя бы по тому, что только конфисковано у них было ценностей на полтора миллиона рублей. Так вот: в райотделе милиции они отыскали совсем «зачуханного» майора Н. и заключили с ним контракт — будем платить по 8 тысяч рублей в месяц, чтобы предупреждал об опасностях. При этом пообещали: максимум через год-полтора станешь заместителем начальника областного управления милиции. Полностью выполнить обещание не успели, однако к моменту ареста Н. уже успел занять кресло заместителя начальника ОБХСС области, и все шло к тому, что поднимется и выше.

...Итак, именно кадровой, если хотите, работой отличается мафия от предыдущей стадии: банды. Им, высоким покровителям, идет львиная доля добычи. Платят не за конкретные акции или услуги, а впрок — на всякий случай. Поток денег и ценностей вверх есть еще одно характерное отличие мафии. К примеру, из 750 тысяч рублей, похищенных Соколовым, бывшим директором елисеевского «Гастронома» и его замами, «только» 350 тысяч они использовали для себя. А куда же пошло остальное? Но именно эти «отстегивания» и страховали всю честную компанию, позволяя, почти не рискуя, тянуть и грабить целых пятнадцать лет.

Что касается структуры преступных «систем», то для них характерна ступенчатость сфер и связей. Тут почти зеркальное отражение административно-управленческой структуры — отрасли, объединения, органа местной власти. Если взять, к примеру, торговлю, то здесь пять ступеней, где нижняя — магазины. Каждая ступень прикрыта своим своеобразным «зонтиком безопасности», образуемым должностными лицами ведомственного и вневедомственного контроля, которые халатно, некомпетентно или недобросовестно относятся к своему служебному долгу. Или другими руководителями, за взятки страхующими «подшефных».

«Петриков (первый заместитель Трегубова.— **А. Р.**), предполагая, что Трегубов догадывается о получении им взяток от торговых работников, в 1976 году начал давать взятки Трегубову за неразоблачение его взяточничества, поддержку и покровительство по службе, содействие в обмене квартиры. В качестве взяток Петриков вручал Трегубову в его кабинете по 1500 рублей каждый раз перед праздниками 1 Мая и 7 ноября в 1976, 1977, 1979, 1980, 1981 годах. В 1978 году 29 ноября, в день 60-летия Трегубова, Петриков вручил ему в качестве взятки 5000 рублей. Всего в 1976—1981 годах Трегубов получил от Петрикова в качестве взяток 20 000 рублей» (из приговора).

Еще одно удивительное и очень опасное свойство мафий, и прежде всего делячески́х,— изощренность их мозгового центра. С этим Олейник сталкивался каждый раз, когда вынужден был распутывать преступную

сеть. Добираясь до верхушки, обнаруживал, как правило, очень умных и сверхделовых людей. Они бывали гораздо опаснее, чем у Шукшина в «Энергичных людях». А в интеллектуальном плане на пять голов выше. Очень умные люди. Спрашиваю:

— Умные еще и потому, что мафия нанимает именно таких?

— Да, прежде всего она привлекает интеллекты.

— Тогда здесь досаднейший парадокс. Легальная экономика и до сих пор зачастую наплевательски относится к талантам и интеллектам, а воровская и любит, и ценит, и привораживает. Не потому ли воровские фирмы такие сверхрентабельные? Как, к примеру, Карагандинская?

— Вот это точно! Начальником одного из цехов был у них Рудольф Рудольфович Жатон, француз по происхождению. Всю свою жизнь работал четко и аккуратно, того же требовал и от подчиненных. Его жульнический цех, откуда каждое второе изделие шло налево, не один год было цехом коммунистического труда. Там действительно была дисциплина, существовали передовики и ударники, вручались красные знамена, проходили бурные партийные собрания. А в это время тек и тек во-

ровской ручеек. Какой там ручеек — бурная река.

А на чем держалась там дисциплина? Ведь люди к ним буквально рвались и держались за место двумя руками! И не потому, что там были передовые приемы труда, хотя это так. И не благодаря хорошо организованному соцкультбыту. Все проще: каждый имел там возможность украсть. Швея — сшить шапку и унести домой. Мастер — целое пальто. И, помимо официальной зарплаты, по ведомости получал доплату за шитье левой продукции, которая шла без нарядов.

— И никто не взбунтовался, не отказался участвовать в жульническом производстве?

— Никто и никогда. Ни беспартийные, ни члены комсомола, ни члены партии. И это, увы, не уникальный случай. Подобное частенько бывает там, где возникают подпольные производства.

А вот другая несуразица. Вначале организаторы мафии сложились личными деньгами, чтобы на голом месте поставить сверхпроизводительный цех и сделать это как можно скорее.

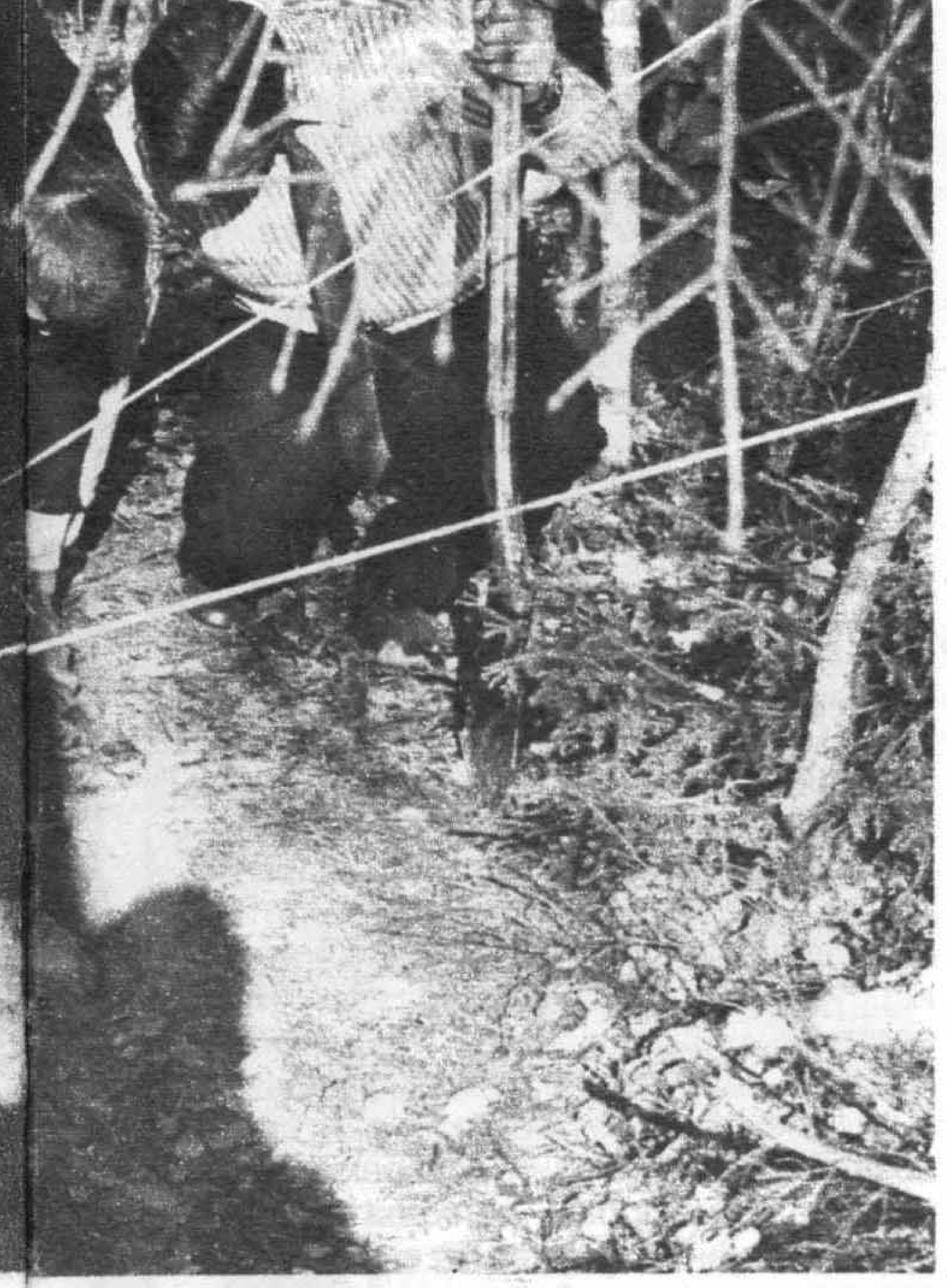
— Я вычитал из материалов дела, что Дунаев вложил свои кровные 18 тысяч.

— Да, и Дунаев, и другие.

— Рисковали, могли прогореть?

— Конечно! Но умели прогнозировать события на годы вперед. Они же предполагали не пять лет, как это случилось, а десятилетиями работать. А затевали новое производство под самым благовидным предлогом на основании официальных бумаг, подкрепленных ссылками на недавно принятое в то время постановление о развитии местных промыслов. После этого наши «герои» за крупные взятки достали роскошное импортное оборудование, предназначенное для серьезных отраслей, добились, чтоб государственные предприятия быстренько обучили им кадры. И вместо всеобщего, такого теперь привычного долгостроя за каких-то 3—4 месяца смогли построить, оснастить и запустить сверхсовременное производство.

— То есть на полную железку использовали и государственный централизм, и высший партийный документ, и фондовые поставки! Поразительно — тут замечательно заработало то, что для позитивных целей никак работать не хочет. Вот она — великая сила «смазки». Может, тот ржавый хозяйственный механизм, который мы прокляли, на это и был рассчитан?

— Похоже, что так. И то учтите, что они имели дело далеко не с мелкими чиновниками. Но здесь я обрываю, памятуя о презумпции невиновности. Для услаждения высоких покровителей Дунаев и К° постоянно содержали офис-люкс в гостинице «Метрополь». Угощали гостей не только кулинарными шедеврами, но и очень дорогими подарками и дармовыми кокотками, «случайными» выигрышами в преферанс. Когда в Москве появлялся Дунаев, его всюду возила «Чайка», принадлежавшая одному из союзных министров.

Что еще характерно — они сразу же стали расширять масштабы деятельности: открыли один филиал, другой, третий.

— Владимир Иванович, а если б их не остановили — была б и всесоюзная мафиозная фирма?

— Так они и предполагали. Для этого покупали в Москве и под Москвой особняки, готовились и тут — в Нечерноземье — затеять мощное производство, но не успели...

— А во имя чего? Только ради обогащения?

— Я тоже вначале так думал, удивляясь: «Лев Михайлович,— спрашивал я у Дунаева,— ну зачем столько денег?» Про себя думал: неужто от жадности? Но он мне отвечал: «Нет, не это главное. В том мире, в котором я вращаюсь, каждый имеет свою цену. Мы ведь все экономисты, аналитики — каждого насквозь видим. Даже если не сообщаю себе подобному, сколько за мной,— он меня "обсчитывает" и в соответствии с этим ценит».

— Это первое, с чего он начал,— иметь цену?

— Да, цену. А второе — уровень материальных возможностей определяет и круг покровителей, и весомость деловых связей. Он мне говорил: «Я не собираюсь бежать на Запад или на Восток. Я хочу на родине как можно более полно себя проявить». Ну а третье — у них повсюду свои люди только потому, что они их содержат.

— Еще немножко, и сделаем из него «героя нашего времени». Но все-таки: какая у них конечная цель? Если есть таковая...

— Только власть!

— Власть над кем? Чем шире — тем лучше?

— Беспредельная! Власть как самоцель! Власть на всех уровнях.

— Но так, чтобы она не обременяла? Или даже бремя власти их не пугает?

— Тут интересный вопрос. Снопков, то есть один из них...

— У которого изъяли полмиллиона, а у трех любовниц его — еще несколько сотен тысяч, не считая золота, бриллиантов?

— Да... Он был сыном кулака, но не ошибочно раскулаченного, а настоящего мироеда. Как-то своей супруге сказал: «А хочешь, Настя, я в эти выборы стану депутатом Верховного Совета? Хотя нет, на хрена мне это надо — столько забот!» Это было в начале семидесятых. Позже Снопковы уже не отказывались, понимая,— это, может быть, самый надежный «зонтик безопасности»...

— А как официальная власть от них зависела? Они дергали за ниточки или взаимодействовали на равных?

— В то время они только приручали к себе власть. На ключевых позициях еще не имели своих людей. На том, то есть первом, этапе главным для них были именно деньги. Но дальше им пришлось обзаводиться своими людьми, чтоб обеспечивали ресурсами, страховали от разоблачений. Вот здесь и пришлось приручать аппаратчиков — за счет поблажек, угощений, денег. И в этот период начиная с 1978—1979 годов они укоренились, заимели капиталы, обеспечили себе надежные прикрытия.

— Вот тут-то и возникло их всемогущество? Есть оно?

— Есть. Приведу один эпизод. Мне о нем рассказал на допросе Петриков, первый заместитель Трегубова, втянувший его в мафию. По итогам Олимпиады в Москве большую группу руководителей московской торговли наградили орденами. Это было незадолго до изобличения всей шайки-лейки. А награждение должно было состояться в Моссовете. Но возмутился Соколов — директор елисеевского «Гастронома», которого потом расстреляли: «Как это в Моссовете?» Но ни Трегубов, ни Петриков ничего изменить не могли. «Нет, это вы не можете,— говорил им Соколов,— а я могу! Сделаю — нас будут награждать в Кремле!» И действительно, их награждали в Кремле. Тут, по-видимому, ловко было использовано неведение людей, жмущих при вручениях руки. Как вспоминал Петриков, Соколов расхаживал по Кремлевскому дворцу с чувством хозяина, с фотоаппаратом «Поляроид» на груди. Всех снимал и тут же выдавал цветные фото. И вся компания была благодарна Соколову.

Без Соколова мы бы о многом не догадывались сегодня, не состоялось бы и дело Трегубова. Это он своими признаниями, активной помощью следствию помог вскрыть московскую торговую «систему». Приступая к делу Главторга, мы уже имели данные о том, что устойчивыми преступными связями объединены 757 конкретных людей — от директора магазина до руководителей торговли Москвы и страны, других отраслей и ведомств. Лишь по показаниям 12 обвиняемых через их руки прошло взяток на 1,5 миллиона рублей.

КОРНИ И КРОНА

— Владимир Иванович, организованная преступность — это, по всей видимости, подарок брежневщины? Или даже ее суть?

— Видимо, так!

— И связана со всеми ее зловещими чертами: перерождением власти, ее бесконтрольностью и беспринципностью?

— Да, но истоки этого — с конца 20-х годов, когда в государстве резко разошлись слово и дело. И не просто: говорю, но не делаю. Сложнее: говорю одно, думаю другое, делаю третье...

— А с чего начался нынешний этап?

— Со слов «сделай!», «устрой!». Это стало проявляться с начала шестидесятых годов. Как бывало? Звонят на периферию из Москвы: выезжаем с проверкой, будем тогда-то, ты там устрой! А устрой — значит, накорми, напои и еще тридцать три удовольствия. Работу, рыбалку, может быть, даже и девочек. Такие были запросы у начальства, и многие подчиненные, во всем зависимые, не могли не исполнять.

— И сами воспользовались этой обстановкой взаимного попустительства. И началось немыслимое: среди бела дня, почти не таясь, тысячи и тысячи «добрых молодцев» принялись беззастенчиво растаскивать, разворовывать страну. Теперь думаю: почему же народ не поднялся, не остановил эту бессовестную вакханалию? И в изумлении был, и сплоченности не хватило. А другое — государственную собственность, как нынешнюю, так и будущую, действительно не считал ему принадлежащей. Это было следствием большого отчуждения государственных институтов от граждан. Они стали существовать словно бы для себя, для собственной услады, отгораживаясь от многих общественных проблем и не входя в положение честных тружеников, коим приходилось гораздо тяжелее, чем людям недобросовестным и непорядочным.

Государства погибают, когда перестают отличать хороших людей от дурных. Сказано это еще в IV веке до нашей эры древнегреческим философом Антисфеном, а насколько же актуально и точно. Вот и наше государство дошло почти до края, отодвигая хороших людей и приближая к себе плохих. Надо ли удивляться, что черным силам слишком долго никто всерьез не противостоял?

— Добавьте сюда перекосы контроля. Где-то читал: в ведомственных контрольных органах занято сегодня 350 тысяч человек. Несмотря на такую гигантскую армию контролеров, немало еще воруют, тащат. Недавно на брифинге один из руководителей УВД Москвы сообщил: из 58 продавцов овощных магазинов, проверенных с помощью контрольных закупок, обвешивали 57. Это страшно! Если прикинуть — десятки миллионов в стране работают нечестно, участвуя в больших или малых хищениях. Как это остановить? А если учесть, что занимаются этим не злоумышленники-одиночки, а солдаты невидимой армии, обнаружить и уничтожить которую невероятно трудно. Может быть, даже и невозможно! И дело не только в хорошо сколоченной структуре, надежных «зонтиках безопасности», цепях взаимозависимостей, которые основаны на принципе, основополагающем в мире мафий: «за все надо платить!», а это становится благодаря двум главным источникам извлечения нетрудовых доходов. Первый — организованный обман населения за счет обвеса, обсчета, различных махинаций с товарами, в том числе фальсификации, пересортицы, завышения цен... Второй — всевозможных форм хищений и растрат казенного имущества, из которых наиболее безнаказанные — если говорить только о торговле — списание государственных сумм на «естественную убыль» или так называемую «забывчивость покупателя». Она, конечно же, имеет место, но в жизни в десятки раз преувеличивается! И это оборачивается по стране сотнями миллионов, если не миллиардов рублей, присваиваемых мафиями. Здесь же реализация «левых», то есть похищенных товаров. Их продажа происходит, как правило, через отдельный прилавок в торговом зале или уличный лоток. А вот еще один отработанный в торговле номер: искусственные, специально подстроенные «недостачи», чтоб с «непослушных» продавцов «без огласки» брать мзду. Подобные источники — их сотни и сотни — есть в любой сфере хозяйствования.

Основным «делателем денег» является в этой системе продавец, который не может не красть, поскольку «система» ставит его в жесткие рамки. Но безнаказанно обогащаться ему даровано лишь в случаях, если часть приварка направит наверх — заведующим отделами (секциями), а те директорам и их замам. Для последних тут не единственный доход. Они монопольно распоряжаются той самой «естественной убылью», которая является самым гарантированным на сегодня каналом обогащения мафий.

С помощью этих средств и строятся взаимоотношения с верхом, поставщиками. Для удобства обращения в ходу неписаные прейскуранты. К примеру: за каждый килограмм поставленного с холодильника мяса директора магазинов выплачивают по 3—5 копеек.

И так сверху донизу или наоборот. Механика, как видим, предельно простая, а действует неумолимо. Посмотрите, что она приносит. Как показал на суде директор гастронома «Новоарбатский» Филиппов, за десять лет работы он получил от подчиненных 171 300 рублей, из которых передал дальше 84 642 рубля. Директор Дзержинской плодоовощной конторы Амбарцумян за 14 лет (начиная с 1970 года) получил 405 000 рублей, а передал — 51 000. И это лишь в пределах расследованных материалов дела.

В этой системе хищений ключевое звено — райпищеторг. На суде по «делу Трегубова» звучало: если назначение директоров магазинов стоило им по 10—15 тысяч — в зависимости от товарооборота,— то за должность главы райпищеторга брали подчас в два-три раза больше. Этому способствует и то, что зампреды райисполкомов, курирующие торговлю, имеют в своем подчинении и милицию, что позволяет самым нечестным из них преступно «увязывать» работу этих двух сфер. Вот почему торговля частенько имеет возможность «назначать» себе всех своих кураторов.

Реорганизации в сфере торговли не раз способствовали тому, чтобы более эффективно «снимать» взятки. Был, например, из Главторга выделен Главмосплодоовощпром. Преступные директора объединений со всех руководителей магазинов «Овощи-фрукты» норовят собрать денежную таксу, чтоб потом расплатиться с коррумпированными руководителями высших рангов. Этому «взяткораспределению» очень способствует, как показывал на суде Амбарцумян, деятельность ряда экспертов торгово-промышленной палаты. За взятки они снижали кондицию импортной продукции — яблок, апельсинов, бананов, мандаринов... Это позволяло каждому из участников «экспертизы» иметь с вагона по нескольку тысяч рублей. Вот почему иные директора плодоовощных баз не стремятся к надлежащей заготовке овощей и их хранению. Больше того, поскорее стараются освободить помещения под дефицит, всеми силами уничтожая доброкачественные плоды, списывая потом на порчу, выбрасывая на свалки...

— Это многое объясняет. Трудно навести порядок в продовольственном обеспечении населения, не затронув организованной преступности. И что стоят наши журналистские рейды, с помощью которых мы стараемся сохранить то, что гибнет в поле, при погрузках, транспортировках... Безнадега: жульё будет уничтожать — с цинической и бесчеловечной расчетливостью!

— Уже очень давно не новость, что многое в торговле строилось на взятках. Порядок этот так крепко сколачивали, что изменить его можно только всем вместе — никому по отдельности не удастся. Ведь тех, кто пытался ослушаться, «система» выставляла за дверь или спроваживала в тюрьму.

Рядовые продавцы знают все это, но далеко не все из них «рыпаются». Они знают, как ценятся охранительные или защитительные акции: предупреждения о возможных комиссиях или ревизиях, неотражения в контрольных или ревизорских документах нарушений и злоупотреблений.

Немало такого было в торговой Москве начиная где-то с 1965 года. Этому способствовала хитро проведенная нейтрализация органов БХСС, которые были жестко ориентированы на «палочки» уголовных дел. К концу шестидесятых годов мафия рвалась в государственный аппарат, правоохранительные органы. Вот так к исходу брежневщины укрепилась в стране сплошная сеть преступной «системы» с «коллективным руководством», поощряемым запродавшими душу аппаратчиками. А цель — неограниченная власть за счет растаскивания государственных средств и обворовывания народа. Все это при помощи политической демагогии. Расчет был на вечность брежневщины — щелоковщины.

О многом удалось узнать благодаря разоблачениям Соколова. Нет, не подумайте — я его нисколечко не оправдываю: за ним много было черных дел. Но я не видел и до сих пор не вижу смысла в смертном приговоре для Соколова. Да и привели его в исполнение как можно скорее. Будто кто-то спешил прервать угрожающие ему показания... Зато Трегубов и Петриков, бывшие и порождением «системы», и лидерами ее, получили более мягкие приговоры, хотя ни в чем не признались.

Так что ж получается? На следствии я вынужден был знакомить «подшефных» с Законом: чистосердечное признание, оказание активной помощи следствию есть смягчающее вину обстоятельство. А получилось наоборот — отягчающее!

Как это можно раскаявшихся лупить по максимуму, а упорствующих поощрять мягкими приговорами?

— В шестом номере за этот год вашего ведомственного журнала «Социалистическая законность» в письме Н. Николаева, посвященном организованной преступности, читаю такие строки: «...Практика показывает, что первые удары (по мафиям.— А. Р.) лишь вначале ошеломили, привели в шоковое состояние некоторые преступные группировки. Многие из них затаились. Однако, как убеждает опыт борьбы с организованной преступностью в Узбекистане, Казахстане, Туркмении, Таджикистане, Азербайджане, Молдавии, других регионах, до глубинных корней мы еще не добрались, смяты лишь первые эшелоны. Более того, придя в чувство и перестроившись (в преступной среде идет своя «перестройка»), организованная преступность переходит в контрнаступление, в чем-то меняя тактику, но и не отказываясь от использования старых, испытанных методов: шантажа, запугивания, подкупа и даже таких крайних мер, как убийства (например, в Туркмении)».

Еще и наступление на мафии не начали, а уже звучит сигнал: «Отбой!» Н. Николаев продолжает: «...появились «пожелания», «намеки», «призывы» сворачивать наступление, мол, и так «достаточно пересажали». Так, может, действительно достаточно?

— Ко мне часто заходят уже отсидевшие работники торговли. Так говорят: по сравнению с тем, что сейчас творится, мы занимались детским лепетом. Действительно, преступный мир действует сегодня нахально, цинично, словно бы уверенный — никто за руку не схватит. Ко мне приходил недавно директор гастронома. Говорит: «Владимир Иванович! Зачем сегодня мяснику обвешивать, пересортицу делать? Уже не требуется, поскольку есть два почти легальных способа. Первый: продажа мяса оптом нечестному кооператору — на килограмме мяса продавец имеет приварок в три рубля. А второй способ — милостиво разрешить мясокомбинату привозить в магазин не мясо, а деньги за него. И тоже, естественно, с приварком. Здесь и мучиться не надо — рубить, продавать».

В жизни полно таких дел, а в милиции, прокуратуре, суде их не густо.

— Как нет и других дел, которые в массовом порядке возникли по стране в связи с кооперативным движением. Об этом уже шла речь выше. Кооператоры искусственно поставлены в такие рамки, что вынуждены умасливать, ублажать и местных чиновников, и отраслевых. А у тех появление кооперативов резко пробудило хапательные инстинкты: сами заламывают цены, и попробуй кооператор не дай... С такими ситуациями идут и к нам в редакцию. Недавно одни энергичные ребята, затеявшие кооператив нового типа — социальный — и обивающие с этой целью пороги райисполкомов, услышали — уже существует такса: сто рублей взятки за каждый квадратный метр помещения для кооператоров.

— Правосудие не должно дремать! А то ведь со времен Трегубова уровень взяток поднялся в 3—5 раз. Действительно, масштабы взяточничества могут расти в связи с кооперативами, которые есть лакомый кусочек для вымогателей всех мастей — как бюрократических, так и криминальных. Закрывая на это глаза, мы рискуем потерять много. Вспомните, у Ленина: «...Если есть такое явление, как взятка, если это возможно, то нет речи о политике. Тут еще нет даже подступа к политике, тут нельзя делать политики, потому что все меры останутся висеть в воздухе и не приведут ровно ни к каким результатам». Отталкиваясь от этой мысли, можно так заключить: пока есть взятка — не может быть речи о кардинальной перестройке и, в том числе, правоохранительной системы.

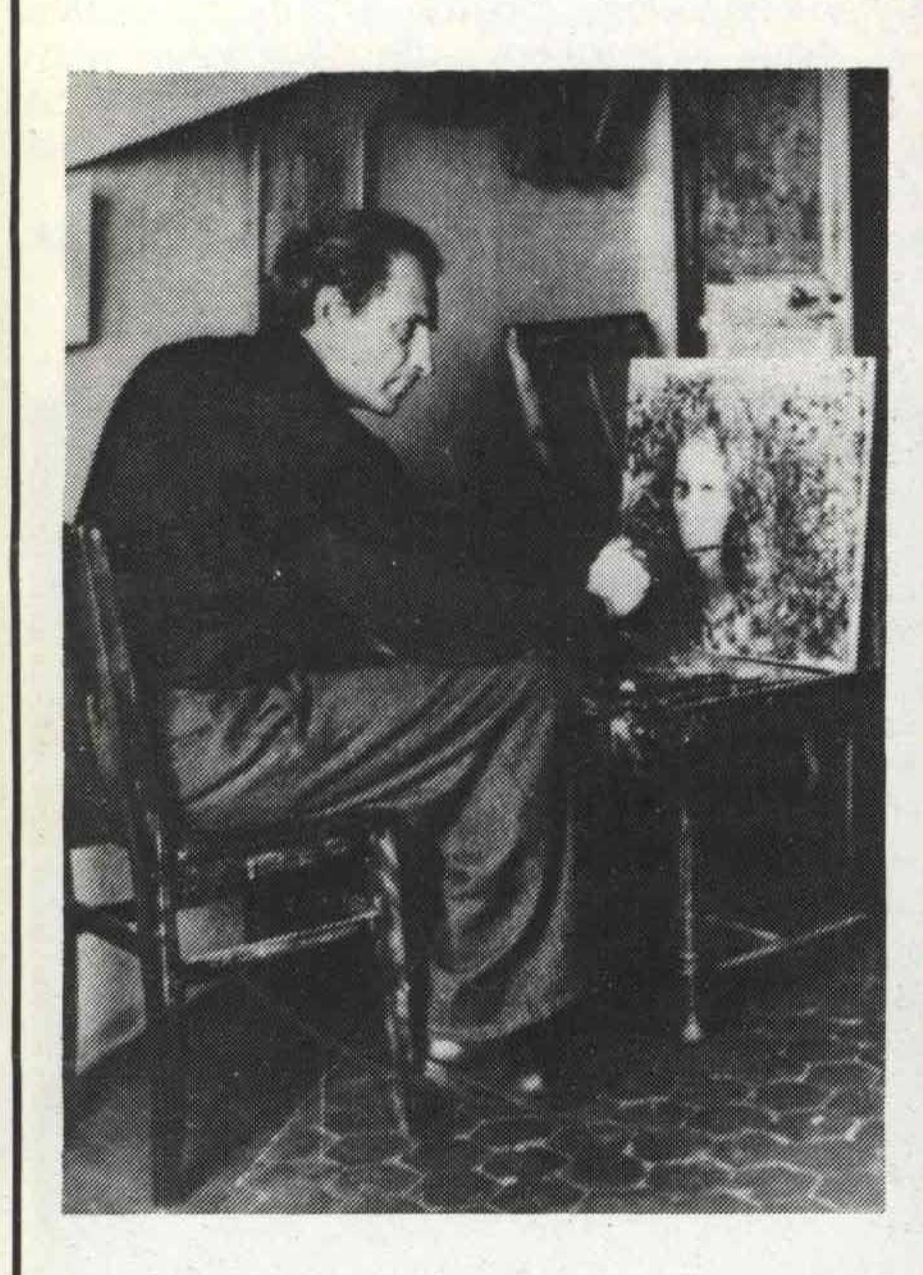
А ведь явление, которое нам противостоит, шире и страшнее обыкновенной взятки. Перед нами коррупция. Что это такое? Это разложение власти, использование ее возможностей для личного обогащения. Но в Уголовном кодексе нет такого понятия и нет соответствующей статьи, которая бы карала за коррупцию. Недобросовестные должностные лица знают это и пользуются. А суды сводят коррупцию ко взятке. В законе даже нет понятия взятки, что позволяет и судам, и надзирающим над судами прокурорам толковать факты преподношений вкривь и вкось. Существует такая судебная практика: если следствие не может ответить на вопрос: за что конкретно давалась взятка? — то, значит, тут что-то другое. К примеру: просто подарок. Благодаря этой практике от ответственности ускользает множество коррумпированных должностных лиц, которые получают взятки только за то, что для кого-то они служат тем самым «зонтиком безопасности». Таким образом, пока закон безоружен перед лицом организованной преступности. Он рассчитан на преступников-одиночек или на шайки, но с трудом противостоит сетям мафий.

Но дело не только и не столько в самом законе. Сегодня ни один суд не в состоянии рассмотреть с точки зрения технических возможностей дело о самой небольшой по количеству действующих лиц мафии. Чаще всего производится так называемая «резка дела». По этой причине взяткодатели или расхитители привлекаются к уголовной ответственности частенько по одному уголовному делу, а взяткополучатели — по другому. И возникает нелепица: оба лица, будучи по существу обвиняемыми (подсудимыми), превращаются по отношению друг к другу в «свидетелей обвинения». Но если говорить честнее, то «резка дела» происходила чаще всего не из технических, а идеологических соображений — чтоб

Продолжение на стр. 25.

ПАЛИТРА

СТРЕМЛЕНИЕ К НЕВЕДОМОМУ

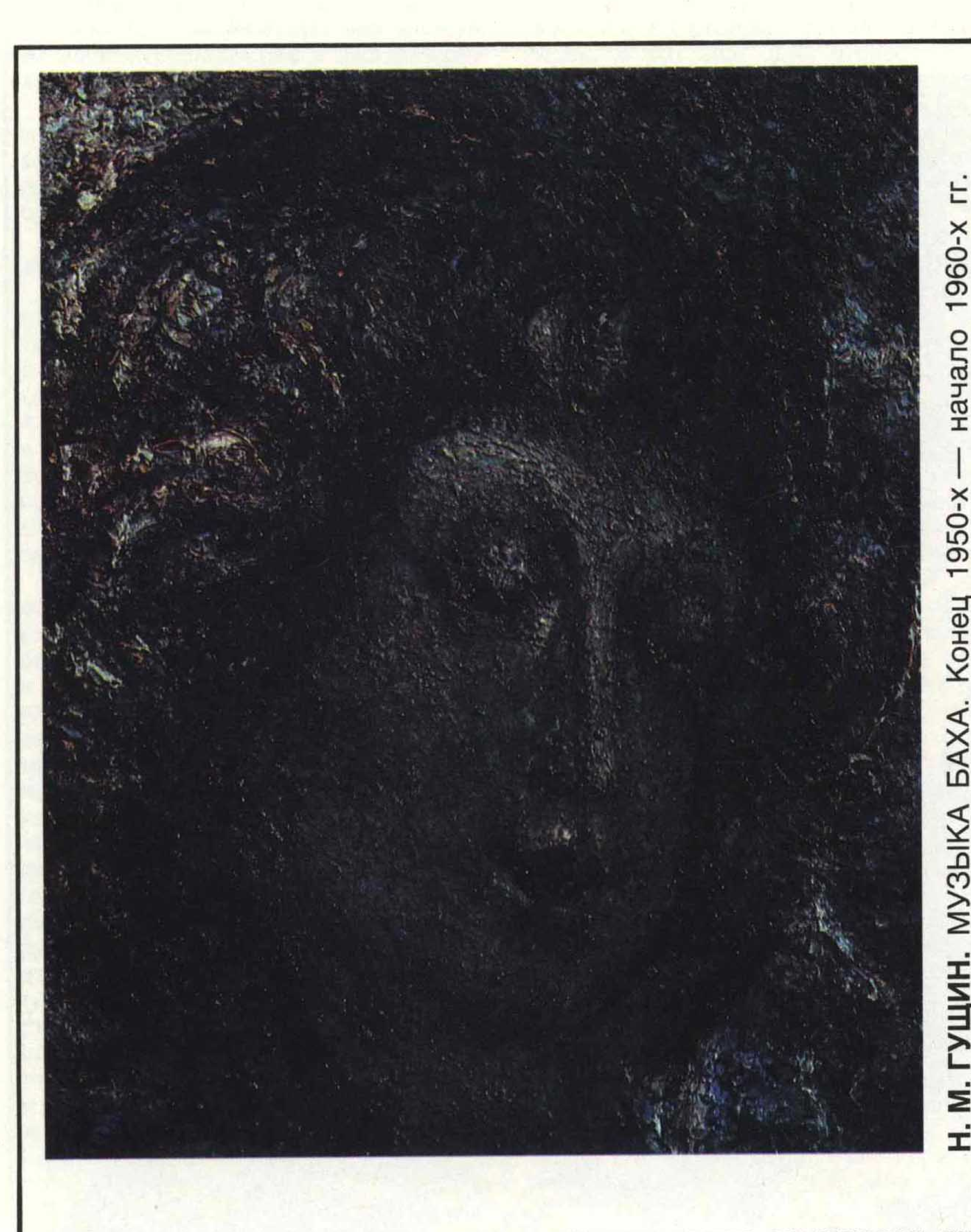

«Вступающий на путь творческий должен отказаться от тихого, спокойного и безостного устроения своей личности. На эту жертву способен лишь тот, кто знает творческий экстаз, кто в нем выходит за грани мира...»

Автору этого обращения к молодым художникам было уготовано отнюдь не «спокойное, безостное» существование, а жизнь яркая, полная неожиданных поворотов, противоречий. Вся сложность нашего стремительного, крутого века отразилась в судьбе художника Николая Михайловича Гущина. Современник революции и двух мировых войн, он провел трудные годы в эмиграции, а после долгожданного возвращения на Родину познал горечь непризнания и даже «запрещения» своего творчества.

Сын сельского учителя из Вятской губернии Николай Гущин детство и юность провел в Перми, на Каме. Окончил реальное училище, проявив наряду с художественными и литературные способности. Затем два года учился в Петербургском психоневрологическом институте, одновременно занимаясь живописью и рисунком в частной студии. Тайны внешнего мира,

Н. М. ГУЩИН. 1888—1965.
БЕРЕЗКА. 1958.

Н. М. ГУЩИН. МУЗЫКА БАХА. Конец 1950-х — начало 1960-х гг.

проблемы истории, психологии, логики — вот что его увлекало в ту пору. Много позже Н. Гущин напишет: «Кто философски познает мир, тот сам должен быть миром... Сама постановка дерзкой задачи познать вселенную возможна лишь тогда, когда сам есть вселенная...» Видимо, именно в эти годы складывается в сознании художника философская картина мира, уточняется его мировоззрение, появляется стремление и в искусстве говорить большими категориями-символами.

Осенью 1910 года Гущин в Москве: он выдержал экзамены в Училище живописи, ваяния и зодчества. Занимается в портретном классе у С. Малютина, а на старших курсах — в мастерской признанного колориста и одаренного педагога К. Коровина. Один из его соучеников, В. Яковлев, позднее напишет в своих воспоминаниях: «Народ в мастерской Коровина собрался талантливый. Красиво писал Гущин». Отметит его работы в обзоре второй выставки художников московской школы строгий критик «Аполлона»: «...крепко нарисованные «Мальчик» и «Юноша» Н. Гущина... обещают нам культурное искусство».

Импульсивный, страстный, избегающий шаблона молодой художник ищет свой путь в искусстве. Одно из самых сильных впечатлений молодости — импрессионисты, произведения которых он видел в Москве на выставках и в частных собраниях.

Ранние рисунки Н. Гущина, из которых сохранились очень немногие, академичны, они свидетельствуют об одаренности автора и достаточно серьезной профессиональной подготовке.

К несомненному влиянию, какое оказали на Гущина и русские футуристы, добавились впечатления от первого его путешествия за рубеж — поездки в Америку и Японию, совершенной накануне первой мировой войны.

Вернувшись в Пермь, художник теперь сам преподает живопись и рисунок в Доме народных искусств. А в октябре 1918 года «Известия Пермского Совета» сообщают, что «...около братской могилы погибших в славных боях за социализм товарищей, что в тополевой аллее... около здания первой мужской гимназии спешно воздвигается памятник борцам за свободу по проекту, составленному местным художником Гущиным». Монумент этот простоял лишь два месяца, его взорвали колчаковцы, вступившие в город в конце того же года. Автору грозит опасность, предупрежденный одним из товарищей, он вынужден покинуть Пермь. Так круто меняется судьба художника, начинаются годы его эмиграции.

Через Сибирь Н. Гущин попадает в Китай, успев устроить в 1919 году выставку в Томске, затем отправляется в Париж «для художественного усовершенствования», как напишет он позднее в автобиографии.

Н. Гущин экспонирует свои произведения на выставках в Париже, Лондоне, Ницце; его приветствуют искушенные французские критики. «Вот совершенно своеобразный и очень умный художник»,— отмечает Жорж Авриль, а Луи Каппатти пишет небольшую книжечку «Николай Гущин и мистика его портретов», до сих пор являющуюся основным источником наших сведений о зарубежном периоде в творчестве художника. Более сорока картин и рисунков включено в каталог персональной выставки Н. Гущина, состоявшейся в Монте-Карло. Среди них: «Гармония в голубом», «Дева лесов», «Клоун-музыкант», «Грустный вальс Сибелиуса», «Анемоны» — образный строй его полотен говорит о нем как о символисте. Большинство произведений Н. Гущина, написанных за рубежом, известны нам по фотографиям и воспроизведениям.

Неоднократно обращается Н. Гущин в советское посольство с просьбой о возвращении на Родину, наконец в 1947 году его ходатайство удовлетворено. Отныне жизнь его связана с Саратовом, с Волгой. Многие жители города еще помнят этого высокого человека в темном берете на седых развевающихся волосах, с «походкой взлетающей птицы», с каким-то удивительным выражением лица. Его часто можно было встретить в художественном музее имени А. Н. Радищева, где он почти 15 лет работал реставратором.

Во многих работах послевоенного времени Гущин остается верен символизму. В одном из писем Н. Гущина есть такие строки: «Я часто думаю, что красота цель нашей жизни... Не красота, как культурная ценность, а красота как сущее, т. е. претворение хаотического несовершенства человеческих отношений в настоящую красоту, красоту живую».

Как часто художник обнаруживает дар будить в зрителе надежду, мечту, веру в идеал! Яркий темперамент, романтический порыв, выраженные в красках его картин, захватывают. Кажется, видишь, как быстро нервная рука его касается кисточкой то холста, то палитры. Краски положены то гладко, то рельефно, «холмами, оспой цветною» (В. Хлебников). Фактура живописи не менее важна, чем композиция, рисунок, цвет, считал Н. Гущин. Разнообразными приемами наложения красок можно уравновесить композицию, выделить главное, расставить «эмоциональные» акценты.

Н. Гущин стремился приблизить живопись «к грани двух стихий — музыки и слова», стремился создать «зримую музыку», называя эту задачу «интересной и тонкой». Вспомним, что идея синтеза живописи, музыки, поэзии весьма характерна для начала XX века, а опыты воплощения ее находим у А. Скрябина, М. Врубеля, М. Чюрлёниса.

«Саратовский» период был чрезвычайно плодотворным не только для творчества Н. Гущина. Здесь он проявил и другой свой дар, быть может, не меньший, чем талант художника,— дар педагога. Под непосредственной опекой Гущина сформировался как художник М. Аржанов. Активно работающие сейчас В. Солянов, В. Лопатин, В. Чудин в годы своего становления получили сильнейший импульс от старшего товарища и учителя, хотя в будущем каждый из них пошел своим путем. Вот несколько предостерегающих строк из его письма ученикам: «...натурализм. Это доминирующее сейчас зло ставит задерживающие преграды пророческому творческому духу. Натурализм является лишь приспособлением к длительным перспективам жизнеустроения. Нужно идти по линии наибольшего сопротивления для разума вашего... Но не следует забывать, что у нас развитие масс является заботой государственной, у нас — это целая стройная система, впервые существующая за все времена истории человечества... Быть может, недалек тот момент, когда всем вам придется задуматься не только над проблемой языка глины или красок, но и над исчерпывающим языком большого искусства, высокой художественной формы, где никакая бойкость в изображении видимого, никакая популярность не спасут. Мне всегда хотелось всех вас увлечь этими далекими далями...»

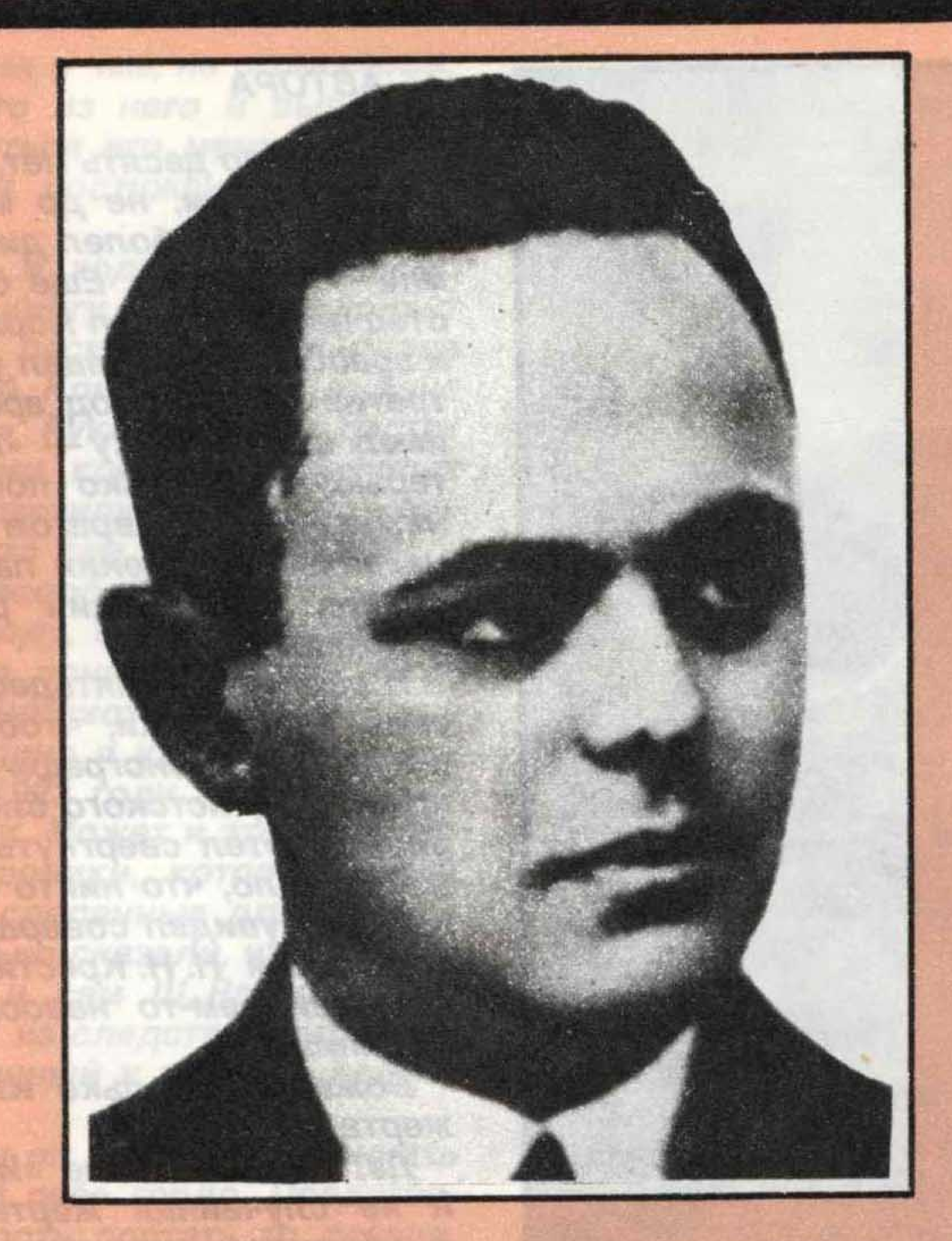
Первая выставка произведений Н. М. Гущина, состоявшаяся в начале нынешнего года в Саратове, собрала более 170 живописных и графических работ художника. Мы открыли яркого, интересного художника, так сформулировавшего свое творческое кредо в одном из писем: «Творчество — это неистовое стремление к «неведомому». Чтобы передать «неведомое», нужна «неведомая» форма. В этом томление души художника... Да, художник должен писать то, что видит, но видеть он должен глазами духа — вне света дня и вне света ночи».

Людмила ПАШКОВА

СКАЗОЧНЫЙ ЛЕС. 1950-е гг.

ЖИЛИ-БЫЛИ

Дон-Аминадо — еще одно имя, извлекаемое из недр российской словесности, из ее, если так позволительно выразиться, закордонных запасников. Но имя это особого рода, оно отличается не только по звучанию, но и по особливости литературной судьбы от плеяды тех писателей-эмигрантов, которые вошли в наш духовный обиход за последнее время. Ходасевич, Адамович, Г. Иванов, Зайцев, Шмелев успели заявить о себе еще до революции, на родине, а годы изгнания лишь преобразили их как художников, явили в ином качестве.

Дон-Аминадо для читательской массы да и специалистов оставался, в сущности, неведом, ибо взлет его таланта пришелся на эмиграцию и слава не вышла за ее пределы. Что греха таить: была почти абсолютная уверенность, что ничто свежее, самобытное, подлинное не может взрасти на том пепелище, над которым стелился холодный и едкий дым («Дым без отечества» — так с горькой, опустошающей иронией окрестил Дон-Аминадо книгу стихотворений, первую из выпущенных им на чужбине). Впереди бесцельность существования «после России». Позади эпопея революции и гражданской войны. Эпоха и вправду была переломная. Сколько судеб она переломала!

Рок событий нес в своей круговерти вместе с другими и молодого стихотворца-сатирика из Москвы. Многим памятны эти вехи. Киев, откуда начался бег «вниз по карте»: Одесса, а далее беженское чистилище — Стамбул, упорно именуемый русскими Константинополем. Конечным пунктом его горестной беженской эпопеи стал Париж.

Не будь этого крестного пути, завершившегося пожизненной разлукой с родиной, затруднительно представить, что могло бы выйти из рифмачаборзописца, присяжного фельетониста московской газеты «Раннее утро», недавнего студентаюриста, приехавшего в столичный град из Одессы.

Кстати, каково происхождение этого странного литературного имени? Сам автор никаких разъяснений на этот счет не оставил. Рискнем поделиться своими соображениями. Что касается второй части псевдонима, то с этим просто: подлинное имя поэта Аминад. Или полностью: Аминад Петрович Шполянский. А вот откуда испанская приставка «Дон»? Есть все основания думать, что не обошлось здесь без Дон Кихота. В пользу этого свидетельствует тот факт, что одновременно в газете «Новь» поэт подписывался Гидальго.

Испанизированный псевдоним перекликается с литературщиной, маскарадностью, театральностью, которых в поэзии Дон-Аминадо хоть отбавляй. В ход идет все: запавшие в память тирады, строки романсов и песенок, расхожие фразы, литературные реминисценции. Другими словами, еще одна стилизация, очередная шалость пера? В таком разе кто он: умелый копиист, ловкий ремесленник, сочинитель изящных безделушек или поэт?

Вопросом этим наверняка задавались современники Дон-Аминадо. Однако напрасно искать откликов о нем в прессе: какое-то табу лежит на имени Дон-Аминадо. За причиной этого заговора молчания недалеко ходить: репутация газетчика и фельетониста как бы вынесла его за скобки литературных иерархий. Что-что, а кастовость пишущая братия и в изгнании блюла строго.

Впрочем, один голос в защиту Дон-Аминадо в эмиграции все же прозвучал. Принадлежал он не кому иному, как И. А. Бунину: «Меня не расспрашивали о таланте этого писателя, то есть, кто такой этот писатель: просто ли талантливый фельетонист или больше: известная художественная величина в современной литературе? Мне кажется, сама наличность этого вопроса предрешает ответ: спрашивающие чувствуют, что имеют дело не просто с популярным блестящим газетным работником, а с одним из выдающихся русских юмористов, строки которых дают художественное наслаждение».

А вот еще одно суждение о Дон-Аминадо, правда, не столь авторитетное по тем временам, как бунинское. Имеется в виду письмо Марины Цветаевой к Дон-Аминадо:

«...Вы совершенно замечательный поэт». И чуть ниже опять: «Да, совершенно замечательный поэт (инструмент) и куда больше поэт, чем все те молодые и немолодые поэты, которые печатаются в толстых журналах».

Цветаева сравнила Дон-Аминадо с акробатом, «который в тысячу первый раз протанцевал на проволоке. Акробат ведь из тех редких профессий, где все не на жизнь, а на смерть, и я сама такой акробат».

Анатолий ИВАНОВ, литературовед

Дон-АМИНАДО

УЕЗДНАЯ СИРЕНЬ

Как рассказать минувшую весну,
Забытую, далекую, иную,
Твое лицо, прильнувшее к окну,
И жизнь свою, и молодость былую?

Была весна, которой не вернуть...
Коричневые, голые деревья.
И полых вод особенная муть,
И радость птиц, меняющих кочевья.

Апрельский холод. Серость. Облака.
И ком земли, из-под копыт летящий.
И этот темный глаз коренника,
Испуганный, и влажный, и косящий.

О, помню, помню!.. Рявкнул паровоз.
Запахло мятой, копотью и дымом.
Тем запахом, волнующим до слез,
Единственным, родным,
неповторимым.

Той свежестью набухшего зерна
И пыльною, уездною сиренью,
Которой пахнет русская весна,
Приученная к позднему цветенью.
⟨1929⟩ *

ШЛИ ПОЕЗДА ПО КАЗАНСКОЙ ДОРОГЕ

Прошлое. Бывшее. Тень на пороге.
Бедного сердца комок.
Шли поезда по Казанской дороге...
Таял над лесом дымок.

Летнее солнце клонилось к закату,
Ветер вечерний донес
Горечь полыни, душистую мяту,
Странную свежесть берез.

Где-то над миром, над тайным
пределом,
Кротко сияла звезда.
Где-то какие-то барышни в белом
Вышли встречать поезда.

Не было? Было? А тень на пороге.
Смех раздается зловещ:
— Шли поезда по Казанской
дороге...
Экая важная вещь!
⟨1951⟩

НОЧНОЙ ЛИВЕНЬ

(на даче)

Напои меня малиной,
Крепким ромом, цветом липы...
И пускай в трубе каминной
Раздаются вопли, всхлипы...
Пусть, как в лучших сочиненьях,
С плачем, с хохотом, с раскатом
Завывает, все, что надо,
Что положено по штатам!
Пусть скрипят и гнутся сосны,
Вязы, тополи и буки.
И пускай из клавикордов
Чьи-то медленные руки
Извлекают старых вальсов
Мелодические вздохи,
Обреченные забвенью,
Несозвучные эпохе!..

Напои меня кипучей
Лавой пунша или грога
И достань, откуда хочешь,
Поразительного дога.
И чтоб он сверкал глазами,
Точно парой аметистов,
И чтоб он сопел, мерзавец,
Как у лучших беллетристов...

А сама в старинной шали
С бахромою и с кистями,
Перелистывая книгу
С пожелтевшими листами,
Выбирай мне из «Айвенго»
Только лучшие страницы
И читай их очень тихо,
Опустивши вниз ресницы...
Потому что человеку
Надо, в сущности, ведь мало...
Чтоб у ног его собака
Выразительно дремала,
Чтоб его поили грогом
До семнадцатого пота
И играли на роялях,
И читали Вальтер-Скотта,
И под шум ночного ливня,
Чтоб ему приснилось снова
Из какой-то прежней жизни
Хоть одно живое слово.
⟨1931⟩

РАННЯЯ ВЕСНА

Есть какая-то у сердца
Удивительная память,
Благодарность за иные,
Бурно прожитые дни...
За какие-то сугробы,
Что синели перед нами,
За блеснувшие однажды
Станционные огни.

Ах, должно быть, этот поезд,
Что гулял по мерзлым рельсам,
И, завидев семафора
Диск зеленый на мосту,
Словно вздрагивал от страха
И свистел протяжным свистом,
И из пасти раскаленной
Сыпал искры в темноту!

А внизу клубились паром
Обнаженные поляны,
И поблескивали лужи
Мутным отблеском слюды,
И вливался прямо в душу
Тот единственный на свете
Запах тающего снега,
Запах дыма и воды.

Если б можно было счастье
Удержать на полустанке
И сказать ему: останься!
И остаться навсегда...
В этой маленькой сторожке
Под простой железной крышей,
Над которою шумели
И гудели провода.

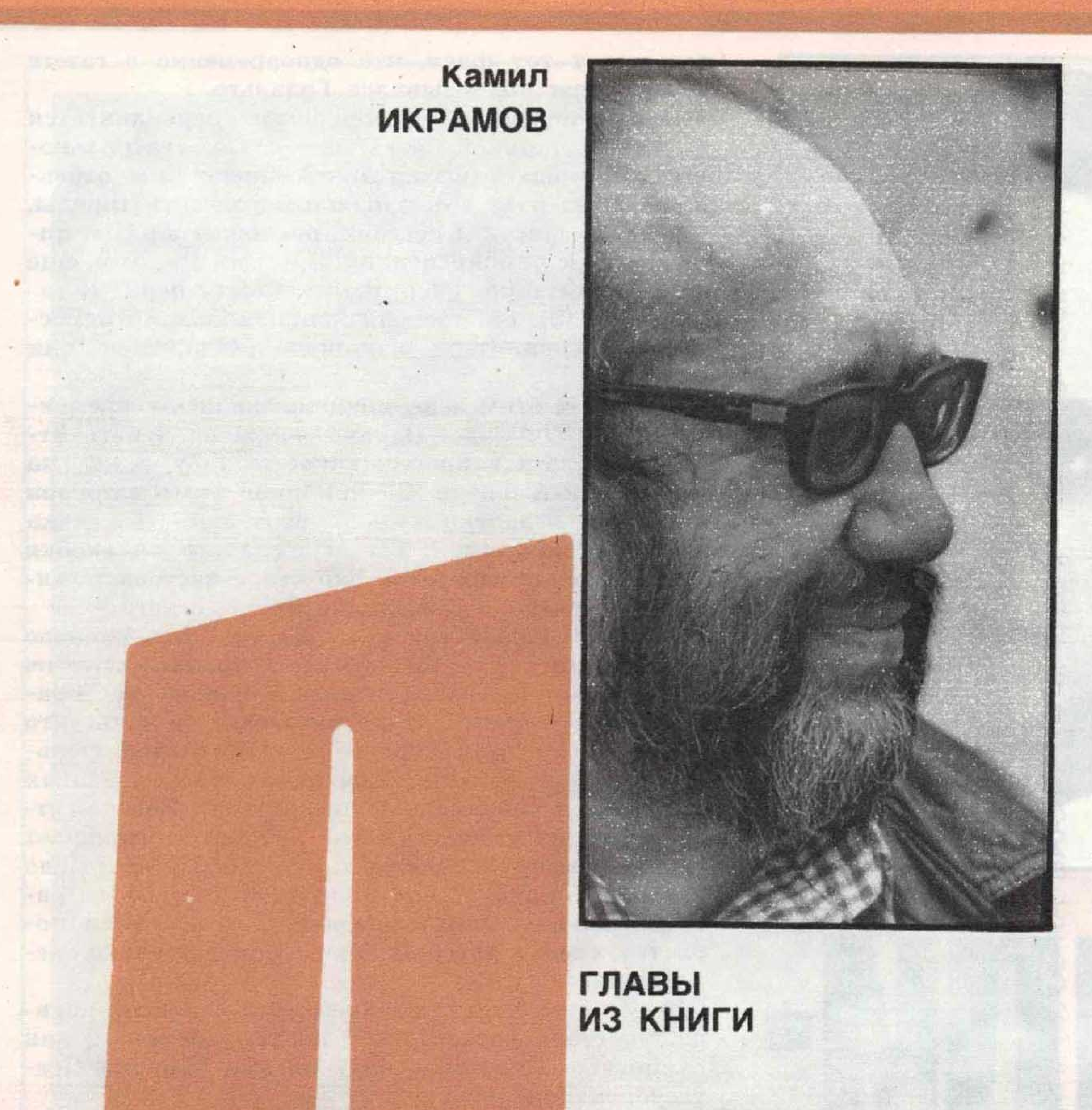
Помнишь, как пылала печка,
Как сверчок трещал немолчно,
А кипящий медный чайник
Все сердился на него!
А потом, ты помнишь?.. мимо
Пролетел курьерский поезд
И так сладко ныло сердце
Неизвестно отчего...
⟨1930⟩

ЖИЛИ-БЫЛИ

Если вдруг назад отбросить
Этих лет смятенный ряд,
Зачесать умело проседь,
Оживить унылый взгляд,
Горе-горечь, горе-бремя,
Все веревочкой завить,
Если б можно было время
На скаку остановить,
Чтоб до боли закусило
Злое время удила,
Чтоб воскликнуть с прежней силой:
Эх, была, да не была!
Да раскрыть поутру ставни,
Да увидеть под окном
То, что стало стародавней
Былью, сказочкой, сном...
Это снег, что так синеет,
Как нигде и никогда,
От которого пьянеет
Сердце раз и навсегда.
Синий снег, который режет,
Колет, жжет и холодит,
Этот снег, который нежит,
Нежит, душу молодит,
Эту легкость, эту тонкость,
Несказанность этих нег,
Хрупкость эту, эту звонкость,
Эту ломкость, этот снег!
Если б нам да в переулки,
В переулки, в тупички,
Где когда-то жили-были,
Жили-были дурачки,
Только жили, только были,
Что хотели, не смогли,
Говорили, что любили,
А сберечь не сберегли...
⟨1929⟩

* Здесь и далее в угловых скобках даны даты первой публикации стихотворений.

Камил
ИКРАМОВ

ГЛАВЫ
ИЗ КНИГИ

ДЕЛО МОЕГ

ОТ АВТОРА

Мне было десять лет, когда арестовали отца и мать. Работали они с утра до поздней ночи, не до меня им было. Запомнилось, как мать сидела возле меня, когда я болел дифтеритом, а отец... Он был строг к старшему брату, ко мне — особенно. Еще бы, понимаю я теперь, ведь к своим-то десяти годам отец наизусть знал Коран, кроме родного узбекского, свободно владел фарси и арабским, сам давал уроки в домашней школе своего отца. А я? В табеле за третий класс в год ареста отца по всем предметам, включая «поведение», имел одну оценку — «посредственно». Горько и стыдно перед отцом и матерью, что только после их ареста, когда газеты и радио каждодневно называли отца врагом народа, я стал учиться отлично... Меня арестовали накануне получения паспорта при достижении шестнадцати лет, когда первичная организация ремесленного училища единогласно приняла меня в комсомол.

Я вернулся в пятьдесят пятом и сразу же пошел в газетный зал Исторической библиотеки, чтобы выяснить, кто же все-таки был мой отец. Начал с изучения стенографического отчета знаменитого процесса «антисоветского правотроцкистского блока», где отец «признавался», что вместе с Н. И. Бухариным хотел свергнуть Советскую власть.

Поразило, что никто из взрослых современников того немыслимого судилища не увидел совершенно откровенной «липы», не понял причин самооговора, хотя Н. Н. Крестинский говорил об этом прямо и ясно, пока его не сломили чем-то невообразимым или, весьма в это верю, не подменили двойником.

Боже! Кто только из знаменитых литераторов того времени не клеймил жертв процесса.

Да, только в зале «Исторички» я понял, что мой отец не враг народа, но и не случайная жертва. Именно тогда, листая ломкие газетные листы, я убедился, что все мои сомнения на этот счет, сомнения, в которых я порой сомневался, абсолютно справедливы.

В лагере я подружился с Е. А. Гнединым, который по должности присутствовал на всех судебных заседаниях, он заведовал отделом печати НКИД и отвечал за информацию в иностранной прессе, но и он не мог объяснить мне того, что я позже, но опять же с его помощью, понял сам. Наша дружба началась в лагере на Северном Урале, а простился я с ним четыре года назад на Митинском кладбище под Москвой. Более чистого, мужественного и принципиального человека я не встречал, и не видел я никого, кто бы прошел

1

Я был счастлив в то утро и, чтобы еще раз убедить читателя, что то утро не задним числом так ярко окрашено, свидетельствую: в моей жизни было много дней и ночей, когда я чувствовал себя совершенно счастливым человеком. Таких дней было много, а забирали меня только дважды. Это было во второй раз, в 1951 году.

Так вот, я был счастлив. Я бежал через речку в свою фельдшерско-акушерскую школу, где ребят вообще-то было мало, а я был самым из них любимым.

Накануне художественная самодеятельность нашей школы по просьбе публики повторяла в городском Доме культуры концерт из произведений Пушкина. Я вел концерт, читал стихи и во втором отделении исполнял роль Старого цыгана в «Цыганах», которых сам поставил.

Хорошо помню, как, сбегая с берега на лед и вновь легко поднимаясь на крутой берег к школе, подумал о том, что на сегодняшнем концерте надо будет показать сцену в корчме из «Бориса Годунова».

Сцена в корчме — это Россия вчера и завтра.

Я повторял про себя любимые реплики этой сцены.

Да, вчера был успех. Сняв грим, я спустился в буфет, взял две кружки пива, протиснулся с ними в угол, где стояли пустые ящики и бочки. За мной следом со своими двумя кружками пролез к бонке низкорослый и унылый младший лейтенант. Лейтенант кивнул мне, как знакомому, и я до сих пор не могу сказать, знал ли он о том, что завтра нам предстоит встретиться...

Вчерашний концерт обсуждался и в классах, и в учительской. Я ходил именинником и потому не удивился, когда меня с урока химии попросили к телефону. Ученика с урока к телефону? Но ведь я не просто ученик, а в некотором роде знаменитость.

В учительской меня ждали двое: один из них — тот, с которым мы на одну бочку кружки ставили, другой — рослый, бравый.

— Вы извините, что мы вас оторвали от урока, но надо бы подъехать к дому, где вы живете. Через час будем обратно.

— Портфель брать?

— Обязательно.

Я все понял. Всё. Когда говорю это слово, то именно «всё» и подразумеваю.

Я знал, но еще час назад не хотел думать о том, что постепенно подбирают всех, кого выпустили из лагерей по окончании срока. Поживет человек годдва на свободе где-нибудь вдалеке от столиц, а его опять возьмут, а что сделают — неизвестно. Сгинет, и всё. Так уже кое-кто исчезал. Дядя Костя Ротов, например. Но дядя Костя, знаменитый карикатурист, после лагеря слишком близко к Москве потянулся. А меня-то, меня-то за что было брать? Сын за отца не отвечает. Сын за отца не отвечает. Сын за отца не отвечает.

Если это повторять очень часто, то можно себя убедить в чем-то. Один раз ведь отсидел за отца. Ведь сын за отца не отвечает. Все-таки...

...За окном учительской я увидел голубые санки, в которые был запряжен лоснящийся под солнцем вороной жеребец. Я пошел в раздевалку, надел свой полубушлат, вывезенный из лагеря, поднялся на второй этаж за портфелем, и в этот момент раздался звонок с урока.

Из всех дверей выскочили девчата и ребята — участники моей самодеятельности.

— Ты куда?

— Надолго?

— Чего это среди уроков?

И тут я сделал нечто, чего от себя не ожидал.

— Репетиция, ребята, будет обязательно. Ровно в пять! Чтобы все были! Весь состав драмкружка — «Цыганы», «Годунов», и пусть хор тоже соберется. Если я задержусь, то ждите. Час, два. Но я обязательно приду. Ждите!

«Зачем?» — спросите вы.

А затем, чтобы у моих артистов было время всем вместе обсудить мой арест, если им скажут прямо, или — мое исчезновение, значение которого они поймут позже. Это будут мои поминки! Как хорошо, что я догадался их устроить! Не безвестно уйду насовсем с этого света.

...Летом того же года я ехал этапом из Калинина через Московскую, Рузаевскую, Куйбышевскую и Ташкентскую пересылки в Джамбулскую область, где, как мне объяснили авторитетно, я буду пребывать до конца своих дней, если кто-то не решит загнать меня еще дальше. «Ведь, по идее, вы не должны быть так близко от Узбекистана».

Ташкентская пересылка пятьдесят первого года, наглухо закрытые бараки, где, видимо, битком набито. Зной, бьющий по крышам этих бараков, пустые аллеи, клумбы вровень с крышами бараков, розы и хризантемы размером с чайник, гладиолусы, ирисы, астры, опять розы, розы, розы.

Нас, транзитников, в барак не загнали. Мы сидели под огромным карагачем, в тени. Кто-то сказал, что часам к семи повезут на вокзал к поезду Джелал-абад — Фрунзе, там идет вагонзек, столыпинский, как его называли очень долго после того, как самого Столыпина не только убили, но и забыли.

Мы сидели под деревом в тени, еды нам не давали, чтобы не канителиться. А нам и не хотелось есть, очень уж противно воняло с кухни.

Мы сидели между белыми бараками у белой какой-то стены, и цветов было столько, сколько я не видел потом ни в ботаническом саду, ни на виллах Средиземного моря, ни в правительственных резиденциях. Цветов было так много, что меня все не оставляет мысль о тогдашнем начальнике пересылки. Кто он был? Сумасшедший? А может, он торговал цветами? Или это была показуха?

Часов, наверное, в шесть, когда жара еще полыхала, нас опять набили в «воронок», раскаленный снаружи и вонючий внутри. Мы долго ехали по каким-то ухабам, долго стояли где-то, опять тряслись, когда, наконец, дверь открылась, и мы стали вываливаться на землю. Земля запомнилась прохладной и влажной.

Как это она могла быть в Ташкенте в конце летнего дня — прохладной и влажной? Наверно, ее полили к вечеру из шланга.

Вечерело. Быстро, по-деловому нас построили, пересчитали и ввели во дворик, который одной калиткой выходил на привокзальную площадь, а другой — на левую часть перрона.

Так, рядами, которыми нас пересчитывали, нас и поставили на колени. (В этом, дорогой читатель, не было никакого унижения человеческого достоинства. О человеческом достоинстве вообще никто и думать не думал.) Просто есть разные методы предупреждения побегов. Сторонники одного из них полагают, что в положении «на коленях» ноги сильно затекают, а на затекших ногах стартовый рывок с места совершить труднее.

Мы стояли на коленях и наслаждались вечерней

Сухановскую пыточную тюрьму и не «признался» бы ни в чем, не оговорил и, быть может, спас этим М. М. Литвинова, на которого из него и выбивали показания. (Сейчас в разных изданиях будут печататься его мемуары и об эволюции сознания в те жуткие годы, медленном постижении честным человеком сути происходившего.)

Он жил в трех минутах ходьбы от «Исторички», я ходил в его семью обедать и ужинать, может, там я и решил писать книгу. Первый вариант собирался печатать «Новый мир», меня любили и ласкали. Какие слова говорили ушедшие от нас Е. Герасимов, Е. Дорош, А. Кондратович, а Анна Самойловна Берзер все спрашивает: «Где? Когда?» Рукопись моя растет и растет. Сама по себе. Идут письма с новыми фактами, кое-что и в научных публикациях пробивается. Во время «оттепели» допустили меня и к документам, а потом архивы стали доступны лишь тем, кто сам вершил беззакония или же объяснял их нам как акты высшей целесообразности.

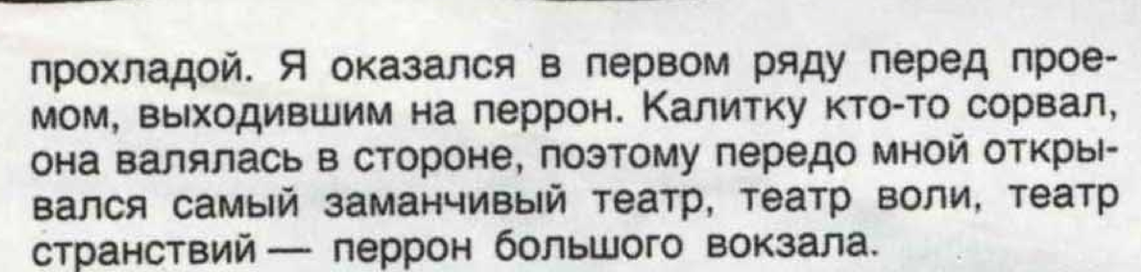
Но все-таки известно, что А. Икрамов еще в 1921 году, будучи секретарем ЦК Компартии Туркестана, одним из первых в крае понял значение нэпа, и стенограмма VI съезда КПТ хранится в личной библиотеке В. И. Ленина с очень лестными его пометками. Из сочинений Сталина я узнал, как резко выступал против уже могучего генсека мой отец в 1923 году...

Говорят, что на процессе был не отец, а его двойник. Может и это быть, но проверить пока не удается: помимо кадров кинохроники, которые тогда смотрела вся страна, ведь есть еще и фотографии, сделанные для прессы и целей служебных. Тридцать лет назад мне официально сказали, что и следственные дела уничтожены. Уверял меня в этом и сам Ш. Рашидов, но я знал, что он врет. Уже тогда у меня были выписки из следственного дела отца. Их тайком сделал старый коммунист, привлеченный к разбору дел по реабилитации.

Отца вывели на процесс в марте 38-го, а еще в 37-м он пытался покончить самоубийством, лезвием безопасной бритвы порезал себе горло. Представляю себе, как наказали того, кто дал ему возможность достать то лезвие. Кого-то, вероятно, поощрили, что бдительно глядел в глазок и своевременно вызвал тюремного врача. Сохранились и записки отца: «Тт. Сталин и Ежов! Прошу верить, что я ничего общего с контрреволюцией не имею...», «Нарком, простите. Вчерашнее обвинение Матвеева нельзя терпеть. Икрамов». И еще: «На себя наклеветал, больше не могу. Икрамов».

Я пишу об отце то, что знаю и что про это думаю. А сюжет вечный — отцы и дети. Две судьбы, две истории, два человека. Один жил ради будущего, другой в этом будущем живет.

прохладой. Я оказался в первом ряду перед проемом, выходившим на перрон. Калитку кто-то сорвал, она валялась в стороне, поэтому передо мной открывался самый заманчивый театр, театр воли, театр странствий — перрон большого вокзала.

Ходили какие-то люди, кто-то по делу, кто-то прогуливался в ожидании поезда. Кто-то из гулявших видел людей, стоявших на коленях в хитром дворике, одни вглядывались в нас краем глаза, замедляли шаг, другие испуганно отворачивались, спешили прочь. Не знаю, как бы поступил я, если б смотрел во дворик с перрона. Что было бы сильнее: любопытство, сочувствие или страх, инстинктивное желание отойти от пропасти?

Между тем поезд, к которому нас привезли, все еще не подходил, ног под собой я не чувствовал, а глядел во все глаза на вольную жизнь и думал о сюжете собственной жизни. Без сожаления к себе, но с восхищением перед всемогуществом судьбы, той судьбы, которую тогда, я это точно помню, считал только сюжетом.

Если бы люди, гуляющие сейчас по перрону, знали, если б им рассказать, что худой арестант в ковбойке и очках, стоящий здесь в первом ряду,— это сын человека, который был славой и гордостью всех узбеков, основал здесь первые партийные ячейки и был секретарем ЦК Компартии Туркестана еще в 1921 году... Если бы они знали, что этот доходяга — очкарик в ковбойке, стоящий на коленях в ожидании команды, сын того человека...

Я ехал из тюрьмы в ссылку. Не на каторгу, не в лагерь, не в другую тюрьму. Я ехал в ссылку. Какое счастье — не в лагерь, а в ссылку!

Я читал свою жизнь со стороны и, может быть, думал: «Как ему повезло! Какой сюжет!»

2

Мне вспомнилось все это особенно ярко и с тем же невольным восклицанием перед сюжетностью жизни, когда я ноябрьской ночью 1978 года прилетел в Ташкент на юбилей отца.

Юбилей проходил в конференц-зале филиала Музея имени В. И. Ленина. Люди стояли в проходах. В фойе развернули фотовыставку. Очень мало фотографий отца сохранилось... А может, и хранятся где-то до поры. Помню, например, такую: отец надевает на Сталина полосатый халат — традиционный подарок узбеков. Это съезд колхозников — ударников хлопкосеющих республик.

И вот опять я на родине, опять езжу по колхозам и совхозам, чтобы понять и попонятней написать для всех о нынешнем дне республики.

Я писал статью для газеты о том, что на нынешнем уровне техники ручной сбор хлопка долее терпеть нельзя. Не двадцатые, не тридцатые годы. Я нашел сравнение: попробуйте собирать хлеб руками. Не серпом, а именно руками, срывая колоски по одному. Студенты собирают по шестьдесят килограммов в день, школьники — по тридцать. Это в начале уборки, когда хлопка много, когда он сам дается в руки. А в декабре? В декабре с темна до темна пять килограммов считается нормальным сбором. Пять килограммов хлопка четвертого сорта по двести рублей за тонну. Это сколько же в день он зарабатывает? Рубль? А сколько стоит колхозу или совхозу пропитание этого горожанина за этот же день? Сколько государству надо выделить денег на его стипендию или ежемесячный оклад, сколько стоит простой оборудования и какой ущерб будет нанесен государству этими нынешними недоучившимися студентами, когда они станут специалистами?

Экономика колхозов и совхозов, бригадный подряд и безнарядные звенья... Все это я записывал в блокнот, наговаривал в диктофон, силился не забыть.

Зачем я все это делаю? Разве нет у меня других забот, других тем? Я кляну себя за потерянное время, и единственное объяснение всему этому одно — я сын Акмаля Икрамова, а он отдал жизнь этой земле, этим людям. Многое из того, о чем он мечтал, сбылось, но многое получилось, наверное, не совсем так, а кое-что и совсем не так. Что ж, все на свете поправимо, все, кроме смерти.

Акмаль Икрамов принадлежит к числу самых трагических жертв. Он не только погиб тогда, но погибал публично, служил показательной мишенью у всех на виду.

Стенографические отчеты знаменитого открытого процесса правотроцкистского блока в марте 1938 года выдержками печатались в газетах, журналисты давали свои репортажи, а позже в двух разных издательствах и в двух разных редакциях вышли его стенограммы.

Теперь, в восьмидесятых, оказывается, что эти книги сохранились во многих домах, их читают и перечитывают, потому что многое там выглядит абсолютно загадочным. Так и мне казалось когда-то, когда я впервые решил выяснить: что же это было, как могло быть?

3

Я возвращался в Москву в конце апреля 1955 года. За двенадцать лет у меня не осталось ни родственников, ни близких друзей, и в поезде я думал о том, куда бы деть мой фанерный самодельный чемодан, который я покрасил липкой черной краской, куда деть нелепое зимнее пальто, когда я сойду на Казанском вокзале.

Пальто, допустим, можно было бы сдать на какую-нибудь ресторанную вешалку и уйти с номерком в город, а чемодан?.. Я боялся, что липкий чемодан без замка не примут в камеру хранения.

Сосед по общему вагону, рентгенолог Саша, возвращался в Москву после трех лет работы по распределению и считал, что наши судьбы схожи. Его заставили три года жить не дома и меня тоже. Саша этот все время занимал меня разговорами о кукурузе, которая тогда только начала заполнять газетные страницы.

— Кукуруза! — восклицал он мне шепотом на ухо.— Кукуруза! Какая может быть кукуруза!

С непонятной мне страстностью этот вполне городской человек подсчитывал трудовые затраты, которые требует возделывание кукурузы на зерно и на силос, сравнивал кукурузу с ячменем и с овсом, вздыхал и охал.

— Не на кого опереться,— шепотом говорил он мне.— Понимаешь, не на кого опереться.

Я не понимал ни в кукурузе, ни в овсе, ибо в отличие от Саши не прочел какого-то очередного подвала в центральной газете. Я не понимал, почему Сашу четверо суток волнует этот вопрос: на кого и в чем ему нужно опираться? Я думал о чемодане, думал о том, удобно ли просить Сашу оставить чемодан у него,— и соглашался с ним насчет кукурузы и трудовых затрат.

У противоположного окна ехала какая-то блондинка, химичка, возвращавшаяся из Чимкента в Мончегорск. Я заигрывал с ней, но химичка не принимала

моих ухаживаний. Видимо, за время командировки ей надоели случайные ухажеры. А может быть, я был слишком рассеян и напуган предстоящим приездом в Москву, чтобы быть хорошим кавалером. Мне кажется, что весь я тогда немного дрожал и голос мой дрожал и ломался.

Тринадцать тюрем и лагерей, пересылки, этапы, вагонзеки-столыпинки и телячьи вагоны, конвой с собаками и деревянными молотками — все это не вспоминалось. Нет, я ни о чем не мог думать, а если бы тому, что происходило в моей голове и в моей душе, можно было найти словесное выражение, то оно умещалось в один вопрос — неужели?

Сын врага народа Акмаля Икрамова возвращается в Москву. Сын реабилитирован, хотя про реабилитацию отца и речи не шло. Был тогда анекдот, который, боюсь, кроме меня, никто уже не помнит.

«Посадили репку. За репку — дедку, за дедку — бабку, за бабку — дочку, за дочку — внучку, за внучку — Жучку, за Жучку — кошку, за кошку — мышку... Так вот мышку на днях реабилитировали».

Я был той самой мышкой.

Поезд пришел в Москву утром 28 апреля. Чемодан и пальто я оставил у Саши. Я выпил с ним и его женой сладкого вина, получил приглашение (очень важное, очень существенное) переночевать у них, если не найду где, и пошел гулять.

Я шел по Москве, не боясь, что меня остановит милиционер... Я даже хотел, чтобы меня остановил милиционер, и потому всякий раз, когда я его видел, у меня немного замирало сердце.

Это только говорится так: пошел гулять. Я не знал, кто пустит меня к себе, а кто не пустит. Не было уже деда по матери, не было тетки — его падчерицы. Оставалась сестра деда и двое ее взрослых и благополучных детей. Я пришел к ним. Ох, какая поднялась суета, как меня кормили обедом, какой чай был, с каким домашним печеньем! А когда я вышел от них на улицу, то вдруг понял, что они не спросили меня, где я буду жить, где переночую? Не спросили — и все.

Я пошел к семье своего лагерного друга Евгения Александровича Гнедина, бывшего до ареста заведующим отделом печати Наркомата иностранных дел, ближайшего сотрудника М. М. Литвинова. Безуспешно звонил я в их индивидуальный звонок, потом позвонил в общий, и соседка объяснила, что они уехали в ссылку.

Но ничего не казалось мне сложным, ничто не огорчало, даже не заботило.

В апреле я приехал, в мае мне удалось временно прописаться у моей бывшей няни, с первого июня я поступил на работу, а в один из летних вечеров пошел в Историческую библиотеку, чтобы выяснить, кто же все-таки был мой отец Акмаль Икрамов, за что его расстреляли, в чем он признался на знаменитом процессе в марте 1938 года.

Я никогда не верил, что он шпион, диверсант, убийца, вредитель и буржуазный националист. Но, видимо, что-то было? Иначе зачем же поднимать весь этот сыр-бор? Что-то было, что-то было. Что?

Не шпион, не диверсант, не убийца, не буржуазный националист — этого мало знать об отце.

Среди тысяч коммунистов, которых я встречал в лагерях, не было врагов народа. Ни одного. Встречались плохие люди, бывали мерзавцы, фанатики и дураки. Врагов народа не было.

Зато многие из них говорили, что «лес рубят — щепки летят». Видимо, подразумевая, что лес — это другие. А мы — щепки. Щепки с подпольным партийным стажем говорили о лесе, который нужно рубить, и почти никогда — о лесорубе, который по совместительству был и садоводом. Впрочем, одно другому в абстрактном значении ничуть не противоречит. Сколько нужно времени, чтобы заметить очевидность, уйти от абстракций?

Не думаю, чтобы эти люди боялись высказывать свои мысли. Они не думали так, как думают теперь все нормальные люди. Абстракции полностью лишали их возможности видеть то, что было перед глазами. А может быть, очевидность угнетала их, в то время как абстракции утешали. Как медленно протекает процесс общественного осознания? И что такое общественное сознание?

Помню только один, поразивший меня разговор. Старый троцкист — троцкистов за коммунистов никто в лагере не считал,— беззубый дистрофик со злыми глазами, вмешался в какой-то разговор о Сталине.

— Сволочь! Он уничтожил нас, опозорил Троцкого, а потом взял нашу же программу. Он все украл у Троцкого.

Старик был на грани между жизнью и смертью. Я поверил ему и, до сих пор ничего толком не зная о Троцком и троцкизме, к тем словам отношусь с доверием. Симпатии к Троцкому у меня тогда не возникло, даже скорее наоборот. Но странно, что благоговения перед Сталиным почему-то тоже не убавилось.

«Лес рубят — щепки летят»,— говорили люди. И еще говорили мутные слова о логике борьбы. Мой отец не был щепкой — это я знал точно. Оставалась логика борьбы.

Однажды меня отправляли из одного лагеря в другой. Это было в сорок восьмом году. Я почти полностью отсидел свои первые пять лет, близился день освобождения, и возле вахты, напутствуя меня, собрались друзья.

У каждого из них на свободе были дети, как правило, старше меня, они не видели их лет по восемь — десять и не знали, когда увидят и увидят ли. Они любили меня, верили, хотели верить в мое счастье. В бараках после работы они подсовывали мне книжки: «Диалектику природы», «Анти-Дюринг», Чернышевского, Белинского, «Историческую поэтику» Веселовского и «Ленин и естествознание» Кедрова. Они специально выписывали эти книжки из дома, после работы проводили для меня семинары, ругали за ошибки и уклоны, которые я допускал в своих соображениях по поводу прочитанного. Они стыдили меня за «экономизм», за «вульгарное социологизаторство», за многое другое, что было так же точно и прочно сформулировано. Они очень верили в меня, преувеличивали мои способности, радовались моей элементарной сообразительности и юношескому любопытству. Я заменял им их детей, поэтому они не знали меры ни в похвалах, ни в упреках. Как я узнал много позже, один из них, старый педагог, сидел еще при Николае Втором Кровавом и при Александре Федоровиче Керенском, при первой фашистской диктатуре в Латвии — диктатуре Ульманиса.

Этим прекрасным и чистым людям верить в меня было необходимо. Я один мог иметь хоть какую-то надежду на будущее, а без веры в лучшее будущее они не могли бы жить.

В то холодное осеннее утро я стоял у вахты в ожидании конвоя, а мои друзья и наставники торопились обнять меня, сказать самое необходимое, самое сердечное.

— Ты должен учиться. Ты должен стать образованным человеком. Ты будешь счастлив, но за счастье нужно бороться.

— Помни, что говорил Ленин: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знаниями всех тех богатств, которые выработало человечество».

— Тебе предстоят трудности, но ты должен бороться за будущее, за коммунизм. Важно видеть главное в жизни, не спотыкаться о мелочи.

— Не озлобляйся в борьбе. Помни, ты должен быть настоящим коммунистом, достойным твоего отца.

Так, или примерно так, говорили мои старшие друзья. Сейчас их слова кажутся слишком уж прямолинейными, но других слов не припоминается. Да, да! Они говорили именно это — быть достойным отца, быть ленинцем.

Вдруг открылась дверь конторы, оттуда выглянул рыжий и узкогрудый начальник, лейтенант, фамилию которого я тоже помню.

— Можно вас на минуточку?

Я встревожился, забеспокоились и провожающие. Лейтенант впервые назвал меня на «вы».

Он провел меня в кабинет, плотно прикрыл обитую черной клеенкой дверь и, кивнув за окно, где стояли провожающие, сказал:

— Гляди-ка, кто вас провожает.

— Мои друзья,— ответил я, не очень понимая, куда он клонит.

— Друзья,— серьезно подтвердил он.— Я знаю, что друзья. У каждого дело-то, небось, томов в пять. Везде побывали, связи со всеми разведками...

Не считая нужным спорить с ним в тот момент, я возразил не по существу:

— Ну что вы. Это очень хорошие люди.

— Хорошие,— искренне согласился он.— Одно другому не мешает. Но скажи-ка, как я к тебе относился за это время? Скажи.

Начальник относился ко мне без злобы и, когда я в последние месяцы работал у него в канцелярии, упрекал меня только за почерк.

— Почерк — это главное,— говорил он.— Вот возьми меня. Я в армии начал с рядового и дошел до лейтенанта. Всю войну прослужил в наградном отделе. У нас капитанов на передовую отправляли, а я — старшина, и все равно меня ценили.

— Слушай,— проникновенно продолжал лейтенант,— как я к тебе относился? Ты на меня не обижаешься?

— Что вы, гражданин начальник. Никакой обиды быть не может, вы мужик хороший.

— А твои дружки? — опять показал он за окно.— Они на меня не обижаются?

— Да вроде бы нет,— сказал я.— Чего им на вас обижаться.

— Ну то-то,— лейтенант благодарно мне кивнул и с фальшивой бесшабашностью добавил: — Когда все переменится, и вы будете наверху, ты мне это не забудь.

— Конечно,— ответил я. Заранее настроившись соглашаться со всем, что мне скажет начальник, я даже удивиться не успел. Так до сих пор и удивляюсь.

Те старики, что провожали меня на вахте, умерли. Мы виделись, переписывались, перезванивались, передавали приветы через общих знакомых. Никто из них не хотел того, что мерещилось начальнику, никто никуда не уехал. А для старого латышского эсдека и перед смертью высшей рекомендацией было сказать о ком-то: «Это настоящий коммунист».

4

В Исторической библиотеке газетный зал находился на каком-то высоком этаже, много лестниц и переходов. Приготовил пачку «Беломора» и спички, выбрал стол поближе к двери, чтобы можно было быстро выскочить на лестницу и покурить, когда перехватит горло.

— Дайте мне «Известия» за март тридцать восьмого года.

— Выпишите требование.

Выписал. Пожилая библиотекарша сурово, как мне показалось, глянула на листок и вернула его.

— Здесь нужно указать, над какой темой работаете.

Я возмутился. И испугался. Потом, сообразив, что это пустая формальность, дрожащей рукой написал первое, что пришло в голову.

«Драма в стихах для кукольного театра» — именно так написал тогда в требовании. Не знаю, почему написал тогда именно так и зачем сейчас вспоминаю об этом. Помню только, как дрожала рука.

Газетные листки были желтыми и ломкими. Однако они хорошо сохранились, потому что мало кто листал их за семнадцать лет, отделявшие процесс от того дня, когда я написал свое требование. В подшивке были газеты трех месяцев — января, февраля, марта...

Как важно людям еще раз услышать, как это было. А может, как это бывает? А может, как сделать так, чтобы этого никогда уже больше не было? Все больше убеждаюсь, что в основе жгучего, неугасимого интереса к прошлому лежит подсознательный или даже почти бессознательный страх повторения ужасов тех лет с нами или нашими детьми, попытка найти гарантии или, если не гарантии, то хоть какие-нибудь надежды избежать повторения. Вот ведь жили же люди честно, были честными коммунистами, а потом вдруг все рухнуло для них и для их близких...

Я мучительно пытаюсь понять, почему Сталин определил Икрамову такую участь. Ищу ответ в огромном томе стенограмм процесса, который, кажется, помню наизусть.

Фото на память: палач и его завтрашняя жертва.

Ложь, ложь, гнусная, плохо пригнанная, наспех состряпанная ложь. Лгали все, люди оговаривали себя неправдоподобно, покорно, а то и с усердием. Изгалялся прокурор Вышинский. Но вдруг прорывались слова правды, прорывались там, в Октябрьском зале Дома союзов, остались кое-где и в толстом томе, который у меня всегда под рукой.

Николай Иванович Бухарин рассказывает, как он завербовал моего отца в свою организацию. Увы, не было никакой организации, это доказано. Увы, потому, что это упрек самому Николаю Ивановичу, упрек Алексею Ивановичу Рыкову, давним соратникам Ильича, упрек и моему отцу. Обвел их Сталин, вокруг пальца обвел, разобщил одних, стравил других. Им бы надо раньше, много раньше, еще когда Ленин просил об этом, убрать Сталина с того поста, на котором он «сосредоточил в своих руках необъятную власть». Николай Иванович в двадцать девятом обвинил Сталина в страшном политическом преступлении — в военно-феодальном способе эксплуатации крестьянства. Мало кто поддержал Бухарина. И мой отец выступал против него. Но это было в двадцать девятом, когда последствия военно-феодальных методов управления страной прозревали единицы. Иное дело — тридцать третий год.

На допросе отец говорит о том, как Николай Иванович гостил у нас в Ташкенте, как вместе они ездили на охоту. Это правда. Хочется верить, что правдой были и другие слова: «Бухарин сначала завел разговор о коллективизации, о колхозах, что это неправильная линия. Повторил старый общеизвестный, бухаринский тезис о военно-феодальной эксплуатации крестьянства».

ВЫШИНСКИЙ. В 1933 году?

ИКРАМОВ. Да. Сравнивал колхозы с барщиной.

И несколькими страницами позже, когда оба подсудимых признались в том, что они враги народа, вредители и диверсанты, вдруг опять прорываются слова правды.

ИКРАМОВ. Относительно Казахстана он совершенно правильно говорит. О Казахстане был разговор. Ехал по дороге, из окна вагона смотрел, что видел — ужас...

Простые люди никогда не удивляются тому, что жертвы тех процессов лгали на себя и на ближних. Вопрос о причинах самооговора задают те, кто мыслит абстрактно и забывает простую истину: если мы в состоянии обвинить людей, сломленных пытками, то одним лишь этим оправдываем палачей.

* * *

Моя жена Оля любит рассказывать, как мы с дочкой оказались в Ташкенте на праздничной демонстрации.

Я об этом не рассказываю, не получается. Мешает «боковое зрение», не могу о главном, сбиваюсь на объекты второго и третьего плана.

Оля рассказывает так:

— Седьмого ноября было очень тепло, просто жарко, больше двадцати градусов, и мы с утра радовались, что урвали кусок лета, когда в Москве холод, снег, вьюга. С утра под нашими окнами студенты Театрального института танцевали андижанскую польку — ребята собирались на демонстрацию.

Под эту польку мы позавтракали, под нее же вышли из гостиницы, решили просто гулять.

Мы пошли смотреть остатки старой крепости, могучие стены с воротами. Я очень люблю памятники старины трогать руками, только глазами — мне мало. И пока мы эту стену изучали, мы как-то очень высоко забрались, выше всех, и стала нам видна улица, по которой шли танки, бронетранспортеры, везли ракеты. Они уже миновали площадь, ехали по домам.

Мы стали смотреть, раз уж видно... С земли пробиться, чтобы увидеть что-нибудь, невозможно. Началась демонстрация трудящихся, они шли районами. Один район прошел, другой... Впереди несли огромный портрет того, чьим именем район назван. Я сразу подумала: а ведь и Акмаль-Икрамовский район пойдет, значит, и они будут с портретом. Но вслух это не сказала почему-то. Просто говорю: «Давайте еще постоим».

Стою, жду и волнуюсь все сильней и сильней. А потом стоять стало невозможно, я сказала: «Скоро Акмаль-Икрамовский район пойдет...» И мы с Аней сбежали по откосу, папочка — за нами. Начали пробираться сквозь толпу зрителей, выбрались на улицу и пошли навстречу колоннам. Идем, тянем друг друга, торопимся, налетаем на кого-то, под транспарантами подныриваем, спешим так, будто нас ждет кто-то. На нас оглядываются, но не ругают: Ташкент же, не Москва. Я думаю: вот сейчас, вот сейчас, а что плачу — не замечаю. Заметила, когда увидела портрет Акмаля. Он молодой, в косоворотке, узколицый такой парнишка. И веселый, молодой же очень.

Портрет поднят высоко, а небо голубое-голубое. Мы навстречу портрету шли, головы задрали, ничего не видим, на людей натыкаемся, а нас все пропускают. Может, из-за того, что против движения премся, не как все люди? Только вот отчего плачем так?

ПОЛУРЕАБИЛИ

Том ЕМЕЛЬЯНОВ

В 1980 году в центральной печати появились материалы о необходимости музея Шаляпина. Почта принесла разные отклики. Например, В. Д. Федоренко из Кишинева написал: «Я прочел статейку о музее Шаляпина. Возмущаюсь и протестую. Он за границей помогал бежавшей от Октября контрреволюции... Так почему же теперь врагу Советской власти надо создавать музей?»

30-летний инженер из Ленинграда Д. Семенов: «Гневно протестую против развернутой антипатриотичной кампании по организации музея Шаляпина... Какое моральное право имеет Шаляпин, отрекшийся от своей Родины, на то, чтобы она воздавала ему почести в виде музея и увековечения его имени?»

Письменная анафема на Шаляпина годами потоком идет в редакции газет, на радио, телевидение, в высокие инстанции, причем география ее и возрастные рамки авторов очень широки. В чем же дело? Личность Ф. И. Шаляпина, его социальный облик, его жизнь, особенно в последние полтора десятка лет (да и творчество зарубежного периода) — все это и поныне остается для широкой публики «белым пятном». Между тем, как справедливо утверждается в великолепном трехтомнике «Федор Иванович Шаляпин», «трудно найти в истории театра другого художника, о котором было бы сложено столько нелепых басен, наплетено столько унизительного и гадкого, который так безжалостно подвергался бы всякого рода шантажу, травле и инсинуациям».

В своей книге «Маска и душа», изданной в Париже в 1932 году, Ф. И. Шаляпин с горечью писал: «Русская публика любила меня — я этого отрицать не могу. Но почему же не было низости, в которую она не поверила бы, когда дело касалось меня?.. Пусть меня критикуют, когда я не прав. Но не постигаю, почему нужно сочинять про меня злостные небылицы?»

Клевета на великого артиста начала отравлять ему жизнь еще до революции 1917 года. К сожалению, в Советской республике через несколько лет после того, как Федор Иванович уехал на гастроли за границу и не вернулся, эти злостные небылицы не только зазловонили вновь, но трансформировались из бытовых в политическую диффамацию. И даже сегодня она жива, справляет свой мерзкий «юбилей» над гробом Шаляпина — хотя ныне, как утверждает еженедельник «Новое время», «...мы уже не считаем отъезд за рубеж таких, к примеру, деятелей культуры, как Ф. Шаляпин, С. Коненков, С. Прокофьев и даже К. Бальмонт, изменой своей стране».

«...КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ»

12 апреля 1938 года Шаляпин умер в Париже. Излагаю свидетельства очевидцев. Париж, обычно довольно равнодушно относившийся к смерти выдающихся артистов, устроил Шаляпину грандиозное, исполненное искренней и глубокой скорби прощание. В квартиру артиста совершалось настоящее паломничество: на листах для подписей ставили свои имена министры, политические деятели, писатели, музыканты, художники, просто парижане. Весь культурный мир Парижа провожал Шаляпина в последний путь. На похоронах был официально представлен президент Французской Республики, почти весь дипломатический корпус. Заметим, что Федор Иванович не являлся гражданином Франции, не был национальным героем французского народа. Смерть Шаляпина всколыхнула мир — со всех концов света, на всех языках в Париж хлынули телеграммы, полные скорби и уважения. Газеты Европы запестрели аншлагами: «Величайший оперный артист нашего времени», «Крупнейшая звезда среди всех звезд», «Сын писаря, ставший самым гениальным певцом мира», «Это был гений», «Национальное и мировое слилось в нем в одно целое»...

И среди этой искренней, глубокой всемирной скорби о величайшем революционере оперной сцены и вокального искусства раздался скрип «немазаной телеги» нашей печати — дословно: «...Шаляпин, пройдя в свое время большой творческий путь, создал ряд образов, вошедших в историю русского оперного театра. Однако в расцвете сил и таланта Шаляпин изменил своему народу, променяв родину на длинный рубль... Оторвавшись от родной почвы, от страны, взрастившей его, Шаляпин за время пребывания за границей не создал ни одной новой роли. Все его выступления за рубежом носили случайный характер. Громадный талант Шаляпина иссяк уже давно. Ушел он из жизни, не оставив после себя ничего, не передав никому методов своей работы, большого опыта. Литературное наследство Шаляпина не представляет ничего интересного для искусства. Это хронологическое изложение различных эпизодов, поражающее своим идейным убожеством».

Таким-то вот «некрологом» откликнулась газета «Известия» 14 апреля 1938 года, причем заметка помещена на последней полосе, впритык к судебно-милицейской хронике об аресте спекулянтов. Достойно сожаления, что под ней стояла подпись: «Народный артист СССР, орденоносец Марк Рейзен». Буквально на следующий день он забил тревогу — коллеги отказались подавать ему руку. Кроме того, ему позвонил В. П. Чкалов и выплеснул яростное возмущение в таких выражениях, что «раскалился» телефон. Выяснилось, что М. Рейзен «подмахнул» слепленный по заданию руководства редакции неким Эфроимсоном текст. Но ведь мог же М. Рейзен «не влипать в историю» — отказался же днем раньше от подобной «чести» проф. А. Гольденвейзер, тоже орденоносец...

Газета «Правда» тоже «почтила» память Ф. И. Шаляпина. 14 апреля 1938 года. Даны три строчки: «Агентство ГАВАС сообщает, что 12 апреля в Париже умер в возрасте 65 лет артист Ф. И. Шаляпин». Парижане оказались куда корректнее советской печати — при похоронах Шаляпина на многих венках алели надписи: «Национальной русской славе», «Русскому гению»...

Такие вот «точки» поставила наша пресса в конце жизненного пути Ф. И. Шаляпина. А что было до этого? Давайте разберемся.

С весны 1927 года Федор Иванович попал в нашей печати под давящий «пресс». Тяжесть его усугублялась тем, что его усердно помогали завинчивать признанные мастера слова, известные литературные авторитеты, в частности Д. Бедный, В. Маяковский, М. Кольцов и другие,— на них и по сей день ссылаются многочисленные злопыхатели — обвинители Шаляпина. Из каких соображений наши мастера слова предавали политической анафеме гениального артиста? Или они не знали, что поднимают на него руку с заряженным клеветой пером-пистолетом? Почему они так скоропалительно подхватывали и раздували на всю страну политические сплетни о Шаляпине? А может, они забыли, что с них особый спрос, не такой, как с рядового, неинформированного человека?

Массовому читателю пора узнать, как и в какой обстановке у Ф. И. Шаляпина отобрали звание — первого! — народного артиста республики. Решение Совнаркома РСФСР было принято на гребне раздутой на весь Советский Союз клеветнической кампании, импульс которой дала сплетня о том, будто Шаляпин помогал деньгами яростным врагам СССР из белоэмиграции в Париже. Вот лишь два примера из читательских писем в наши дни: «Я читал в «Правде» в 20-х годах, что Шаляпин пожертвовал 5 тысяч долларов на борьбу против Советской власти»; «Помогая контрреволюции, Шаляпин дал попу Спасскому 5 тысяч франков, а митрополиту Евлогию — еще три тысячи франков». Видите, сколько вариантов «коротконогой»: кто пишет — доллары, кто — франки, а сумма уже выросла до восьми тысяч. И такие «осведомленные» не держат свои «достоверные сведения» за пазухой — они по мере сил распространяют их. Что же было на самом деле?

Ф. И. Шаляпин действительно преподнес священнику Георгию Спасскому 5 тысяч франков, из которых тот передал три тысячи в распоряжение митрополита Евлогия. Шаляпин дал деньги с целевым назначением — на нищенствовавших в Париже российских детей. У нас давно было сказано — большевики не воюют с детьми. Правда, «сталинская коллективизация» деревни и последовавшие массовые репрессии свидетельствовали против этого лозунга. Так вот, в Москве шаляпинский акт сострадания и милосердия публично извратили до дикости. Ф. И. Шаляпин так писал об этой истории: «Москва, некогда сгоревшая от копеечной спички, снова зажглась и вспыхнула от этого моего, в сущности, копеечного пожертвования. А в газетах (советских.— **Т. Е.**) печатали статьи о том, что Шаляпин примкнул к контрреволюционерам... а «народные массы» на митингах отлучали меня от родины...» И еще: «Совершенно, конечно, не ожидал я, чтобы мое сердечное движение — помочь несчастным детишкам истолковано было как участие в контрреволюции... Это меня взволновало, и я, конечно, отправился немедленно к священнику Спасскому и митрополиту Евлогию проверить, действительно ли моими деньгами распорядились противно моему желанию и определенному их назначению? Слава Богу, оказалось, что деньги, хотя и получил Евлогий, но они идут исключительно на помощь детишкам и ни одной копейки не отдано никаким политическим организациям. Черт их всех возьми... Я совершенно не честолюбив и не тщеславен, но английские корреспонденты, когда я был в середине июля в Англии (London), показали мне депешу от их собственного корреспондента из Москвы, что я «денационализирован»! Исключен из граждан моей родины. Вот тут, признаться, я приуныл... Что за черт! Что же я сделал, спрашивал я сам себя. Разозлился я, конечно, и на попа, и на черта и пошел к митрополиту Евлогию взять деньги назад. Но... как сказал, по запискам у него я увидел, что помогает он только беднякам и уж, конечно, пролетариям».

Предубежденный читатель может сказать — мало ли что писал Шаляпин! Такому читателю нелишне узнать хотя бы о том, что представлял собой митрополит Евлогий. В свое время, до революции, он принадлежал к крайне правому политическому крылу. Но оказавшись в эмиграции, переосмыслив происшедшую в России революцию, познав политическую грязь открытой белоэмигрантщины, он быстро порвал с ней, занявшись исключительно церковными делами и благотворительностью. Когда Гитлер напал на СССР, Евлогий, не в пример неисправимым врагам русской революции и Советской власти, занял однозначную патриотическую позицию, а после победы советского народа над фашизмом, в возрасте 84 лет, митрополит благословил эмигрантов на возвращение в Советский Союз. Патриотическую деятельность его (в миру — Василий Семенович Георгиевский) оценила Родина: посол СССР во Франции А. Богомолов от имени Советского правительства вручил в 1945 году митрополиту Евлогию — первому среди эмигрантов — паспорт гражданина СССР (к сожалению, скоропостижная смерть лишила его возможности ступить на родную землю).

Трудно пройти мимо еще одного типичного письма (февраль 1988 г.) об истории с пятью тысячами франков. Г. П. Зырянов из г. Коркино Челябинской области, обвиняя Шаляпина, гневается: «Почему-то совесть не заговорила у него, не поднялась рука дать (денег.— **Т. Е.**) голодающим беспризорным детям на русской земле. 82-й год живу, и с мнением Маяковского, которое он выразил в своем стихотворении того времени, согласен». Зырянов обвиняет Шаляпина и в корыстолюбии, и в стяжательстве. И невдомек ему, что он повторяет инсинуации записных зло-

В МОСКВЕ, НА УЛИЦЕ ЧАЙКОВСКОГО, НАКОНЕЦ-ТО ОТКРЫТ ДОМ-МУЗЕЙ ВЕЛИКОГО РУССКОГО АРТИСТА Ф. И. ШАЛЯПИНА. ЦЕЛЫХ ПОЛВЕКА ПОНАДОБИЛОСЬ НА ЭТО. ЗА СОЗДАНИЕ МУЗЕЯ БИЛАСЬ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ ТАК ЖЕ, КАК ПРОДОЛЖАЕТ ОНА ВОЕВАТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ МЕМОРИАЛОВ ДРУГИХ СЛАВНЕЙШИХ ГЕНЕРАТОРОВ ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ: МУСОРГСКОГО, ГОГОЛЯ, А ТАКЖЕ АХМАТОВОЙ, ЦВЕТАЕВОЙ, БУЛГАКОВА, ПАСТЕРНАКА, ПЛАТОНОВА, ЗОЩЕНКО — «СЕЙ СПИСОК ДЛИНЕН...» ВЕЛИКА ЕЩЕ ИНЕРЦИЯ НАСИЛЬСТВЕННОГО ОТТОРЖЕНИЯ НЕСТАНДАРТНО МЫСЛЯЩИХ И ТВОРЯЩИХ, КЛАССИЧЕСКИМ ПРИМЕРОМ ЧЕМУ СТАЛА СУДЬБА Ф. И. ШАЛЯПИНА.

пыхателей. Очевидно, он даже не слыхал о таких, скажем, фактах. Еще до революции на свои деньги Ф. И. Шаляпин построил в деревне Александровка Нижегородского уезда школу для крестьянских детей и ежегодно высылал в ее адрес по 900—1000 рублей. 29 декабря 1911 года он отдал 16 500 рублей на помощь голодавшим в России. Во время первой мировой войны Шаляпин создал и содержал на свои средства госпиталь для раненых российских солдат. В 1921 году, за границей, он дал огромный сольный концерт, весь сбор с которого переслал для пострадавших от жестокого голода в Поволжье. Это лишь малая толика подобных фактов.

Печально-характерно, что никто даже из «добросовестных» очернителей Федора Ивановича не хочет или не утруждается подумать о том, что великий русский артист не был капиталистом или банкиром, что на него никто не работал, что деньги он зарабатывал «своим горбом», своим неустанным, поистине, как писал он, каторжным трудом. Не каждый талант «позволяет» себе трудиться так неистово, как Шаляпин.

Антишаляпинский шабаш (иначе не назовешь) в нашей стране, разразившийся с подачи газет в мае — августе 1927 года из-за пожертвований артиста эмигрантским детям, и вынес на своем гребне решение Совнаркома РСФСР о лишении Ф. И. Шаляпина звания народного артиста республики.

РАССЕКРЕЧЕННЫЙ ШАЛЯПИН

Самое расхожее обвинение против Шаляпина сформулировано в словах: «Он не вернулся на Родину». Винят в этом только и исключительно Федора Ивановича, опять-таки не зная всех причин и обстоятельств. Между тем он неоднократно порывался вернуться. 16 июля 1925 года он пишет дочери Ирине в Москву: «Очень хотелось бы поехать в Россию, да не повезло — не вышло с нашими театральными заправилами — не сговорились в прошлом году, а сейчас уже и поздно... Сейчас в Париже был у меня Борис Борисович Красин, много толковали о музыке, о театре. Жалею я, что много никчемного народу стоит у заправления театрами и музыкой, и даже Бориса Борисовича стесняют в его работах». Не кажется ли вам, информированный читатель, что последняя фраза актуальна не менее, чем в те времена?

В 1926 году в интервью, опубликованном в московском журнале «Новый зритель», Шаляпин четко сказал: «В 27-м году поеду в Россию обязательно». Но этому твердому намерению артиста воспрепятствовала та самая разнузданная клеветническая кампания из-за пяти тысяч франков. Неудивительно, что свободомыслящий, обладавший чувством высокого собственного достоинства, Ф. И. Шаляпин отреагировал на нее адекватно: «Связи с Россией я никогда не порву. Но поехать сейчас, после всей этой гнусной кампании, которую против меня ведут, не намерен». И все же позже, когда немного затянулась нанесенная ему клеветой глубокая рана, он вновь засобирался в Россию. Увы, в Москве началась очередная вакханалия «сожжения ведьмы на костре» — уже из-за книги Федора Ивановича «Маска и душа». Вот как это было.

Десятилетиями в нашем обществе, прежде всего в печати, господствовал не ликвидированный полностью и поныне неписаный «указ» — интерпретировать позицию, произведения или высказывания неугодного инакомыслящего, не предоставляя слово ему самому.

60 с лишним лет не затихала у нас в стране ругань по адресу книги «Маска и душа» и ее автора — точнее, не всей книги, а той ее части, где артист откровенно и с горечью писал о негативных событиях в общественно-политической, социальной, культурной жизни страны, которые мы сегодня, с более чем полувековым опозданием, беспощадно вскрываем сами. Большинство хулителей книги и автора составляют люди типа ленинградца Ф. Н. Мужейника, написавшего в московскую газету: «Ф. И. Шаляпин — автор книги «Маска и душа». Это — факт. **Я этой книги не читал** (подчеркнуто мной.— **Т. Е.**), но читал другую (он называет в письме статью М. Кольцова «Маска и человек».— **Т. Е.**). И я, рабочий «Кировского завода», говорю: какой же ты гад, федя (обязательно с маленькой буквы!)...» Доктор юрид. наук Л. Гудошников тоже считает: «...нет оправдания гнусным антисоветским страницам в книге Шаляпина «Маска и душа»...»

И вот, наконец, в журнале «Новый мир» опубликованы почти все запрещенные дотоле фрагменты книги Шаляпина. Я приведу лишь некоторые — и неопубликованные, и публиковавшиеся ранее, но неизвестные широкому читателю.

Книга «Маска и душа» свидетельствует, что Федор Иванович пристально следил за развитием событий в СССР, глубоко осмысливал их (нестандартно, как говорим мы ныне) и делал поразительные для своего времени выводы. Вот что пишет он о своих расхождениях с самым дорогим другом — М. Горьким: «...Все, что в последнее время случалось с моим милым другом, я думаю, имеет какое-то не ведомое мне, ни другим объяснение, соответствующее его личности и его характеру. Что же произошло? Произошло, оказывается, то, что мы вдруг стали различно понимать и оценивать происходящее в России. Я думаю, что в жизни, как в искусстве, двух правд не бывает — есть только одна правда. Кто этой правдой обладает, я не смею решить. Может быть, я, может быть, Алексей Максимович. Во всяком случае, на общей нам правде прежних лет мы уже не сходимся. Я помню, например, с каким приятным трепетом я однажды слушал, как Алексей Максимович восхищался И. Д. Сытиным.

— Вот это человек! — говорил он с сияющими глазами.— Подумать только, простой мужик, а какая сметка, какой ум, какая энергия и куда метнул!..

Действительно, с чего начал и куда метнул. И ведь все эти русские мужики, Алексеевы, Мамонтовы, Сапожниковы, Сабашниковы, Третьяковы, Морозовы, Щукины — какие все это козыри в игре наций. **Ну, а теперь это — кулаки, вредный элемент, подлежащий беспощадному искоренению!** (подчеркнуто мной.— **Т. Е.**)

...Я никак не могу отказаться от восхищения перед их талантами и культурными заслугами. **И как обидно мне знать теперь, что они считаются врагами народа, которых надо бить, и что эту мысль, оказывается, разделяет мой первый друг Горький»** (подчеркнуто мной.— **Т. Е.**).

В то самое время, когда в нашей стране взахлеб превозносилась «гениальность» сталинской коллективизации деревни, Ф. И. Шаляпин одним из первых, да еще из-за границы, разглядел и осудил ее антигуманную сущность, ее античеловеческую вакханалию, в которой были уничтожены или сосланы в жестокие края самые трудовые слои российской деревни, испокон веков кормившие страну — причем репрессированы были и их семьи, включая детей. А странная, необъяснимая позиция одного из талантливейших «русских мужиков», Максима Горького, отвергнутая Шаляпиным, до сих пор не известна советскому народу,— как и вообще отношение Горького к чудовищным преступлениям сталинизма.

Другой фрагмент книги «Маска и душа» еще более фантастичен психологически и политически для тех времен. Сталин уже знал о книге «Маска и душа», где автор — наверное, первым в мире — публично дал невероятную для того времени характеристику «великому вождю советского народа»:

«У Бедного же (Демьяна.— **Т. Е.**) встретился я с преемником Ленина, Сталиным... Когда я впервые увидел Сталина, я не подозревал, конечно, что это — будущий правитель России, «обожаемый» своим окружением. Но и тогда я почувствовал, что этот человек в некотором смысле особенный. Он говорил мало, с довольно сильным кавказским акцентом. Но все, что он говорил, звучало очень веско — может быть, потому, что это было коротко... Из его неясных для меня по смыслу, но энергичных по тону фраз я выносил впечатление, что этот человек шутить не будет. Если нужно, он так же мягко, как мягка его беззвучная поступь лезгина в мягких сапогах, и станцует, и взорвет храм Христа Спасителя, почту или телеграф — что угодно. В жестах, движениях, звуке, глазах — это в нем было». Приведу еще один фрагмент из книги «Маска и душа» (не вошедший в публикацию «Нового мира»). Ф. И. Шаляпин пишет: «Я пел обращение к Родине:

За что любить тебя?
Какая ты нам мать,
Когда и мачеха бесчеловечно злая
Не станет пасынка так беспощадно гнать,
Как ты детей своих казнишь, не уставая?..
Во мраке без зари живыми погребала,
Гнала на край земли, во снег холодных стран,
Во цвете силы убивала...
Мечты великия без жалости губя,
Ты, как преступников, позором нас клеймила...
Какая ж ты нам мать?
За что любить тебя?
За что — не знаю я, но каждое дыханье,
Мой каждый помысел, все силы бытия —
Тебе посвящены, тебе до издыханья!
Любовь моя и жизнь — твои, о мать моя!»

Вдумайтесь: ведь это же опубликованный в книге в 1932 году гимн для будущих миллионов репрессированных советских людей — расстрелянных, замученных на каторге, умерённых голодом в сталинских концлагерях! Это гимн ненависти и проклятия не «пришельцам с той стороны», а доморощенным, советским, с партийными билетами в кармане сталинско-бериевским палачам и одновременно клятва верности Родине «до издыханья».

Книга «Маска и душа» готовится к выходу в свет отдельным полным изданием.

ПОРА «РАСЦИКЛИТЬСЯ»

Дочь Шаляпина, Ирина Федоровна, 25 июля 1977 года писала: «Когда же, наконец, воздадут должное Федору Ивановичу? Ведь он столько добра сделал людям... вот и с домом-музеем все та же канитель... все отвечают: ждите. Я вот уже с 1938 года жду — скоро сорок лет! Сколько же надо ждать?!» Так и не дождалась... Десятилетиями отношение Министерства культуры СССР к созданию музея Шаляпина в Москве выражалось в заклинании — «чур меня!». Осмеянные Шаляпиным чиновники от культуры, даже самые высокопоставленные, обуянные «квасным патриотизмом», до сих пор не в состоянии осознать, что Ф. И. Шаляпин не только национальная гордость русского народа, не только вершина мирового музыкального искусства, но и государственное достояние нашей страны, как до-, так и послереволюционной. «Зацикленные» в отношении Шаляпина на одной-единственной мысли — «он уехал и не вернулся!» — ограничиваются лишь констатацией факта. Но гораздо важнее другой вопрос: что же делал Федор Иванович за границей с 1922-го по год смерти, 1938-й? Ведь это самое главное.

Во-первых, несмотря на различные конфликты и клевету, Шаляпин не отделял себя от Родины. Его четкая гражданская позиция просматривается хотя бы в таких фактах. Во время гастролей в США мэр г. Бостона на приеме в честь Шаляпина задал ему вопрос: «Почему мистер Шаляпин до сих пор не примет американского гражданства?» Федор Иванович мгновенно взорвался и, обратившись к присутствовавшим русским, рявкнул: «Спросите эту лошадь — почему бы ему не стать малайцем?!» Он радовался успехам родной страны и возмущался антисоветизмом на Западе, в частности в США. 22 января 1924 года он писал из Чикаго в Москву дочери Ирине: «Признаться, я не ожидал, чтобы Америка так бурливо восстала против признания нашего правительства (нашего! — **Т. Е.**). Ну, да черт с ними. Я думаю, это вопрос времени... Потерпим!»

Во-вторых: творческая роль Шаляпина за рубежом. Во время перезахоронения праха артиста на Новодевичьем кладбище в Москве (кстати, ни одного

представителя Министерства культуры СССР там не было слышно: выступала только общественность) над гробом Шаляпина были сказаны такие слова: «Повсюду, во всех уголках планеты имя Шаляпина было и остается синонимом артистического совершенства и вместе с тем олицетворением безграничного таланта русского народа. Где бы ни выступал, как бы далеко ни заносила его судьба, везде Шаляпин ощущал себя посланцем русского искусства, служил его славе преданно и страстно». В двадцатых — тридцатых годах на Западе усиленно старались организовать блокаду СССР. США, как известно, не признавали Советский Союз до 1933 года. На нашу страну обрушивались потоки клеветы. Именно в это время Шаляпин гастролировал по всему миру, проехал из конца в конец США и был, по сути, единственным в своем роде (пусть неофициальным) выдающимся постоянным полпредом искусства русского народа, уже совершившего Октябрьскую

революцию. Заидеологизированные догматики до сих пор не могут понять, что своим гастрольным творчеством за границей Шаляпин вносил огромный вклад в становление и рост авторитета СССР в мире. Объективно, пожалуй, никто из деятелей советского искусства не сделал в то время за границей так много для укоренения высокого уважения в разных странах к нашей стране, как Федор Иванович. Недаром наши выдающиеся оперные артисты И. Архипова, Е. Образцова, Е. Нестеренко, И. Петров, объехавшие с гастролями весь мир, утверждают, что дух Шаляпина до сих пор витает в крупнейших оперных театрах мира.

Вот относительно этого — главного дела Шаляпина во время его жизни за границей десятки миллионов советских читателей, радиослушателей, телезрителей остаются до сих пор почти в абсолютном неведении. И очень жаль, что Министерство культуры (!) СССР «зарубило» одну идею по увековечению памяти гениального артиста, равного которому — это общепризнано в мире — не родил ни один народ, кроме русского. Об этой идее тоже стоит сказать не только в качестве печальной ретроспекции, но и конструктивно.

По насыщенности театрами, музеями, концертными залами Москва, столица реальной социально-экономической формации, социализма, перманентно занимает последнее место в ряду европейских столиц. Ведь это же «позор на весь мир», возмущалась недавно публично народная артистка СССР И. Архипова, что после Октября 1917 года в Москве не построено ни единого концертного зала. Закрылся на ремонт Большой зал консерватории — нарушилась вся концертная жизнь столицы. В 1980 году народная артистка СССР Е. Образцова и автор этих строк предложили на полосе «Литературной газеты»: «На территории дома-музея Ф. И. Шаляпина надо создать новый крупный музыкальный центр — построить концертный зал имени Шаляпина», выступить в котором считали бы честью выдающиеся вокалисты планеты. Длительными усилиями музыкальной общественности удалось добиться, что МГК КПСС в июне 1980 года принял решение, в пункте 2 которого сказано: «Совместно с Главным управлением культуры (т. Шкодин) и Министерством культуры СССР (т. Мохов) рассмотреть и внести предложение о финансировании строительства лекционно-концертного зала при доме-музее Ф. И. Шаляпина с учетом сроков завершения реставрационно-ремонтных работ по дому-музею». Это решение было принято вопреки сопротивлению представителей Минкультуры, твердивших об отсутствии денег. Было бы выполнено это решение — сегодня Москва имела бы великолепный концертный зал. Увы, постановление, как и многие иные в период «застоя», так и засохло на бумаге. Но все же мысль пробилась на свет, как слабый зеленый росток сквозь асфальт. Тогда, летом 1980 года, я встретился с главным архитектором Москвы, тогдашним начальником ГЛАВАПУ Михаилом Васильевичем Посохиным. Он вроде бы с заинтересованностью откликнулся на идею о концертном зале. Но ничего не сделал. Однако он и ничего не забыл. И вот ныне в 18-й мастерской «Моспроекта-2», которой руководит Посохин-младший, Михаил Михайлович, разработан очень интересный проект возведения рядом с домом-музеем Ф. И. Шаляпина Дома музыки. Проект заслуживает большого внимания профессионалов-архитекторов, строителей и «эксплуатационников» (вокалистов). Создатели проекта запланировали два концертных зала — камерный, на четыреста мест, и большой, на тысячу мест. И как-то само собой, по движению души, проектанты стали именовать большой зал «Шаляпинским». Полагаю, что вся художественная общественность столицы с радостью восприняла бы официальное утверждение этой «инициативы души».

Это первое конкретное предложение, с которым я обращаюсь к Министерству культуры СССР (кстати: а почему новый зал Московской консерватории, окрещенный общественностью «Рахманиновским», до сих пор не обрел это имя официально?).

Но есть и другие предложения — адресую их руководителям Советского фонда культуры, Всесоюзного музыкального общества, Союза кинематографистов СССР, Союза театральных деятелей РСФСР, а также советско-американского фонда «Культурная инициатива». Может быть, они откликнутся конструктивно — если, конечно, сочтут эти предложения заслуживающими внимания.

Первое. Превратить дом-музей Ф. И. Шаляпина в первый в СССР международный музей. Мемориал и экспозицию его разрабатывали и монтировали сотрудники Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М. И. Глинки, энтузиасты, не жалевшие сил и времени. Но все-таки своими силами и средствами они не в состоянии развернуть экспозицию, адекватную феноменальной роли Шаляпина в мировом музыкальном искусстве. Необходимо расширить площадь для экспозиции (есть такие возможности), приобрести в других странах документы, книги, звучащие материалы, связанные с творчеством Шаляпина за рубежом — как выдающегося неофициального полпреда и пропагандиста искусства нашего народа. Создать при доме-музее Международный шаляпинский комитет, пригласив в него, кроме советских, выдающихся оперных певцов и музыковедов других стран, прежде всего Италии, где звезда Ф. И. Шаляпина впервые, в «Ла Скала», заблистала на мировом небосклоне; США, которые он объездил с гастролями вдоль и поперек; Франции, где он жил и скончался.

Второе. Ввести в практику мировой музыкальной культуры постоянный Международный конкурс вокалистов имени Ф. И. Шаляпина и проводить его в Москве.

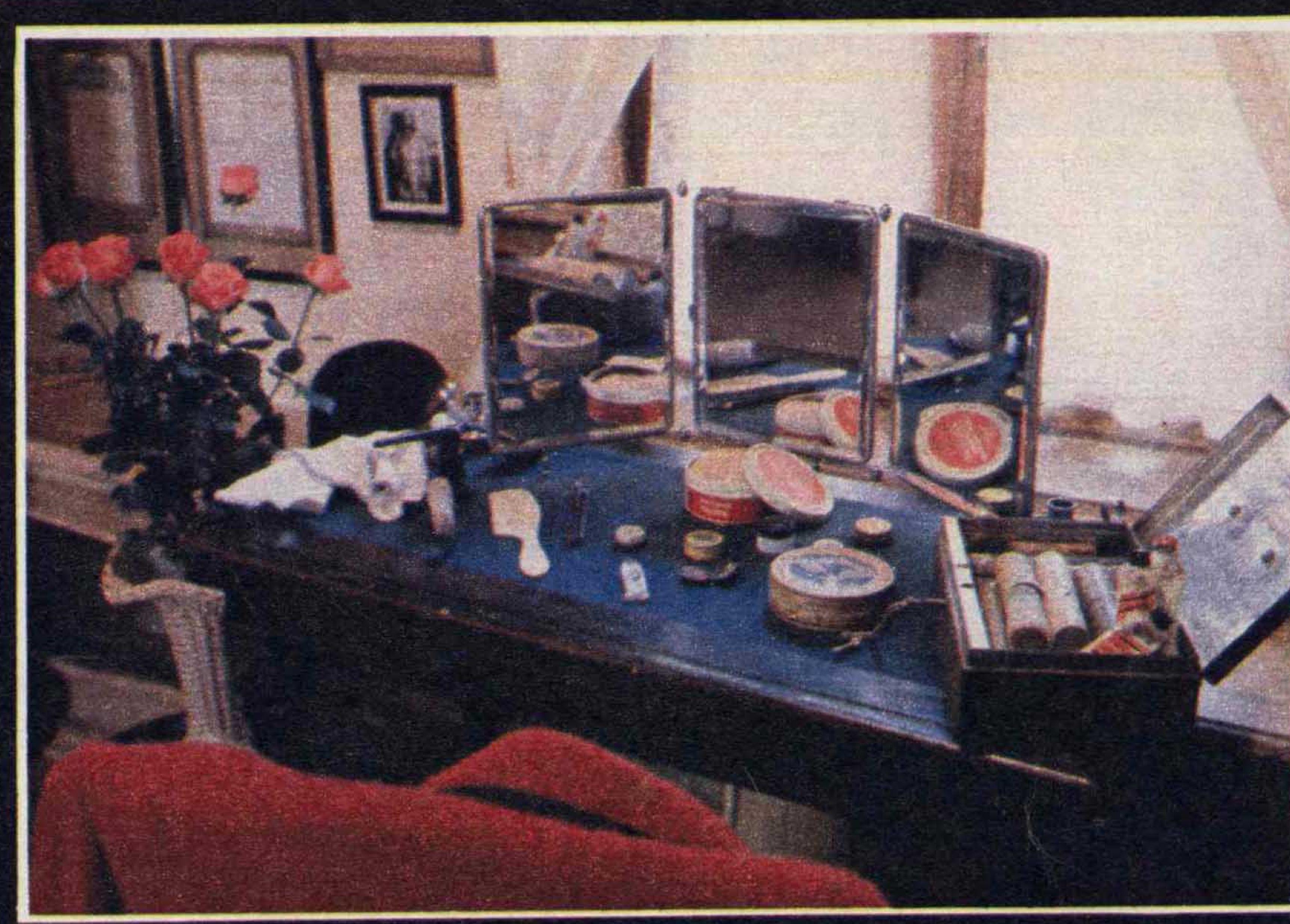
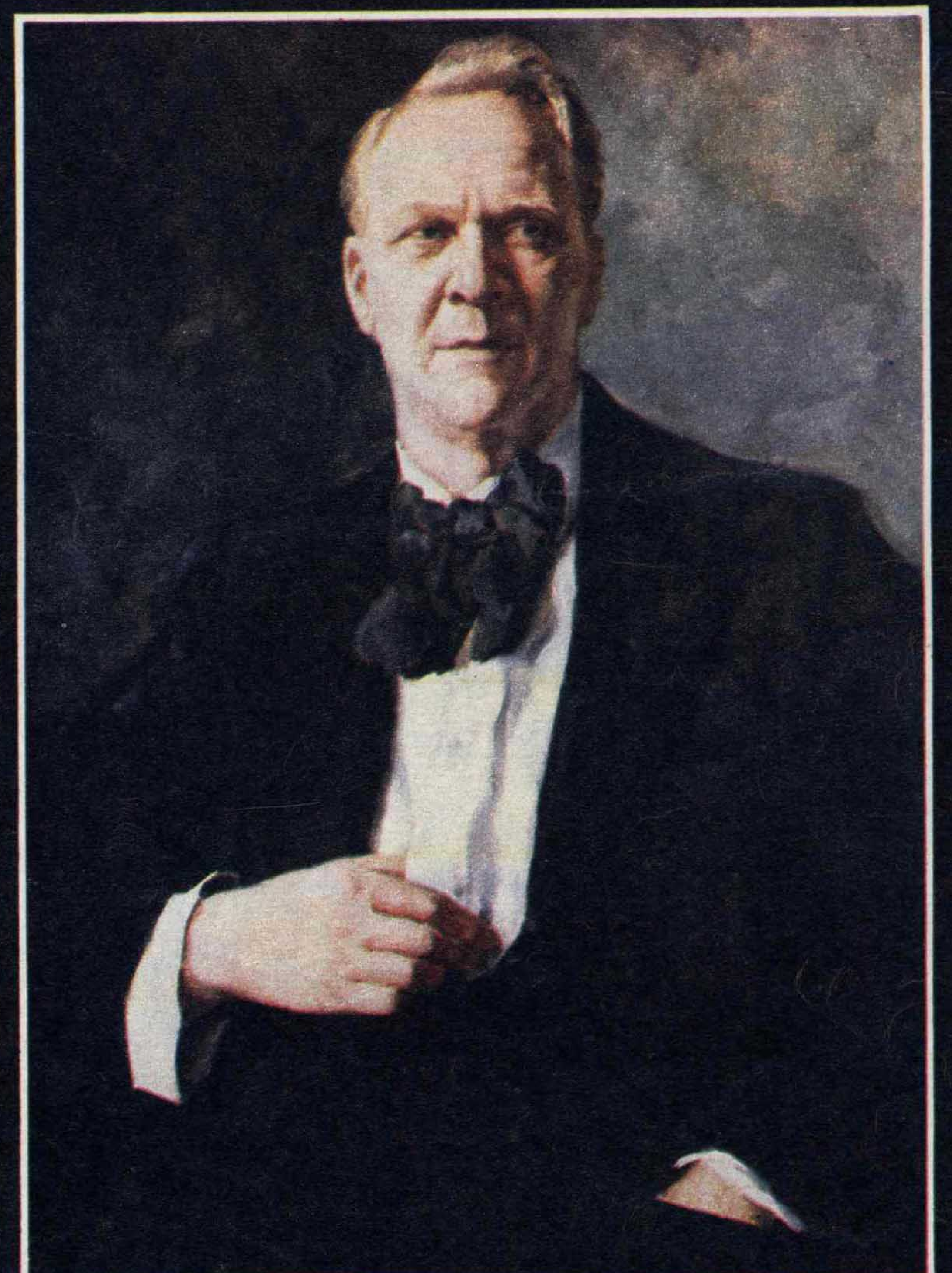
Третье. Создать совместный советско-франко-американо-итальянский художественно-документальный телесериал о великом артисте.

Четвертое. Установить по одной стипендии имени Ф. И. Шаляпина в консерваториях Москвы, Ленинграда и Казани.

Реализация этих предложений, на мой взгляд, не только воздала бы полной мерой должное памяти великого сына России, гения мировой музыкальной культуры, но и стала бы крупным импульсом и вкладом одновременно в развитие сотрудничества СССР с другими странами в музыкальном искусстве и в культуре вообще.

И закончить хочу двумя предложениями, которые давно уже «витают в воздухе» и настойчиво повторяются в письмах разумно осмысливающих судьбу Ф. И. Шаляпина советских людей: вернуть ему (хоть посмертно) звание первого народного артиста Советской республики и назвать одну из улиц Москвы его именем, как сказал народный артист СССР Михаил Ульянов,— «одним из самых прекрасных имен России»...

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

ЗА
ЭКСПЕД

НА ЗЕМЛЕ И НА НЕБЕ

Узнав о нашем намерении прилететь в Тянь-Шань на этот последний сбор, руководители команды сильного восторга не проявили. Возможно, потому, что журналистов на все предыдущие сборы всегда приезжало много, суеты с ними тоже было достаточно. В общем, нас с фотокором ехать отговаривали.

Продолжение на стр. 23

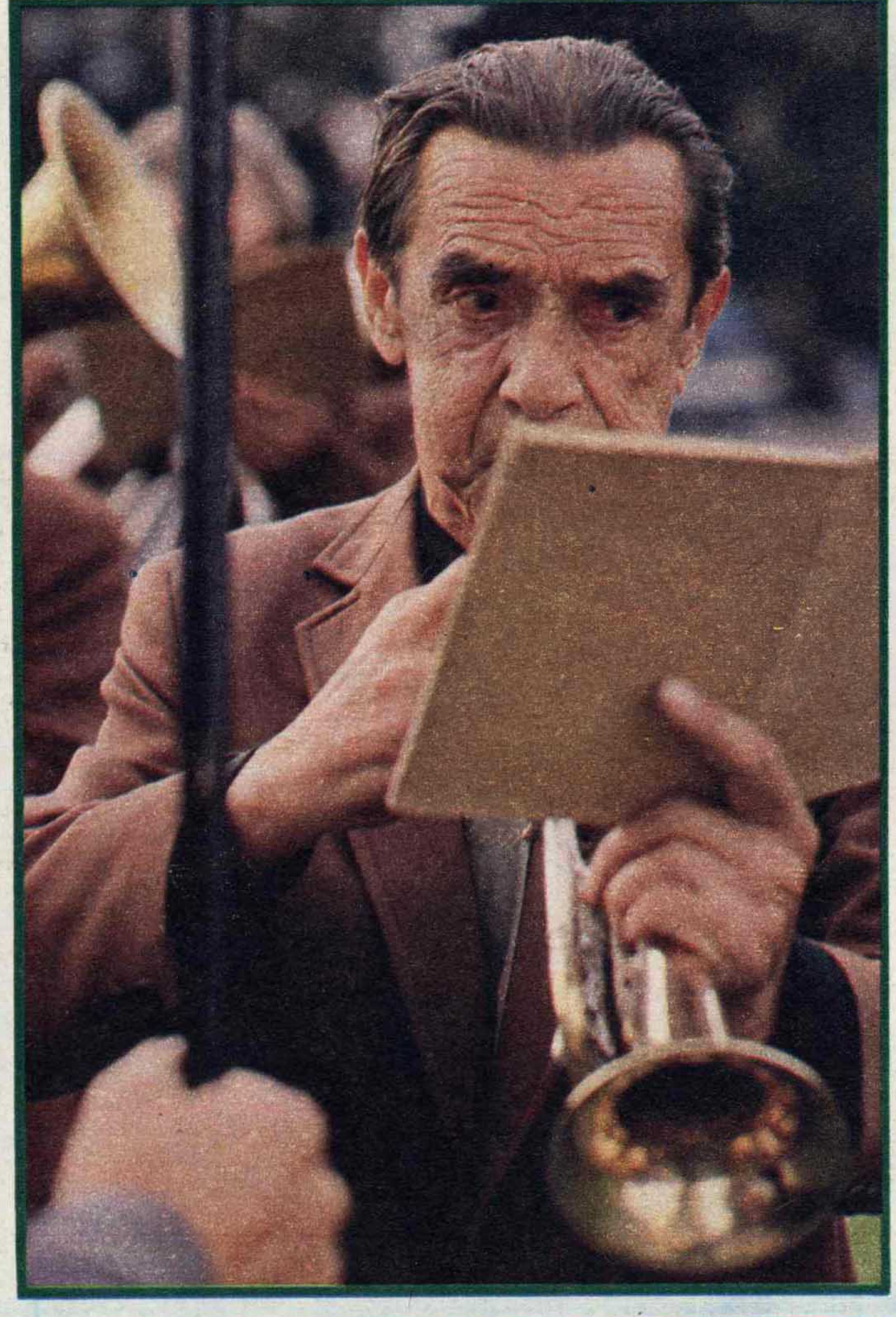

Ирина ВЕДЕНЕЕВА,
Юрий ФЕКЛИСТОВ (фото)

В 1982 ГОДУ СОСТОЯЛОСЬ ПЕРВОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ СОВЕТСКИХ АЛЬПИНИСТОВ НА САМУЮ ВЫСОКУЮ ГОРУ В МИРЕ — ЭВЕРЕСТ. С ТЕХ ПОР ПРОШЛО ШЕСТЬ ЛЕТ. ЗА ЭТИ ГОДЫ В ГОРАХ НЕПАЛА ПОБЫВАЛО МНОЖЕСТВО КСПЕДИЦИЙ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН МИРА, И НИ ОДНОЙ НАШЕЙ. И ВОТ НАКОНЕЦ-ТО СОВЕТСКИЕ АЛЬПИНИСТЫ СНОВА ЕДУТ В ГИМАЛАИ. НА ЭТОТ РАЗ — ТРАВЕРС МАССИВА КАНЧЕНДЖАНГУ, ТО ЕСТЬ ПРОХОЖДЕНИЕ СРАЗУ ЧЕТЫРЕХ ВЕРШИН ЭТОЙ ГОРЫ. ВЫЕЗД ЭКСПЕДИЦИИ ПЛАНИРУЕТСЯ НА ФЕВРАЛЬ СЛЕДУЮЩЕГО ГОДА. ПОСЛЕДНИЙ СБОР У КОМАНДЫ СОСТОЯЛСЯ В ГОРАХ ТЯНЬ-ШАНЯ, НА ПИКЕ ПОБЕДЫ.

ЛОШАДИ
СИЛА

ВСЕ БЫЛО, КАК 24 АВГУСТА 1888 ГОДА. И САМ ВАГОНЧИК, И ОТКРЫТИЕ, НА КОТОРОМ РЕЧЬ ДЕРЖАЛИ ОТЦЫ ГОРОДА И ПОЧЕТНЫЕ ПАССАЖИРЫ, РАЗНАРЯЖЕННЫЕ ПО СТАРОДАВНЕЙ МОДЕ. ОРКЕСТР ПОЗАБОТИЛСЯ О СОВРЕМЕННЫХ ТОЙ ЭПОХЕ МЕЛОДИЯХ.

Пат дико озирался по сторонам — со всех сторон коня, которого впрягли по торжественному поводу в ...доисторический вагон, обступали тысячи таллинцев. Казалось, и без колеи прошел бы трамвай по живому коридору — маршруту, который сто лет назад впервые в столице Эстонии освоила конка.

Разыгранная на улице сценка, напоминывшая, что и «до нас живали», что общество всегда стремится к прогрессу и удобствам, а также многие другие, приуроченные к памятной дате мероприятия были подготовлены коллективом Таллинского трамвайно-троллейбусного управления. Запомнился парад-шоу вагонов, которые за эти сто лет отработали свое на улицах города. Были, оказывается, и паровые трамваи, и на двигателях внутреннего сгорания.

Юбилей юбилеем, а проблем нынче хватает. Современный трамвай — дорогое удовольствие, стоит почти сто тысяч рублей. По сложности электрической системы он не уступает метро. Колея таллинского трамвая — 1067 миллиметров. Нигде в стране такой больше нет. А потому и хлопот достает. Создано множество оригинальных технических средств эксплуатации. Уникальны снегоуборочные машины, вагон для шлифовки рельсов, дозатор щебня, вагон для монтажа контактной сети. Завершены испытания накладных стрелок, которые исключают перебои движения во время капитального ремонта путей.

Дмитрий КЛЕНСКИЙ,
Юрий ГВОЗДЕВ (фото)

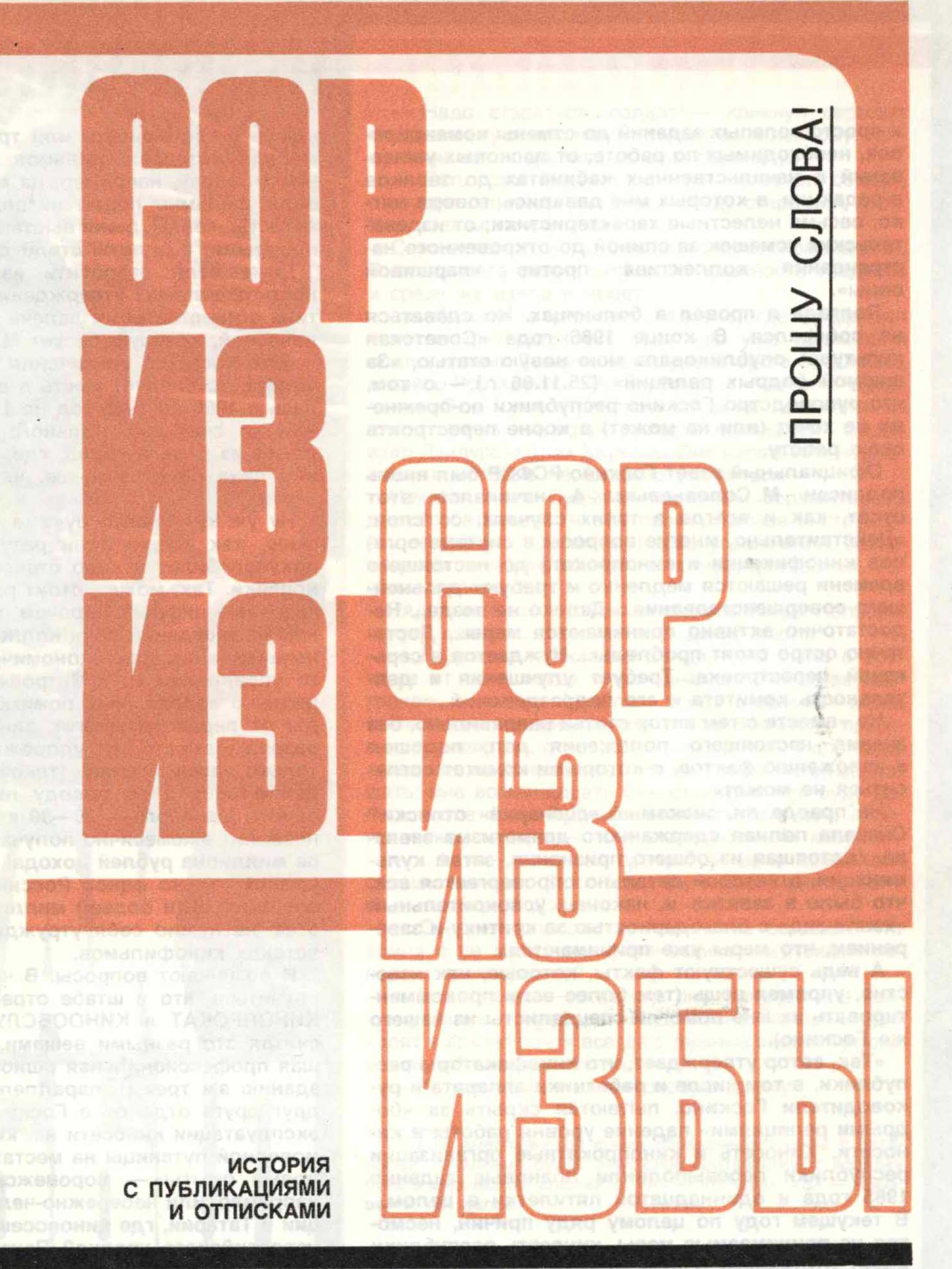
Предполагалось, что с годами таллинский трамвай будет перевозить почти две трети всех городских пассажиров. Это было бы разумно, трамвай — экологически чистое средство передвижения. Но пока преимущество отдается автобусу.

И все же... На таллинских трамваях ежегодно ездит около ста миллионов пассажиров. И это в полумиллионном городе! Многие отдают ему предпочтение, отмечают его особую уютность. В трамвае даже в часы пик: в тесноте, да не в обиде.

Трогательное к трамваю отношение, проявившееся на таллинских улицах, говорит не только о любопытстве... Помните, у Ильфа и Петрова: «Изящная словесность пасует перед таким фактом, как электрический трамвай». А Маяковский: «Съезжалися к загсу трамваи, там красная свадьба была». Да что там, булгаковский Воланд управлял этим феноменом техники, причем на расстоянии...

«Чем же объяснить нашу привязанность к трамваю?» — думал я, глядя на пожилых таллинцев, которые смахивали слезу, провожая трамвай образца 1888 года. И которые, наверное, были так же счастливы, как мой дед, считавший, что ему крупно повезло: на своем веку он стал свидетелем множества чудес — изобретения радио и телевидения, автомобиля и фотографии, запуска в космос человека и «приземления» на Луне... То, что для нас сегодня стало обычным.

Ну, а трамвай? С него-то все и началось. С конки технический прогресс и ускорил свой бег в сознании миллионов людей. Лошадиная сила подтвердила свою репутацию.

СОР ИЗ ИЗБЫ

ПРОШУ СЛОВА!

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ КИНОЗАЛЫ СТРАНЫ ПОТЕРЯЛИ ПОЧТИ МИЛЛИАРД ЗРИТЕЛЕЙ. О ПРИЧИНАХ ПИСАЛ В СВОИХ СТАТЬЯХ В ГАЗЕТАХ «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ», «СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА», «ИЗВЕСТИЯ» БЫВШИЙ ВЕДУЩИЙ ЭКОНОМИСТ ГОСКИНО РСФСР АЛЕКСАНДР СКАКОВ. ДА, ТЕПЕРЬ УЖЕ БЫВШИЙ...

ИСТОРИЯ С ПУБЛИКАЦИЯМИ И ОТПИСКАМИ

Эта история началась три года назад с моей статьи «Цена неоказанных услуг» в газете «Советская Россия». В материале говорилось о наболевших проблемах кинообслуживания в стране и о причинах неблагополучия, о реальном, вызывающем обоснованную тревогу положении дел в этой отрасли, ее штабе.

Писал я и о том, что на протяжении многих лет кассовый план в кино выполняется во многом за счет демонстрации зарубежных кинобоевиков, неоправданного повышения цен на билеты и перевода сотен кинотеатров в так называемый высший разряд без достаточных на то оснований. А за всю эту хитроумную «киномеханику» расплачиваются зрители из своего кармана. Неумение организовать по-настоящему эффективную работу, сервис в киносети приводило к искажению статистики, манипуляции с цифрами и процентами, липовым «передовым опытам», показухе, порочной кадровой политике, в результате которой кинопрокатом на местах руководят в большинстве своем малокомпетентные люди.

Итог плачевен — за последние пятнадцать лет кинозалы страны потеряли почти миллиард зрителей, посещаемость продолжает падать.

Статья была «взрывоопасной» и для Госкино, и, как оказалось, для самого автора, осмелившегося вынести «сор из избы». Впрочем, в редакции меня предупреждали об этом. Но я верил, что началось, наконец, другое время, революционное — демократизация, гласность, перестройка, и был убежден, что не только нужно, но и можно изменить систему проката, принципы управления им и тем самым побороть косность и бюрократизм, в том числе в моем комитете.

Правоту статьи подтвердили многочисленные читательские отклики как зрителей, так и самих прокатчиков и кинофикаторов. Единственный, кто попытался опровергнуть ее, оказался заместитель председателя Госкино РСФСР М. Соловьев, приславший в редакцию официальный ответ.

Нет, конечно, прямо опровергать статью он не стал да и не мог: цифры и факты говорили сами за себя. На помощь пришел высший бюрократический «пилотаж», который неопровержимое зерно истины умело топил в шелухе обтекаемых слов и формулировок, ссылок на различные решения и постановления вышестоящих инстанций, мероприятия и документы, за ними следовали неизменные в таких случаях благодарность за критические замечания и обязательные заверения в том, что уже «намечен и осуществляется ряд мер по устранению недостатков». Впрочем, чего еще можно ожидать от руководителей, знавших истинное положение дел с кинопрокатом, но тем не менее многие годы бодро рапортовавших об успехах и достижениях, главных план в основном «анжеликами» и «танцорами диско»?

Газета, к сожалению, удовлетворилась гладкой, вежливой, а по существу формальной отпиской. Меня же она не устраивала. Снова и снова пришлось выступать на собраниях, взывать к партийной и гражданской совести руководства и коллектива, писать докладные начальству, обращаться в партийные органы как коммунисту, в Комитет народного контроля республики как его внештатному инспектору, стучаться в редакции других центральных газет, чтоб пресечь очковтирательство, порочную кадровую политику. Но теперь я защищал не только дело, но уже и свое достоинство, ибо после публикации статьи началась хорошо организованная травля, направленная на то, чтобы заставить меня либо замолчать, либо уйти. По собственному желанию.

О, это была искусная техника — от шантажа, угроз, замены прежних должностных обязанностей на новые, от заведомо невыполнимых, а то

и просто нелепых заданий до отмены командировок, необходимых по работе, от ласковых увещеваний в начальственных кабинетах до звонков в редакции, в которых мне давались, говоря мягко, весьма нелестные характеристики; от издевательских усмешек за спиной до откровенного настраивания коллектива против «паршивой овцы».

Полгода я провел в больницах. Но сдаваться не собирался. В конце 1986 года «Советская культура» опубликовала мою новую статью, «За ширмой бодрых реляций» (25.11.86 г.),— о том, что руководство Госкино республики по-прежнему не хочет (или не может) в корне перестроить свою работу.

Официальный ответ Госкино РСФСР был вновь подписан М. Соловьевым. А начинался этот ответ, как и всегда в таких случаях, со слов: «Действительно, многие вопросы в системе органов кинофикации и кинопроката до настоящего времени решаются медленно и требуют дальнейшего совершенствования... Далеко не везде... Недостаточно активно принимаются меры... Достаточно остро стоят проблемы... Нуждается в серьезной перестройке. Требует улучшения и деятельность комитета и его подразделений...»

Но «вместе с тем автор статьи неправильно, без знания настоящего положения дел, подошел к изложению фактов, с которыми комитет согласиться не может».

Не правда ли, знакомый «сценарий» отписки? Сначала полная сдержанного драматизма завязка, состоящая из общего признания, затем кульминация, в которой детально опровергается все, что было в завязке, и, наконец, успокоительный «хэппи-энд» с благодарностью за критику и заверением, что меры уже принимаются.

А ведь существуют факты, которые, как известно, упрямая вещь (тем более если прокомментировать их мне помогли специалисты из нашего же Госкино).

«Так, автор утверждает, что кинофикаторы республики, в том числе и работники аппарата и руководители Госкино, пытаются скрыть за «бодрыми реляциями» падение уровня работы в киносети. Киносеть и кинопрокатные организации республики перевыполнили плановые задания 1985 года и одиннадцатой пятилетки в целом... В текущем году по целому ряду причин, несмотря на принимаемые меры, киносеть республики имеет отставание в выполнении установленного плана кинообслуживания населения».

Убедительно, самокритично? Но на самом деле за всем этим полуправда. Правда же звучит так: плановые задания 1986 года не выполнены, по сравнению с 1985 годом потеряно 88 миллионов зрителей и 30 миллионов рублей валового сбора средств от демонстрации фильмов, ежемесячно более 600 кинодирекций (из 2036) не выполняли плановые задания, средняя посещаемость кино упала с 15,8 до 14,8 раза на каждого россиянина. То же продолжалось и в 1987 году и сейчас, в 1988-м...

«Столь же неправомерно и категоричное утверждение автора об увеличении доходов с «помощью ценообразования, необоснованного роста цен на кинобилеты...» и что в кинотеатрах, «кроме цен, для зрителей ничего практически не изменилось». На самом деле перевод кинотеатров в высший разряд осуществлялся в соответствии с решением вышестоящих инстанций и предусматривал в первую очередь повышение уровня культуры обслуживания зрителей. При этом на данные кинотеатры были распространены цены кинобилетов, применяемых при демонстрации широкоформатных фильмов».

Не буду ссылаться на собственный опыт, на поездки по стране, посещение многих кинотеатров, автоматически переведенных в высший разряд без достаточных на то оснований. Приведу только письмо москвички Л. Паршиной: «Я рядовой кинозритель старшего поколения, большой поклонник кино. Но теперь бываю в кинотеатрах 2—3 раза в год, а раньше в месяц ходила столько же и больше. Почему? Многое изменилось в обслуживании. К сожалению, в худшую сторону... Кассир норовит всучить те билеты, которые ему выгодны, а не те, что просишь. Не дай бог спросить стоимость билета... На целый день испорченное настроение. И это не где-нибудь в глубинке, а в столице! В общем, очень низкая культура обслуживания. Живу в центре, бываю в кинотеатрах «Россия», «Мир», «Москва», «Ударник». Нигде никакой рекламы. А раньше, бывало, едешь в троллейбусе или трамвае и читаешь на фасаде названия фильмов. В «Ударнике» или «Метрополе», например, на малой сцене показывали фильмы, поэты читали стихи, выступали артисты, певцы, были выставки, джаз. Теперь все прикрыли, а билеты стали дороже...»

Даже если отбросить излишнюю категоричность отдельных утверждений, то все равно картина с кинотеатрами далека от той розово-идиллической, которую рисует М. Соловьев.

«Что касается увеличения средней цены кинобилета, то следует иметь в виду, что она поднялась с 1980 по 1985 год на 1,7 копейки, в основном за счет значительного перемещения населения из села в город, где, как известно, средняя цена билетов выше, чем в сельской местности».

Ну уж тут просто руками можно развести! Не знаю, как кто, а я ни разу в своей жизни не покупал билет в кино стоимостью, скажем, 36,7 копейки. Так, может, стоит расшифровать эти загадочные цифры? Впрочем, это и сделал на одном из заседаний член коллегии Госкино РСФСР начальник планово-экономического и финансового управления И. М. Митрофанов, который официально заявил, что, помимо финансовой выгоды от перевода многих кинотеатров в высший разряд (вместе с удорожанием кинобилета), только «распоясовка» (такой новый термин введен в обиход по поводу ликвидации третьего, самого дешевого — 20—30 копеек — пояса мест) позволит ежемесячно получать в среднем полтора миллиона рублей дохода! Значит, в год в масштабах только одной Российской Федерации он составит 18 (и более!) миллионов рублей! И при этом не нужно себя утруждать пропагандой советских кинофильмов.

И возникают вопросы. В частности, как могло случиться, что в штабе отрасли путают понятие КИНОПРОКАТ и КИНООБСЛУЖИВАНИЕ, всерьез считая это разными вещами,— ведь это грубейшая профессиональная ошибка, приведшая к созданию аж трех (!) параллельных, дублирующих друг друга отделов в Госкино — репертуарного, эксплуатации киносети и... кинопроката — и неимоверной путаницы на местах? Что это за «передовые опыты» — воронежский, тольяттинский, например, или набережно-челнинской кинодирекции в Татарии, где кинопосещаемость ниже среднероссийского уровня? Почему только единицы работающих в кинопрокате имеют высшее кинообразование? И, наконец, какие меры приняты по сокращению бумаготворчества? Не знаю, кто и как будет отвечать на них и будет ли вообще отвечать по существу...

Не так давно на открытом партийном собрании заслушивались выводы комиссии МГК КПСС по поводу статьи в «Советской культуре». Выводы комиссии начались с признания: «Часть проблем, поднятых автором, правомерна и требует решения, а именно: перестройка работы Госкино РСФСР и его организаций в свете современных требований» (далее по пунктам признавалось практически все, о чем я писал), но кончались они более чем странным обвинением: «т. Скаков за ширмой страстного желания перестройки для отрасли в целом забыл (?!) о необходимости улучшить прежде всего свой стиль работы как ведущий экономист аппарата Госкино РСФСР, как член КПСС».

И началось. В чем только не обвиняли — в высокомерии, гордыне, противопоставлении коллективу, критиканстве и т. д. и т. п.

На собрании выступали в основном те, которые голосовали одинаково как за очередное принятие «конкретных мер», признавая тем самым мою правоту, так и за «испытательный срок», данный мне на «исправление» (читай: последнее предупреждение).

И, наконец, появилась третья моя статья в «Известиях» от 10.06.87 года «Кинопрокат и некоммерция». И снова последовал очень вежливый ответ-отписка, на сей раз из Госкино СССР за подписью самого председателя: «Абсолютное большинство предложений, сделанных автором еще год назад, было обсуждено Госкино СССР вместе с представителями республиканских кинокомитетов и изложено в проекте союзного решения о совершенствовании системы проката кинофильмов и мерах по улучшению кинообслуживания населения, которое находится на последней стадии утверждения».

Сошлюсь на Элема Климова — первого секретаря Союза кинематографистов СССР, отнюдь не разделяющего такого безоблачного оптимизма по поводу проекта, который, как известно, не утвержден до сих пор. На секретариате Союза Климов отметил половинчатость проекта и отсутствие проработанного механизма хозрасчетного кинопроката, что в конечном итоге может свести на нет все усилия по перестройке кинематографа. Так что насчет «последней стадии утверждения» пока не стоит обольщаться и обольщать других.

«Некоторое повышение цен,— утверждается в ответе,— произошло за счет изменения качественной структуры киносети. В 1956 году средняя цена кинобилета составляла 24,4 копейки, а в 1986 году — 28 копеек, то есть рост за тридцать лет составил всего 3,6 копейки. В то же время городская киносеть увеличилась по сравнению с 1970 годом на 6401 киноустановку, в том числе на 386 новых постоянных кинотеатров, а сельская киносеть уменьшилась на 4986 киноустановок».

Опять выведение «средней цены кинобилета», которое напоминает выведение среднестатистической температуры больного, в результате чего она оказывается нормальной. Применяется в корне неверная методология вместо того, чтобы привести данные только по постоянным кинотеатрам, где произошло повышение цен, исключив цену кинобилетов в сельской киносети, на детских и удлиненных сеансах, где она осталась неизменной. И тогда бы средняя цена кинобилета не выглядела бы столь поразительно низкой — «всего 28 копеек».

Вообще повышение цен на кинобилеты не самый верный путь в решении проблемы убыточности отрасли, какой стала сегодня кинематография. Такой коммерческий подход скорее лишает, нежели способствует развитию внутренних стимулов улучшения кинопроката, оставляя нетронутыми другие резервы. Следует помнить, что было сказано на июньском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС: «С учетом политической и социальной значимости реформы ценообразования она должна стать предметом самого широкого обсуждения в стране». То есть гласного, демократического! Пока же непростые проблемы ценообразования, как и вообще нашей кинематографической индустрии, скромно фигурируют лишь в отписках Госкино редакциям газет.

Воз и ныне там...

Александр СКАКОВ

P. S.

Пока материал готовился к публикации, все оказалось, как я предполагал. Упразднили госкинокомитеты союзных республик. Упразднили управления кинофикации как лишние звенья, киносеть передали управлениям культуры. Согласились с моей концепцией киновидеообъединений (КВО), которую предлагал, начали внедрять. Но жизнь всегда смелей и изобретательней самых смелых ожиданий.

Вместе с переданными Министерству культуры РСФСР функциями по кино передана и вся... чиновничья рать, против чего выступал. В полном составе. Кроме «паршивой овцы». Именно «она», то есть я, оказался тем «лишним звеном» (так называлась одна из моих статей о ненужности раздутого централизованного аппарата), которое упразднили, «ликвидировали как класс».

Мотивировка моей ликвидации? «В связи с упразднением Госкино РСФСР, главка кинофикации и отдела кинопроката в нем». Все очень просто. Именно один только этот отдел оказался не нужен. Вместе со мной. Ничтоже сумняшеся моего коллегу при этом, правда, перевели в другой отдел. Под названием «кинообслуживание», что, как читатель уже понял, одно и то же. Есть, впрочем, и другой отдел, тоже по кинопрокату — фильмопродвижения. Есть и третий — развития видеосети. Впрочем, есть и четвертый: отдел экономики киносети и киновидеопроката.

Грубейшая профессиональная ошибка, путаница и многие другие несуразности так и не исправлены. А кому их исправлять теперь?

Видимо, этим будет заниматься другой специалист. Если найдется, додумается, осмелится и рискнет.

Я же ищу работу.

Артем БОРОВИК

ЧАСТЬ III

КАК Я БЫЛ СОЛДАТОМ АРМИИ США

Мы выскочили из казармы. Уже было светло. Ветер выметал за горизонт последние тучи, на небе вовсю хозяйничало утреннее солнце, выжигая, будто огнемет, последние остатки предрассветной мглы. Покружив над нашими головами, спешно улетала, тая на глазах, стая жирных, сизобрюхих облаков.

А внизу, на плацу, близ нашей казармы, беспричинно свирепея, нервно, тигром в клетке, ходил вдоль строя черный, как ночь, сержант. Лихо сидела на нем инструкторская шляпа с круглыми полями и четырьмя симметричными впадинами на тулье. Казалось, был он зол на весь свет. Единственно, что не вязалось с его грозным обликом, так это уши. Они были сильно оттопырены и напоминали два радара ПВО. Чувствовалось, что сержант знает об этом. Уши, видно, бесили его пуще всего остального: тут не могло быть никаких сомнений.

Он продолжал быстро — вперед-назад, вперед-назад — ходить перед строем. Точно маятник. Солдаты, безмолвно вперив в него свои взоры, едва поспевали двигать глазами.

Серые хлопковые трусы и майки со здоровенными буквами спереди — «АРМИ» — обтягивали солдатские бицепсы.

Один из парней «бился мордой об асфальт» со скоростью дятла. Так армия окрестила серию быстрых отжимов, которые провинившийся выполняет в порядке наказания. Упершись руками со вздувшимися венами в землю, он орал ей, точно в ухо глухой старухи:

— И раз! И два! И три! И четыре!..

Всего — пятьдесят отжимов.

Сержант остановился, и его башмак застыл в пяти сантиметрах от взлетавшей и падавшей, точно баскетбольный мяч, бритой солдатской головы.

Вилли, внимательно наблюдавший за этой сценой, шепнул:

— Вот они, сержанты! А ты жертвуй собой, принося себя на алтарь самозабвенной службы... Впрочем, сейчас еще — ничего, а раньше, говорят, они только и делали что выискивали, кому бы в морду плюнуть. Тому, кто, ясное дело, чином пониже.

— Надо стараться, солдат! — крикнул сержант оторвавшемуся наконец от земли, взмыленному, точно конь после долгого галопа, пареньку.

— Есть, сэр! Буду стараться,— отвечал солдат, с трудом переводя дыхание,— буду стараться, сэр... Изо всех моих сил, сэр!

Сержант опять встал лицом к строю, скомандовал. В ответ рота развернулась на девяносто градусов и сразу же взяла в намет.

Мы бежали в сторону стадиона, где предстоял тест по физподготовке. Там нас уже поджидали подполковник Лэндурс, командир второго батальона, и майор Рой Хаукинс. Роты «Браво», «Чарли», «Дельта» и «Эко»[1] уже строились, когда мы появились на плацу. Наша «Альфа» пришла последней. Слово взял Лэндурс, потом Хаукинс. Они напомнили нормативы, в которые необходимо уложиться.

Начался тест. Судьями назначили сержантов из другого батальона, чтобы свои, штатные инструкторы, не делали поблажек. Набор упражнений, составлявших экзамен, обычен: отжимы, приседание, качание пресса, бег.

Рядом со мной в строю оказались Сэнди Нельсон, а чуть дальше, слева от нее, Дэнис Харли.

— Родители,— сказала Сэнди,— не были в восторге от того, когда я им однажды утром, за завтраком, заявила: «Мам-пап, я иду в армию!» Мама воспитана в «традиционном» стиле. Все это — прыжки с парашютом, стрельбы — не для нее. Папе тоже затея моя не понравилась. Но не станет же он запрещать: мне восемнадцать уже стукнуло! Что буду делать после армии? Думаю окончить колледж, а потом опять вернусь — хочу стать военным юристом.

— ...А я — военным врачом. У меня семья вся сплошь военная. Даже брат. Он в Вест-Пойнте учится,— сообщила Дэнис.

— Сэнди,— спросил я,— а ты не боишься, что армия с ее мужскими физическими нагрузками испортит твою фигуру?

— Нисколечки,— ответила она, показав мне кончик мизинца.— Наоборот. Подсчитано: женщины приходят в армию почти всегда с лишним весом. Тут они его волей-неволей сгоняют.

— А для женщин шьют особую форму?

---

[1] Так в американской армии обозначаются роты в батальоне: начальные буквы этих слов соответствуют порядку букв в английском алфавите: «А» — «Альфа», «Б» — «Браво» и так далее.

Продолжение. Начало см. в №№ 46,47.

— Вовсе нет,— Сэнди явно поговорливей своей подружки,— у нас все, как у мужчин. Кроме, быть может, нижнего белья. Проблема в другом: трудно подобрать подходящую обувь.

— Вам разрешается пользоваться женской косметикой? — Я повернулся лицом к Дэнис.

— Да,— кивнула она.— Но перед душем или если впереди серьезные физические нагрузки нам советуют лишь губы чуть-чуть накрасить да глаза слегка подвести. Если же ничего такого не ожидается, то можно как обычно.

— Еще,— вспомнила Сэнди,— мы не пользуемся краской и лаком для ногтей. По той причине, что процедура эта занимает слишком много времени. Не рекомендуют нам и душиться. Говорят, духи привлекают блох.

— Блох привлекают, а ребят, значит, оставляют равнодушными... Нет, Сэнди, думаю, тут дело в солдатах, а не блохах, а?

Девушки засмеялись и едва заметно покраснели. Но, почувствовав, что краснеют, они засмущались еще больше.

...Тест завершился часа через три. Все это время над нашими головами стрекозами носились вертолеты. Вконец измочаленные, роты вернулись в казармы. Вернулись, чтобы после обеда опять покинуть их: на вторую половину дня были запланированы учебные стрельбы.

...Жара стоит умопомрачительная. В ушах от нее гул и треск такой, что кажется, будто рядом надрывается испорченный транзистор. Солнце печет сверху, песок обжаривает снизу. Мы лежим, целимся в мишени. Они дрожат от раскаленного воздуха. Иногда мишень впереди кажется миражем. Но я все равно нажимаю на спусковой крючок. Доля секунды — и рядом с целью вздымается маленький фонтанчик охристой пыли: промазал. Вокруг меня валяются пустые гильзы. Воздух насыщен пороховой гарью. После автоматической стрельбы в горле начинает першить. Сквозь голову вяло тянется нить мыслей. Мишень — противник. Противник для этих ребят, что лежат рядом,— по крайней мере им так втолковывают — советский солдат. В кого стреляю я? В себя?

Скука становится частью жары. Спасает от нее Вилли. Меняя магазин, он успевает рассказать очередной анекдот:

— Двое солдат американской армии сидят на берегу реки, ловят рыбу. У одного в руках банка с червями. Он глядит в нее, потом спрашивает: «Ладно, с призывом у нас покончено. Кто из вас, ребята, добровольцы?»

Вилли умолкает на пять секунд в ожидании смеха. Тщетно. Он бурчит:

— Знаешь, в такую жару ничего смешнее не придумаешь!

Сержант стоит рядом. Видно, заполняет ротную суточную ведомость. Вечером он отправит ее в штаб батальона. К сержанту подходит капрал. Что-то говорит. Доносятся лишь последние, ветром сорванные с губ слова:

— Молодец, сержант, скрутил ты своих в бараний рог. Так и держи...

Вилли комментирует:

— Лучше иметь дочь-проститутку, чем сына-капрала.

— Сколько,— спрашиваю я, чтобы поддержать разговор, который вот-вот иссякнет, как ручеек в пустыне,— получает капрал?

— Одно могу сказать определенно: я бы не отказался от той кучи, которую он загребает каждый месяц.

Вилли лежит справа от меня. На левом фланге — парень, который за все время умудрился не проронить ни слова. Из-под края его каски выглядывает матерчатая лента, обмотанная вокруг головы. Это — от пота. На ней надпись, сделанная химическим карандашом: «Благослови на убийство!» Так, потехи ради.

Капрал подходит ко мне, садится на корточки. Что-то говорит, но я не слышу, прошу повторить. Перед глазами все плывет. Впечатление такое, будто я вижу сон. Капрал придвигается ближе.

— Привет, я Дэйвид Эллер,— говорит, а я: — Очень приятно, — говорю, а он: — Сколько раз попали? — спрашивает, а я: — Десять из пятнадцати,— говорю, а он: — Хорошо!

Эллер снимает каску, тормошит пальцами мокрые волосы.

— Жара,— говорит.

— Да,— отвечаю.— Вы давно в Беннинге?

— Порядочно.

— И всегда тут у вас так?

— Постоянно. Но я люблю пустыни, горячие пески, жару. И — чтобы ни одного дерева.

— Странная любовь,— говорю,— извращенная. Любить пустыню — это все равно что **ничего** не любить.

— Я родился и вырос в Нью-Мексико. А там одни пустыни.

— Угораздило же вас...

Он смеется. В такую жару, когда нет сил и пошевелиться, его смех кажется маленьким подвигом. А мне мой голос — чужим.

— До армии я работал в фирме агентов безопасности,— почему-то вспоминает он.— Рок-звезд охранял, поддерживал порядок на их концертах. А однажды снимался в фильме.

— Потрясающе,— говорю.

— Ага, в фильме «Красный рассвет»[2]. Выпейте воды из фляги. По-моему, вы перегрелись.

Я следую его совету. Выпиваю половину фляги, остатки вытряхиваю на голову. Минуты через две становится легче. Круги перед глазами исчезают. «Транзистор» умолкает.

— Не забывайте,— говорит он,— пить воду. Иначе можно копыта отбросить.

Отстреляв свое, я с чистой совестью перебираюсь в тень. Капрал идет вслед. Спрашиваю:

— Расскажите, как вы попали в эту картину и кого в ней играли?

— Я,— начинает он,— работал тогда в Нью-Мексико. Представители киностудии сказали, что им нужны ребята солдатского возраста, умеющие говорить хоть чуть-чуть по-русски. Будем, объяснили они, снимать кино о том, как русские захватывают ваш штат. Я согласился: киношники пообещали платить по четыреста долларов в день. Студенту такого никогда не заработать — хоть тресни!

— Ты верил, что сюжет реалистичен?

— Не-е-ет,— улыбается он,— никто из актеров не верил. Но жители городка, где проходили съемки, верили.

— Почему?

— Периферия. Они своего носа из Нью-Мексико за всю жизнь ни разу не высунули. Они не такие, как жители крупных городов.

— А какие они, жители крупных городов?

— Жители крупных городов? — Он внимательно смотрит на меня.— Я, например, весь мир объездил: отец был военным. Я и Италию повидал, и Западную Германию, и Турцию... Легче перечислить, где я не бывал. Я знаю, что не так страшен черт, как его малюют. Русских я видел на границе в Западном Берлине: нормальные вы ребята...

— Спасибо.

— Нет, я — честно. А в Нью-Мексико, например, соседи моих родителей до сих пор не верят, что астронавты летали на Луну. Они убеждены, что телевидение и газеты все наврали. Они думают, их здорово надули со всей этой лунной эпопеей. А в цирковую борьбу они верят. Но я не об этом. Словом, снялся я. А когда по телевидению объявили, что вечером будут показывать «Красный рассвет», всю семью и друзей дома собрал.

— И что же?

— Полная катастрофа: всего пол-секунды на экране был. Но деньги киношники мне заплатили хорошие: я не жалею, что снялся...

«Альфа» начинает построение. Я прощаюсь с капралом, желаю ему успехов на кинофронте.

Пристроясь рядом с Вилли, вместе со всеми начинаю печатать шаг. Сержант запевает, а рота тут же подхватывает:

Привет, Джозефина!
Как твои дела?
Вспоминаешь ли ты обо мне так,
Как я вспоминаю тебя?
Э-эй!
У-а!

В столовой штаба Форта Беннинг, где, кроме американских, обычно питаются офицеры союзнических армий, было многолюдно. Я с удовольствием вдыхал охлажденный кондиционерами воздух. Казалось, они вырабатывали не столько прохладу, сколько блаженство.

— Странная страна — Америка,— сказал офицер в бежевой форме летчика,— очень странная.

Все, кто стоял рядом с ним в очереди за вторыми блюдами, оглянулись. Офицер поставил на свой поднос тарелку с мясным рагу и спаржей.

— Очень странная,— повторил он и смахнул белоснежным носовым платком каплю сметаны с указательного пальца.— Разве нет?

Офицер, топтавшийся сразу за ним и одетый точно в такую же летную форму, молча улыбнулся в знак согласия. Верхняя губа его пряталась под жесткими черными усами. Они были так аккуратно подстрижены, что любой его собеседник неизбежно задумывался над тем, каких трудов стоила такая аккуратность.

— Судите сами,— сказал первый офицер, обращаясь к тарелке со спаржей и мясом,— летом в их домах замерзнуть можно от обилия кондиционеров, а зимой пóтом обливаешься из-за батарей. Ну разве это не странно?

— По-моему,— пожал плечами Сорс,— это обычно. В этом нет ничего противоестественного. А вы откуда?

— Я выразился иначе.— Первый офицер снял фуражку и пригладил волосы.— Я сказал «странно».— Он опять надел фуражку.— Я из Перу.

— Так и надо было говорить с самого начала,— усмехнулся Сорс и тоже взял порцию спаржи. Где-то на самом дне его подсознания, видно, пряталось чувство удовлетворения от собственной «великодержавности».

Два подполковника из Саудовской Аравии негромко, но подобострастно засмеялись. Похоже, рэйнджеровская форма Сорса и фотокамера на его груди произвели на саудовцев впечатление.

Перуанец продолжал возводить на подносе башню из тарелок с едой.

В самом конце стойки урчал чан с кофе. На нем периодически зажигалась красная надпись: «Осторожно! Я кипячусь — не ошпарьтесь!» Налив в стакан дымящегося кофе, я сел за столик, уже занятый Сорсом. Он распечатывал банан.

— Если научная мысль,— сказал Сорс,— пойдет и дальше развиваться теми же темпами, что сегодня, через пару лет мы будем покупать бананы не в собственной кожуре, а в какой-нибудь искусственной обертке. Перуанец, между прочим, прав: американцы живут в совершенно противоестественном мире. Все стало синтетическим. Даже дети: их теперь тоже синтезируют в пробирках.

— Можно? — спросил молоденький майор и, не дожидаясь ответа, сел за наш столик. Он сразу же принялся есть. Его гибкие руки, вооруженные вилкой и ножом, взлетали, точно у дирижера.

— Конечно,— повернулся к нему Сорс,— садитесь. Отчего же нет. Тем более что вы уже сели.

— Я не хотел помешать вам,— извинился майор.— Я спешу на лекцию.

— У меня нет оснований вам не верить,— ответил Сорс.— Вы откуда?

— Я — с Филиппин,— сказал майор.

— Если вы уж сели за **наш** столик,— постарайтесь быть помногословней, рассказывайте все по порядку — чем занимаетесь, что вас интересует, когда уезжаете к себе обратно? В Америке так принято.— Сорс был явно в ударе. Он слишком долго работал фотокамерой. Теперь ему хотелось поработать языком.

— Позвольте и мне поинтересоваться — откуда вы? — Филиппинец допил из пластикового стаканчика остатки куриного бульона.

— Я русский,— Сорс ткнул в себя большим пальцем,— а мой друг — американец. Разве вы сами не видите?

Майор улыбнулся.

— Все наоборот,— сказал я,— он американец. Такая у него профессия. А по национальности Сорс — шутник.

Майор опять улыбнулся.

— Кроме того, что он американец,— сказал я,— господин Сорс был на Филиппинах. С повстанческими отрядами. А я — из Москвы. Агентурю помаленьку. Только об этом — никому!

— Вы были с повстанцами? Он не шутит? — Майор, явно оживившись, с любопытством глянул на Сорса.

— Он,— Сорс кивнул в мою сторону,— как и все русские, никогда не шутит. Они там у себя все отвратительно серьезны. Говорят только про «перестройку».

— Так когда вы были у партизан? — Майор прекратил жевать.

— Четыре года назад.— Сорс вытер губы бумажной салфеткой.— Делал фоторепортаж о войне на Филиппинах для «Лайфа». Тогда в Америке никто не знал о тамошней войне. Почему вы так упорно скрываете свое имя?

— Ничуть: майор Бокобо. Как вам удалось попасть в отряд ННА[3]? И где вы были?

— Майор,— улыбнулся Сорс,— вы военный человек. Неужели не понимаете, что я этого не скажу? Среди партизан у меня много близких друзей. И я не хочу, чтобы вы, связавшись сегодня вечером по телефону со штабом в Маниле, вызвали на их головы авиацию.

— Вы,— майор смотрел прямо в глаза Сорсу,— явно переоцениваете наши возможности: авиации нам катастрофически не хватает.

— У вас,— улыбнулся Сорс,— есть возможность получить целую уйму авиационной техники, стоит только продлить договор с Вашингтоном о Субик-Бей и Кларк-Филд[4].

Майор Бокобо кусочком хлеба вытер остатки соуса на тарелке и отправил его в рот. Он явно не мог понять, на чьей стороне Сорс — ННА или Вашингтона?

---

[2] «Красный рассвет» — нашумевшая в США антисоветская картина.

[3] ННА (Новая Народная Армия) — так именуют себя филиппинские партизаны.

[4] Военные базы США на Филиппинах. 17 октября с. г. договор был продлен: в обмен на это Филиппины получат от США в 1990 и 1991 финансовых годах в общей сложности 962 миллиона долларов в виде военной и экономической помощи.

— Каков, на ваш взгляд,— не унимался Бокобо,— моральный дух партизан? Если, конечно, вы меня не разыгрываете...

— Очень крепкий,— ответил Сорс.— Они настроены на победу. В деревнях люди склонны поддерживать партизан, а не вас. Регулярная армия причинила много зла народу: солдаты насиловали женщин, грабили, убивали...

— Сейчас,— сказал Бокобо,— уже невозможно определить, кто был инициатором насилия — ННА или регулярная армия: Как невозможно определить, что появилось на свет первым — яйцо или курица.

— Вам не кажется странным,— спросил Сорс,— что вы, офицеры, получающие образование в Форте Беннинг и лучших военных академиях США, вы, имеющие в своем распоряжении технику, которая и не снилась партизанам — у них на вооружении лишь старые АК-47 китайского производства,— вы не можете их одолеть?!

— За партизанами,— убежденно сказал Бокобо,— стоят Москва и Пекин. Повстанцы, по нашим сведениям, обучаются в Академии Фрунзе. Разве нет? — Он перевел глаза на меня, хотя явно видел во мне американского офицера из какого-то неизвестного ему подразделения Пентагона или отдела ФБР, занимающегося армией.

— Мне часто приходилось бывать в этой академии, я знаком с ее начальником,— сказал я,— но ни разу не довелось увидеть там ни одного филиппинца.

— Главная наша проблема,— майор, посчитав мои слова запоздалой и потому неуместной шуткой, ударил пальцем по столу,— в том, что силы, борющиеся против ННА, раздроблены. Нам не удалось объединиться в один фронт так, как это сделали левые. Необходимо собрать в монолитный кулак усилия частного сектора, правительства и армии.

— Майор,— спросил я,— что вы изучаете в Форте Беннинг?

— Советскую военную тактику, советскую тактику ведения партизанской войны,— он стал загибать пальцы на левой руке,— английский язык и тактику борьбы с партизанскими движениями.

— А зачем вам советская партизанская тактика? — не понял я.

— Ее,— он пожал плечами,— изучают наши партизаны. И ее используют.

— Майор,— опять поинтересовался я,— а есть ли возможность для национального примирения у вас в стране?

— Нет,— категорично ответил Бокобо,— оба лагеря зашли чрезмерно далеко. Уже пролито слишком много крови. Она одна не позволит нам примириться. Будем воевать дальше. Пролитая кровь, к сожалению, сковывает посильнее цемента, она может связать руки даже последующим поколениям. Мы не имеем права обессмысливать пролитую кровь наших отцов.

«Да,— подумал я,— эти слова про «недопустимость обессмысливания пролитой крови»— излюбленный и конечный довод неосталинистов, когда они рассуждают о недопустимости критики Сталина. Или когда они защищают коллективизацию. Или — ввод войск в Афганистан. Гнусный прием. Он позволяет, с одной стороны, заигрывать с либералами путем признания «бессмысленности», а с другой — защищать наиболее изощренным образом Сталина, выводить его из-под критики, отстаивать сложившуюся систему административно-командного управления страной».

— У вас есть уверенность в победе? — спросил Сорс.

— Партизаны,— ответил майор,— не смогут нас победить. Даже если они возьмут власть в свои руки, окончательной победы им не видать. Это парадокс, но это — правда.

— Почему же? — удивился я.

— В таком случае,— Бокобо развел руками,— мы просто поменяемся с ними местами. Они обоснуются в Маниле, а мы уйдем в горы.

— Вы слишком легко произносите слово «горы», майор,— сказал Сорс,— у меня возникает подозрение, вы не очень-то представляете, что оно означает. Слово «горы» можно сравнить лишь со словом «ад». Я вас не хочу пугать, но кондиционеров в горах нет. Летом там иногда кажется, что легче вынести пытку, чем жару, а зимой у тебя в штанах все покрывается мхом и плесневеет от всепроникающей сырости. Тропические болезни, паразиты в брюхе, кровавый понос — словом, весь набор удовольствий. Так что, майор, нет у вас выхода: продлевайте договор о базах, получайте американские самолеты, вертолеты, а также кондиционеры «Дженерал Электрик» и оставайтесь в Маниле. Горы, майор, не Форт Беннинг. Врагу не пожелал бы оказаться на вашем месте. Желаю удачи!

Когда мы выходили из штаба, я шепнул Сорсу:

— Вейн, только что ты подорвал моральный дух филиппинской армии. Не удивлюсь, если через пару лет узнаю, что он тиканул к партизанам.

В ответ Сорс щелкнул фотокамерой, зафиксировав еще одно мгновение из истории человечества.

— Я верю в Бога,— сказал Грэг, положив ствол М-16 на опрокинутую каску,— и это помогает мне переносить разочарования и тяготы армейской службы. Я знаю, что Бог соткан из человеческой веры. Слабее вера, слабее Бог. Меньше веры — меньше Бога. Чем крепче я верю, тем Он всемогущественней, тем Он добрее, тем внимательнее ко мне.

Странно было слышать это от здоровенного национального гвардейца. Струями, словно дождевая вода, катился пот по его чистому, грубой лепки лицу. Видимо, как раз этот контраст между жесткостью, мужиковатостью его внешнего облика и нежной светлостью сокровенных, столь искренне и просто выраженных религиозных чувств рождал то трогательное впечатление, которое еще очень долго после разговора с ним оставалось в моей памяти.

— Я часто вижусь с капелланом,— продолжал он,— мы много беседуем с ним. Может быть, я уйду из гвардии и стану военным священником.

Я разговорился с ним во время занятий по изучению мин и способов их обезвреживания. Сержант-инструктор Мануэль Бонелья держал в руках противотанковую мину М-21-А-1, что-то поясняя привычной для латиноамериканца скороговоркой. На его мокром лице плавилось солнце. Он то и дело легонько подкидывал мину, словно пытался вычислить ее вес. Держал он ее чуть выше плеча, на растопыренной пятерне, напоминая официанта с подносом. Всякий раз, когда мы с Грэгом перебрасывались короткими фразами, Бонелья бросал в нашу сторону взгляд, полный укора. Потом снова влюбленно смотрел на мину, точно то была головка любимой. Он рассказывал, как устанавливать М-21-А-1, как обнаруживать однотипные мины, если рядом нет сапера. Бонелья, точно мастер международного класса по фехтованию, протыкал землю щупом и штыком от винтовки. Мысль его то и дело переносилась во Вьетнам, и он легко извлекал из памяти, будто мины из земли, всевозможные истории про саперов. Он безостановочно говорил минут тридцать и, глянув на ручные часы, объявил короткий перерыв.

— Всем выпить по пять больших глотков воды! — крикнул он вдогонку разбредавшимся солдатам.

— У вас,— я подошел к Мануэлю,— поразительная память. Я специально сидел и считал: вы умудрились вспомнить четырнадцать историй, каждая из которых, попади она в руки Тома Клэнси [5], стала бы новеллой или романом. Я не шучу: вы — «титаник».

— Благодарю.— Он поклонился, словно артист на сцене. Как пить дать: шумевший на ветру лес в ту минуту казался ему аплодисментами восторженной публики.

К нам направился улыбчивый офицер. С каждым шагом улыбка его становилась шире, а уголки рта вот-вот должны были сомкнуться на бритом затылке.

— Привет.— Я кивнул ему.— Хорошо, что вы здесь, а то меня измучило чувство собственной беспризорности. Одиночество, знаете ли, действует на меня хуже удушья.

Он опять улыбнулся. И если бы не показавшиеся вдруг острые резцы, улыбка эта вполне могла бы занять первое место на конкурсе наиболее приветливых и улыбчивых людей. Но у меня скверный характер: я обожаю злить тех, кто со мною мил, с детства страдаю аллергией на сахар.

— Мануэль! — Я громко обратился к сержанту по-испански.— Давайте говорить на вашем родном языке. Ведь вы из...

— Из Гватемалы,— подхватил Бонелья,— я очень рад этой возможности. Последний раз она представилась мне недели три назад.— Он все никак не мог сойти со сцены: высокопарный "штиль" прилип к нему, как жвачка.

Но тут пришла минута моего торжества: я увидел, как напряглись уши улыбчивого офицера.

Я продолжал говорить с сержантом по-испански, а про себя подумал, глянув на офицера: «Один-ноль в мою пользу! Ваш ход, сэр».

В тот день он более не улыбался. Вид у офицера был такой, будто я украл у него тысячу долларов.

Фамилия лейтенанта Литла [6] совершенно не соответствовала его габаритам. Нехитрая логическая цепочка привела меня к мысли, которую я ему сразу же после знакомства высказал:

— Держу пари, лейтенант, что рота за глаза называет вас исключительно так: лейтенант Биг [7]. Я выиграл пари?

— Естественно,— вяло улыбнулся он. Выражение его лица говорило о том, что кличка «Биг» ему порядком осточертела, потому как бежит за ним по пятам со дня рождения. Может быть, она была проклятием, преследовавшим род Литлов на протяжении всей истории его существования?

С Литлом я познакомился в маленьком придорожном магазинчике-кафетерии, куда заглянул, направляясь обратно в казарму. Я шагал, но мины сержанта Бонельи мерещились мне повсюду. Глаза автоматически обшаривали простиравшуюся впереди грунтовку, прощупывали каждый ее метр. Эту бессмысленную привычку (или очередной комплекс?) я приобрел еще в Афганистане, но в Москве она, осознав свою ненужность, ушла от меня. А теперь вот воротилась. Потому я был рад свернуть долой с дороги в маленькую кафешку, название которой забыл, как только покинул ее. Пытался потом вспомнить, чтобы записать в блокнот, но потуги памяти так ни к чему и не привели. Осталось лишь ощущение, что от названия исходил сильный, но фальшивый энтузиазм. По-моему, оно звучало либо «Привет, солдат!», или «Эй, рэйнджер, загляни!».

Словом, я заглянул. Лейтенант стоял у полки с книгами, листая последний роман Тома Клэнси «Кардинал Кремля». Судя по обилию написанных и изданных за последнее время произведений (приблизительно один толстенный роман в год), Клэнси успешно выполнял личную пятилетку.

— Хорошо плетет романы этот Клэнси? — спросил я небрежно лейтенанта.

— Угу,— ответил он.— Не успеваешь прочесть один, а на книжных полках в магазинах уже появляется новый.

— А вот это вы читали? — Я кивнул на роман «ТАСС уполномочен заявить...».

— Не успел. Там про кого?

— Там про парней из ЦРУ, которые ставят клизму парням из КГБ, но потом один толковый парень из КГБ ставит клизму сразу всем парням из ЦРУ.

— А вы, собственно, откуда? — вдруг холодно спросил меня лейтенант, оторвавшись от книги.

Было очевидно: сюжетный ход, придуманный писателем Ю. Семеновым, вызвал в голове лейтенанта ряд смутных подозрений.

Я был на грани провала.

Собрав в кулак свою волю, стараясь казаться хладнокровным, я назвал лейтенанту свою фамилию. Он выждал несколько мгновений, показавшихся мне часом, и сообщил свою.

Вот тогда-то, чтобы перевести тему разговора, я произнес спасшую меня фразу:

— Держу пари, лейтенант, что рота за глаза...

Хотелось пить: в горле пересохло. Я подошел к продавщице и, указав на запотевшую банку пива, достал из нагрудного кармана мелочь.

— Извините, сэр,— она развела руками,— но нам запрещено продавать солдатам алкогольные напитки.

В голове запульсировали три контраргумента. Первый: «Но позвольте, разве пиво — это алкоголь?!» Второй: «Я не солдат, а журналист, переодетый в солдата». И третий: «Я — советский человек, переодетый в американского солдата».

Я выбрал последний.

— Знаете, ваш предшественник был чуть оригинальнее,— сказала она в ответ и на всякий случай закрыла стеклянную дверцу морозилки,— вчера утром зашел сюда и начал меня убеждать в том, что он актер из Голливуда и снимается здесь в кино. Мило, не правда ли?

Я вышел из магазинчика, так ничего и не купив. Литл пылил впереди по грунтовке. Я догнал его.

— С пивом или без? — Он окинул взглядом мои карманы.

Отрицательно покачав головой, я тоже спросил его:

— С Клэнси или без?

Он продемонстрировал мне плотную книжку. Суперобложка глянцем сверкнула на солнце.

— Знаешь, как Клэнси начинал? — спросил лейтенант.

— Без понятия.

— Работал страховым агентом. Был беднее и голоднее церковной мыши. Но страсть разбогатеть не переставала теребить мозг. Страсть эта да любовь к морской стихии сделали свое дело. Клэнси купил две книжки Нормала Полмара — «Советский военно-морской флот» и «Военно-морские силы современности». Заодно приобрел за пятнадцать долларов детскую игру «Гарпун». От какого-то бывшего подводника поднабрался «подводных» профессиональных словечек. Вскоре, в 1984 году, появился его первый роман «Охота за красным октябрем».

— Ты читал?

— Да, речь идет о капитане русской подводной лодки, который перебегает в Штаты. Потом как из автомата он выстреливает остальные романы: «Начало красного шторма», «Патриотические игры» и так далее.

— Судя по обилию красного цвета в названиях, везде фигурируют советские?

— Практически везде. Но он не антисоветчик. Просто это позволяет ему держать в напряжении читателя.

— Такое впечатление, что Клэнси «напряг» всю

[5] Том Клэнси — американский писатель, прославившийся своими романами на современную военную тематику, «соловей» тамошнего министерства обороны.

[6] Литл — маленький (англ.).

[7] Биг — большой (англ.).

Америку. Куда ни сунешь нос, везде читают его. Даже у министра обороны Карлуччи я заметил книжку Клэнси на рабочем столе.

— Да, перед ним открыта любая дверь в Пентагоне, на авианосце или на военной базе.

— Что о нем думает литературная критика?

— Я не читаю критику.

— Твой ответ — ответ настоящего писателя.

— Я слышал, они называют его основоположником художественно-технологического жанра.

— Как?

— Имеется в виду,— Литл засунул книжку в карман,— что боевая техника в его романах устроена сложнее и описана с большим мастерством, чем характеры главных героев.

— Очень милый жанр. «Когда зарокотал двигатель, танк вздрогнул и почувствовал, как тепло разливается по всему его бронированному телу». Или что-нибудь в этом духе. Верно?

Лейтенант улыбнулся.

— Верно,— сказал он.

— В таком случае Клэнси отстал от жизни. У нас этот жанр занимает одну из передовых позиций в литературе. По-моему, ваши и наши Клэнси подписали тайное соглашение о рынках сбыта своих романов и прибылях. Подписали телепатическим способом. Они друг друга понимают на расстоянии. Своего рода транснациональная литературная корпорация.

— Осталось придумать название. Что-то типа...

— Что-то типа «Смерть инкорпорэйтед». Смешно и страшно одновременно.

— Ничего страшного: просто — развлекаловка.

Слово «страх» потянуло за собой цепочку иных ассоциаций.

Я сказал:

— Лейтенант, мне приходилось много слышать о ваших «уроках страха». Если не секрет, расскажи подробней.

Зажав под мышкой книгу Тома Клэнси, Литл растер кончиками пальцев мощные надбровья, провел ладонью по лицу, сказал:

— А что тут секретного? Обычная процедура... «Урок страха» проводят в конце первой недели пребывания солдат в Беннинге. Собирают всех в одном зале. Неожиданно появляется человек в форме армии противника — советской или, скажем, кубинской. Он начинает издеваться, оскорблять ребят, их патриотические чувства. Говорит с сильным русским или кубинским акцентом. Вовсю «поливает» Америку, существующую у нас демократическую систему, отпускает шутки по поводу добровольной армии, заявляя, что она не может сравниться с советской. Предлагает кому-нибудь отжаться на руках. Кто-то непременно соглашается, но делает не более десяти — пятнадцати отжимов: слабоват еще. Тогда на глазах у всех отжимается «кубинец». Раз эдак восемьдесят — девяносто. Потом спрашивает: «Ну, что, салаги, кто из вас знает ТТХ[8] советского БТР[9]?» В зале — гробовая тишина. Тогда «кубинец» точно автомат перечисляет десять основных характеристик М-3 («Брэдли»).

— А как реагируют солдаты?

— К концу первых двадцати минут «урока» они напоминают молодых быков, разъяренных матадором. Кто-то из них, доведенный до состояния кипения, срывается с места и бросается на «кубинца», хватает его за грудки, пытается повалить. «Кубинца» уводят. Все это происходит спонтанно...

— И чего вы этим добиваетесь?

— Мы заметили,— Литл явно удивился моей непонятливости,— что «урок страха» стимулирует солдат, заставляет их активней заниматься физподготовкой, внимательней изучать армию противника.

— Своего рода психический шок, верно?

— Да, своего рода...

— Это, лейтенант, конечно, ваше личное дело, но я всегда был убежден, что негоже играть на отрицательных чувствах людей.

— Но ведь мы ничего плохого про русских не говорим. Напротив, «кубинец» издевается лишь над Америкой и американцами. Ты не понял?

— Я все понял. В том числе и то, что конечным итогом «урока страха» является рост антисоветизма среди молодых солдат.

— Но мы преследуем при этом иную цель — стимулировать учебный процесс, а не возбуждать антирусские настроения.

— Ладно, лейтенант,— сказал я,— бросим этот спор. Мы, видно, друг друга не переубедим.

— Гора с горой не сходится? — Он резким движением головы стряхнул с лица пот.

— Какой-то умный древний дядя пару тысяч лет назад сказал: использующий зло в своих целях неизбежно становится его жертвой. Это один из непознанных законов диалектики.

Метров триста мы шагали молча. Литл шел, вонзив упрямый взгляд в дорогу под ногами. Казалось, он прочерчивал им разграничительную линию.

[8] ТТХ — тактико-технические характеристики.

[9] БТР — бронетранспортер.

Мы миновали военный универмаг, где беннинговцы могут отовариваться по сниженным ценам. Там можно приобрести все, кроме, быть может, автомобилей, телевизоров и электроники.

— А в мае,— почему-то сообщил вдруг Литл,— я уже буду шагать по дорогам Западной Германии.

— Ты знаешь — где именно в ФРГ?

— Пока — нет.

— Отличается ли подготовка тех военнослужащих, которым предстоит служить в ФРГ, от подготовки тех, кого посылают, например, в Корею?

— Не думаю. Всем солдатам втолковывают, что необходимо выиграть первый же бой с потенциальным противником. Особое внимание уделяется борьбе с превосходящими танковыми группировками Совет... то есть — потенциального противника. Стрельба из гранатометов, ТОУ... Словом, противотанковой тактике обучают всех. Тот, кто стреляет первым, побеждает. На войне вообще вторым нельзя быть. Можно — только первым. «Вторых» и «третьих» убивают.

— Говорят, лучшее средство борьбы с танками — это танки.

— Да, верно. Мы поняли это еще в 1973 году, оценивая результаты арабо-израильской войны. А вот и твоя казарма. Не обижайся, но я больше не могу разговаривать: мне пора в штаб.

— Я не обижаюсь. Спасибо, что проводил.

— Прощай,— улыбнулся он и помахал рукой, словно я стоял в километре от него.

— Пока, лейтенант. Желаю тебе получить три генеральские звезды.

— Если это приказ, я выполню его.

— Не сомневаюсь.

Он еще раз махнул мне рукой, повернулся и был таков.

Я постоял немного на улице и вошел в казарму. Ошвартовавшись на своей койке, в тот день я более ее не покидал. Отбой прошел так же, как и вчера. Единственное отличие состояло в том, что на тыльной стороне Виллиной каски я обнаружил новую надпись: «Любовник смерти».

Вилли медленно, но верно превращался в «черного юмориста».

— Давайте, ребята, пошевеливайтесь! Залезайте в свои ботинки! — Сержант Джеймс Барнэби идет по казарме, сверкает во все стороны глазами.— Я, кажется, сказал — пошевеливайтесь!

Очередное утро в Беннинге. «Любовник смерти» соскакивает со второго этажа койки.

— Как дела? — интересуюсь я у Вилли.

— Не родила! — Взяв зубную щетку, пасту и полотенце, Вилли направляется в сторону ванной.

Дождавшись очереди, я подхожу к умывальнику, гляжу в отполированный до зеркального блеска железный щит на стене. Вилли делает то же самое, но при этом с отвращением мнет пальцами свою заспанную физиономию.

— Ненавижу! — тихо, но четко говорит он, словно видит перед собой Джоди.— Ненавистная морда.

В комнатке сержанта Барнэби — ни пылинки. Он сидит за письменным столом. Лампа дневного света придает его лицу синеватый оттенок.

Барнэби что-то строчит в суточной ведомости. Иногда заглядывает в здоровенный словарь Вебстера.

— У меня паршиво с орфографией,— говорит он в ответ на мой вопросительный взгляд,— а офицеры ошибок не любят. Капитана Сориано они выводят из себя. Так что приходится иногда консультироваться у мистера Вебстера.

На столе Барнэби лежат кипа пожелтевших журналов, пачка жевательной резинки. В специальной подставке выстроились по росту идеально заточенные карандаши. На ножке стола нацарапано: «Кровь и сила воли!»

Ветер теребит географическую карту мира. Она покачивается за сержантской спиной на стене. Красным фломастером помечены города в Камеруне, Венгрии, Саудовской Аравии и Перу: стратегические интересы сержанта Барнэби явно не укладываются в рамки Форта Беннинг. На самом краю карты, чуть выше Северного полюса, выведено аккуратным сержантским почерком: «Рандеву с судьбиной».

— Ты не вешалка для мундира,— бросает сержант солдату, появившемуся за моей спиной,— застегнись! — Потом опять обращается ко мне: — В моей роте поступившему на службу легко продвинуться. Я смотрю за тем, чтобы каждый получал столько, сколько заслуживает. Солдат должен чувствовать, что начальство замечает его старания. И, конечно, его халатность.

Барнэби глядит на часы и резко поднимается:

— Пора строиться, уже пятьсот[10] натикало!

Мы выходим на улицу. Солдаты стоят рядами вдоль казармы. Я пристраиваюсь за Вилли.

— Здоров! — Кто-то резко всовывает в мою ладонь широкую мокрую кисть.— Не забыл еще меня?

[10] Имеется в виду, что время — 5.00 утра.

Это Бил Уолтон. Всю вчерашнюю вторую половину дня он где-то пропадал.

— Бил, я не забуду тебя до конца своих дней.

Такое впечатление, что за прошедшие две-три минуты в глотку Барнэби вставили громкоговоритель: сержант орет на всю округу — хоть втыкай пластмассовые затычки в уши!

По асфальтированной дорожке, ведущей в столовую, идет блондинка. Рота мигом берет ее на прицел. Грудь блондинки покачивается в такт шагам. Тонкая бежевая юбка плотно обтягивает ее бедра. Десятки глаз эскортируют дамочку.

— Спокойно, солдат,— говорит Вилли сам себе,— спокойно! Это — приказ.

Коленки блондинки ритмично бьются под юбкой.

— Она нас не замечает,— шепчет парень слева.

— Чего ей тебя замечать?! — откликается Вилли.— Такая согласится минимум на подполковника.

— Ребята, закройте рты и дышите глубже,— раздается баритон сзади,— это жена майора. С такой застукают, ей стоит один раз пискнуть «ой, насилуют!» — и ваша песенка спета.

— Майор?! Ну и что?! — не унимается парень слева.— Тоже мне — восьмые штаны в тридцатом ряду!

Блондинка исчезает за дверью столовой. Над дорожкой, по которой она только что шла, остается висеть лишь шлейф едва уловимых духов. Да еще — плохо натянутая нитка горизонта, нечеткая, как нравственный закон.

Строем идем в столовую: завтрак длится минут десять. А оттуда — прямиком в барак, где уже начали выдавать автоматические винтовки М-16. К стволу каждой прикреплен штык-нож: всю первую половину дня мы будем отрабатывать приемы штыковой атаки.

— Еще лет тридцать назад,— объясняет мне командир роты капитан Дэрик Сориано,— солдаты обычно хранили оружие в казармах, в железных шкафах вместе с вещами. Потом было решено держать винтовки в специальных бараках, охраняемых и оборудованных сигнализацией.

Сориано — худощавый филиппинец лет двадцати девяти. Он очень строг, почти не улыбается. Тонкая, с сильным смуглым подмесом кожа обтягивает его широкоскулое лицо.

— Куда мы идем? — спрашиваю капитана, пристроившись в самый конец марширующего строя солдат.

— На плац,— отвечает он.— Милях в четырех отсюда. Там рота будет отрабатывать основные приемы штыковой атаки.

Сержант Барнэби запевает, солдаты дружно подхватывают:

Привет, Джозефина!
Как твои дела?
Помнишь ли ты меня так,
Как я помню тебя?

— Дэрик! — кричу я капитану.— Хоть ты и командир роты, но за все утро ни разу не отдал ни одного приказа. Ротой практически командует сержант Барнэби. Это характерно для всей армии или лишь для роты капитана Сориано?

«Погоди,— как бы говорит жестом Дэрик,— дай им допеть куплет — отвечу».

Солдаты продолжают сотрясать своими глотками могучие стволы сосен:

Привет, Джозефина!
Даже когда тебе было девять,
Ты была жутко мила.
Я часто причесывал твои
роскошные волосы
И готов был расплакаться
от несправедливости,
Потому что вместо этого мне хотелось
тебя целовать!
Но было нельзя!
О-о! Джозефина!
Как твои дела?..

— Сержантский состав,— орет в ответ Дэрик,— хребет американской армии. Сержант — и учитель, и воспитатель, и непосредственный командир подразделения. Мы, офицеры, обычно отдаем приказания через сержантов. Мы им доверяем. Правда, с них и спрашиваем. Сами же не стремимся вступать в непосредственный контакт с рядовым составом. Пентагон делает все возможное, чтобы завлечь сержантов, оставить их служить как можно дольше. Многие из них находятся в армии двадцать и более лет.

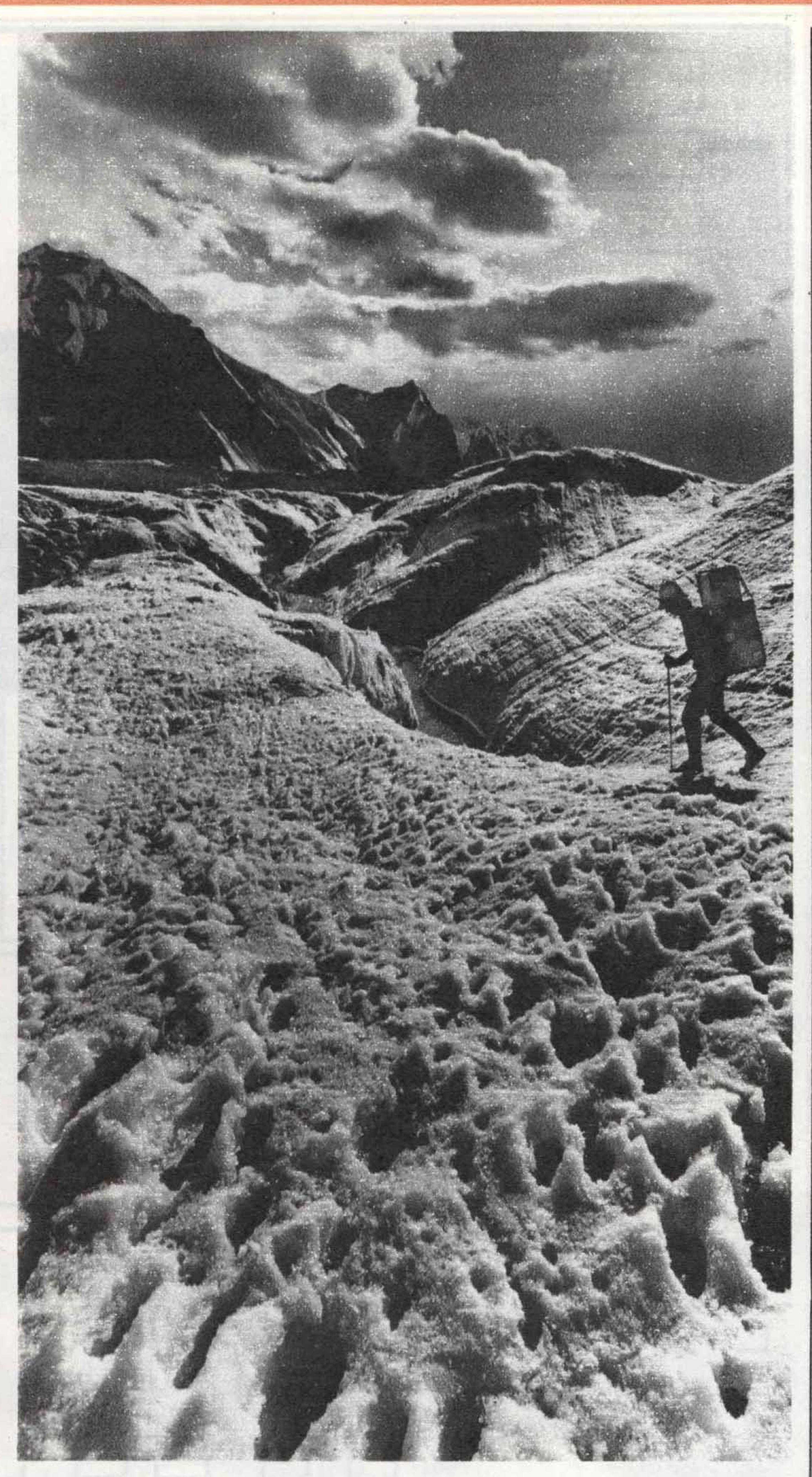
Открутив крышку от фляги, Сориано делает несколько глотков воды. Предлагает мне.

Я гляжу на Джеймса Барнэби, бойко шагающего впереди. На таких, как он, и впрямь держится армия США.

(Окончание следует.)

Начало на центральной вкладке

НА ЗЕМЛЕ И НА НЕБЕ

Вначале перечислили уйму снаряжения, которое мы должны будем тащить на себе, потом рассказали душераздирающие истории о сходящих отовсюду лавинах, между прочим, предупредили, что температура на леднике ночью минус сорок, то есть можно запросто примерзнуть к леднику... И посмотрели на нас с жалостью, словно прощаясь...

Поразмышляв немного, мы мужественно решили, что профессия требует жертв, и стали готовиться. Юра Феклистов, наш фотокор, даже примус где-то достал, чтобы отогреваться, если примерзнем к леднику, и консервы — на случай голода.

Поняв, что мы все равно приедем, руководство команды несколько смирилось, расслабилось, в конце концов разрешило нам ехать без собственного снаряжения, выдало казенное, посадило в вертолет и даже кормило за общим столом и, надо сказать, очень вкусно.

Добираться до гор пришлось почти трое суток. Сначала самолетом до Фрунзе, потом до Пржевальска, оттуда двумя вертолетами с пересадкой до конечного пункта — ледника, что у подножия пика Победы. За эти трое суток нам удалось испытать все, что и должен испытать у нас человек, пускающийся в такое путешествие: битвы у билетных касс, ожидание почему-то не прилетающих вовремя самолетов, грязные столовые, жуткие закусочные, очереди, лица кассиров, администраторов, не оставляющие никаких надежд на будущее, гостиницу города Пржевальска с номерами, напоминающими руины Акрополя, и все другие маленькие недостатки нашего большого сервиса, которыми уже удивить кого-либо трудно.

Последнее, что я запомнила на земле — на центральной площади города Пржевальска, как раз спиной к нашей гостинице, стоял большой памятник Ленину. Рука Владимира Ильича была протянута вперед и вверх. Ильич показывал на горы. Именно туда мы и полетели.

Возле погранзаставы, на высоте где-то около трех тысяч метров, расположился перевалочный лагерь альпинистов на пути к леднику. Погранзастава — это солнышко, травка, цветочки. Здесь еще можно ходить в купальниках и загорать, что все и делают, в ожидании вылета на ледник. А пограничники в это время проверяют документы. Дело в том, что ледник Звездочка и сам пик Победы находятся в пограничной зоне. Если, скажем, перемахнуть через какие-то семь тысяч метров пика Победы и слезть с другой стороны, то можно сразу очутиться в дружественном нам Китае. Нас пограничники сурово предупреждают, что на вершину нам подниматься не разрешено. Торжественно обещаем, что на вершину не полезем, даже если будут сильно уговаривать.

Кто-то из альпинистов разложил на травке карту с Гималаями и рассматривает на ней ту самую гору, на которую предстоит идти,— Канченджангу. Если Эверест — самая высокая гора в мире, то Канченджангу считают самой труднейшей и опасной горой среди гималайских восьмитысячников. Слово «Канченджанга» составное. В переводе значит — «пять сокровищ большого снега». Видно, в честь пяти ледников, которые сползают с горы. Канченджанга не просто гора. Она состоит из четырех вершин, причем седловины между ними нигде не опускаются ниже 8300 метров.

Первая попытка покорить Канченджангу была предпринята в 1905 году. Интернациональный отряд во главе с ирландским журналистом пытался взойти на одну из вершин горы. Экспедиция закончилась трагично, несколько человек погибли. И только в 1955 году англичанам все-таки удалось покорить одну из вершин. С тех пор на этой горе были считанные альпинисты. В этом году при попытке штурма одной из вершин Канченджанги индийскими альпинистами один из восходителей погиб. То, что собираются сделать наши альпинисты — взойти сразу на все четыре вершины горы,— еще не удавалось сделать никому в мире.

Но, впрочем, вернемся в наши горы. Режу порученный мне салат, стараюсь представить: как там, на леднике, к которому, как нам пообещали, мы должны примерзнуть?

— Там, матушка, очень хорошо,— жмурясь, говорит один из членов команды, москвич Василий Елагин, пытаясь, пока я его слушаю, незаметно съесть половину нарезанного мною салата.— Там, как и везде в горах, такая свобода, которая не снилась никому!

Вечером, после ужина, не улетевшие на ледник альпинисты собираются за длинным столом, пьют чай и разговаривают. О чем бы, вы думали, могут говорить наши альпинисты на высоте три тысячи метров среди гор, вершин и той самой свободы, которая не снилась никому?

Ну, естественно, о политике! Говорим долго, а в конце разговора Михаил Туркевич сурово подводит итог, что надо меньше болтать, а больше делать дело и все будет в порядке. Туркевич — это тот самый альпинист, который вместе с Сергеем Бершовым при восхождении на Эверест совершил уникальное ночное восхождение на вершину. Кстати, Миша только что вернулся из поездки по Америке, поэтому настроен был весьма по-деловому. Он рассказал, что американцы сейчас борются за экологию, какая там чистота в горах и что после этого наши горы вспоминать стыдно.

С утра, под впечатлением Мишиных рассказов об Америке, все в лагере вышли на субботник и стали убирать территорию. Всё вылизали, вычистили, мусор свалили в большую кучу и зарыли в яму.

К сожалению, ночью с гор сошло много свиней. Они разрыли яму, разбросали мусор по лагерю, завалили несколько палаток и ушли в горы. Но Миша об этом, слава богу, не узнал, он уже улетел на ледник.

Старший тренер команды, заслуженный мастер спорта Валентин Иванов теперь совсем не был похож на того земного, сурового Иванова, который обещал ни одному журналисту больше не дать ни одного интервью. Он миролюбиво интересуется, нет ли у журналиста, то есть у меня, к нему какого-нибудь вопросика.

Кстати, Валентин — сам участник восхождения на Эверест. Вообще бывших гималайцев в команде много. В основном все они теперь руководство. Тренеры. Это начальник экспедиции Эдуард Мысловский. Тренеры Сергей Ефимов, Николай Черный, Ерванд Ильинский. Те, кто помоложе, например, Валерий Хрищатый, Владимир Балыбердин, Сережа Бершов, Михаил Туркевич, в составе команды готовятся делать траверз. В команде сейчас много новых альпинистов, не гималайцев. И вообще, как считает Иванов, состав нынешней команды, который сложился в результате нескольких лет подготовки и отбора, очень сильный. Сильнее, чем состав предыдущей, на Эверест. Правда, жаль, что в команду не вошло много других, тоже сильных и достойных альпинистов, на всех просто не хватило места. Едут в Непал всего двадцать два человека. Остальным надо дожидаться следующей экспедиции в Гималаи, которая, возможно, будет опять через много лет.

Когда-то давно знаменитый англичанин Дж. Меллори на вопрос: «Зачем вы идете на Эверест?» — ответил так: «Потому, что он существует!» Эверест, впрочем, так же, как и многие другие горы в разных частях нашей большой планеты, существует и существовал всегда. Но первая советская экспедиция в Гималаи с большим трудом была организована только в 1982 году. Многие поколения наших альпинистов так и состарились с мечтой побывать там.

Возможно, кто-то догадливый скажет: а валюта?

Действительно, каждая экспедиция требует немало денег, к тому же отнюдь не рублей. Но здесь есть один нюанс. Дело в том, что альпинисты хотят тратить не чужую валюту, а ту самую, которую они государству и принесли. Чтобы понять, о чем я говорю, вернемся опять к истории.

Около пятнадцати лет назад, когда точно так же, как и теперь, все решения об организации зарубежных экспедиций упирались в разговоры о валюте, отчаявшиеся альпинисты решили заработать эту валюту себе сами. Честным трудом.

Тогда в горах Памира и Кавказа были организованы первые в мире международные альплагеря — МАЛы. Любой желающий иностранец, заплатив за путевку, мог приехать сюда и пойти на любую понравившуюся ему гору. А наши альпинисты в это время обслуживали иностранцев — помогали им, контролировали, если нужно, спасали и т. п.

С тех лет благодаря этим лагерям заработано уже столько валюты, что хватило бы на десятки экспедиций на все существующие горы мира. Только в прошлом году чуть меньше одного миллиона долларов. Но увы... Как только появилась валюта, она сразу же пошла совсем не туда, куда должна была идти по задумке альпинистов. Естественно, и об экспедиции на Эверест тогда забыли на многие годы.

Так что иностранцев, приезжающих в наши горы, становится все больше и больше, а наших альпинистов в их горах почему-то не прибавляется.

Такая большая команда на Канченджангу — двадцать с лишним человек — возникла совсем не потому, что у наших альпинистов так уж обострено чувство коллективизма. И хоть один журналист написал недавно, что альпинисты, как дельфины, ходят стаями, так вот стаями в современном альпинизме больше никто ходить не хочет.

Теперь все по-другому. Скажем, хотят альпинисты какой-нибудь страны совершить восхождение в те же Гималаи — подают заявку, получают разрешение и едут. Обычно маленькой группой из нескольких человек. Состав команды определяют сами участники на чисто добровольной основе. С кем хочешь, с тем и идешь. Хочешь с другом, хочешь с подругой, да хоть с тещей, лишь бы тебе приятно было!

И ходят сейчас в горы совсем не так, как собирается идти наша команда: с многомесячной экспедицией, с заброской грузов, с промежуточными лагерями и т. д. Сейчас ходят маленькими группами, которые могут за один, два, три дня «сделать» гору и вернуться назад.

А хочешь, можешь вообще идти один. Знаменитый итальянский альпинист Рейнгольд Меснер без кислородного аппарата покорил почти все восьмитысячники мира, некоторые даже в одиночку. Он ставил где-то на высоте шесть тысяч метров палатку, оставлял там свою подругу и «бегом» шел на вершину. За один день возвращался назад. А потом книжки об этом писал, кино снимал. Или не менее знаменитый поляк — Кукучка. Он тоже покорил все высокие горы в мире. Как считает Валентин Иванов, многие, например, из нашей сборной — альпинисты такого высокого класса, что могли бы ходить в горы не хуже того же Меснера. Так же

часто и так же быстро. Но им делать этого не позволяют.

Вот и приходится волей-неволей нашим альпинистам пока ходить, как дельфины, стаями.

Но дело, мне кажется, даже не только в слишком большом количестве участников нашей команды, а в том, как эта команда складывается, собирается. Отбор происходил на основе жесткой конкуренции, когда ни один участник до последней минуты не знает: поедет он или кто-то другой. Это вряд ли способствует улучшению взаимоотношений между людьми.

Трудности в отношениях были и в предыдущей экспедиции, и о них написал в своей книге «Эверест-82» журналист Юрий Рост. Будут они наверняка и в этой экспедиции, хотя, конечно же, лучше бы их было меньше.

И так будет до тех пор, пока советские альпинисты не смогут ездить в горы так же часто и на таких же условиях, на каких ездят альпинисты всего мира.

Вот такие не очень веселые разговоры вели мы, сидя на солнышке у погранзаставы. А рано утром вылетели на ледник.

Ровно в семь утра вертолет, набитый грузами и людьми, дернулся, завис и полетел к последнему месту нашего путешествия — к подножию пика Победы.

Пик Победы, место последнего сбора, выбран не случайно. По высоте это не самая высокая наша гора, но она самая северная из семитысячников, тут холодно, часто дуют сильные ветры, а тренерам команды, естественно, хочется, чтобы последний сбор прошел в максимально тяжелых условиях. Кто его знает, как будет там, на Канченджанге! Так вот, пик Победы вполне отвечает требованиям тренеров.

В кабине вертолета становится все холоднее: высота гор растет. Внизу начинает пропадать последняя травка, деревья — остаются снега, камни, лед. Неожиданно все бросаются к окнам. Впереди слева — огромная, какая-то нереально белая и суровая гора. Это Хантенгри. Знаменитая Хантенгри, которую даже некоторые члены команды, из-за закрытости района, куда мы летим, видят впервые. С другой стороны — пик Победы. А внизу — сплошная, неровная белая поверхность. Догадываюсь, что это ледники.

Вертолет садится на лед, не останавливая лопасти пропеллера. На льду останавливать винты нельзя: под колесами может оказаться рыхлый снег. Как только последний груз оказывается на льду, вертолет улетает. И все с ящиками, рюкзаками, мешками потихоньку идут через ледник к лагерю.

Бреду и с тоской думаю, что ночью примерзнуть к леднику не удастся, сделаю это гораздо раньше. Ноги на льду даже в двух парах теплых носков мгновенно замерзают, ветер продувает сквозь теплую пуховку. Но вскоре из-за гор встает солнышко, и становится относительно тепло. Мне советуют намазать специальными мазями лицо, здесь сгораешь за несколько минут.

Намазываюсь, сажусь на куртку. Ноги не слушаются, голова кружится — высота. Один из тренеров, Сергей Ефимов, советует не сидеть, а двигаться, иначе, говорит, будет еще хуже. А шеф-повар Владимир Воскобойников радостно добавляет, что, конечно, надо двигаться, а еще лучше вымыть посуду, очень помогает при горной болезни.

Мою посуду. Рядом сидит фотокор Юра Феклистов с таким же безнадежным намазанным лицом — ему тоже посоветовали двигаться. Он режет капусту. Так проходит первый день.

На второй день самочувствие улучшается. Я разговариваю с альпинистами. Естественно, о горах. Они мне пытаются объяснить, как там, наверху, удивительно, потрясающе здорово. Но слов не хватает.

И я вот что подумала. Как обидно, что у нас до сих пор не было ни одного настоящего с профессиональными высотными съемками документального фильма о горах. Чтобы не словами, а с помощью кино попытаться ответить на вопрос: почему люди заболевают горами? Ведь в любом виде спорта есть зрители, которые все видят сами. В альпинизме зрителей, естественно, нет. Недаром совсем недавно, когда было совместное китайско-японско-непальское восхождение на Эверест, телевидение вело через спутник прямую трансляцию прямо с вершины! И миллионы, увы, не наших, зрителей следили за восхождением — этим уникальным событием — непосредственно, от первой до последней минуты.

...На следующий день все ушли в горы. А мы остались. Потом альпинисты расскажут нам коротко, как прошло восхождение на пик Победы.

А прошло оно, по их словам, совершенно нормально. Вверху было очень прилично, в меру уютно и даже совсем не так холодно, как хотелось бы в воспитательных целях тренерам. В общем, сбор прошел удачно. Что видели? Снежного человека не видели. Видели погибших альпинистов, не вернувшихся с каких-то давних и не очень давних восхождений. На большой высоте, если человек погибает, его спустить вниз бывает очень сложно. Чаще всего для этого надо организовывать специальную экспедицию. Кого-то просто не находят. Так и становятся для некоторых могилами горы.

Наткнулись альпинисты на палатку, в которой сохранился дневник одного из восходителей. Экспедиция была в 1955 году. Дневник принадлежал веселому парню. Он смешно и подробно описывал, как добирался до гор, как в пути встретил девушку, влюбился и чуть из-за нее не послал все вершины подальше... Потом, к счастью, парень образумился и поехал к товарищам в горы.

Впрочем, как оказалось, вовсе и не к счастью он это сделал. Через некоторое время записи в дневнике оборвутся.

Веселый парень погиб.

Вот такую грустную историю рассказали мне альпинисты, вернувшиеся с пика Победы. Дневник принесли с собой.

Любой из нашей команды может рассказать десятки таких же или похожих историй из своей жизни в горах. У кого-то на теле следы шаровой молнии. На высоте молния ворвалась в палатку и улетела. И, как человек остался жив, неизвестно. У кого-то после предыдущих восхождений ампутировали пальцы, кто-то потерял друзей, кто-то попадал в лавины, ночевал в трещинах и чудом оставался жить...

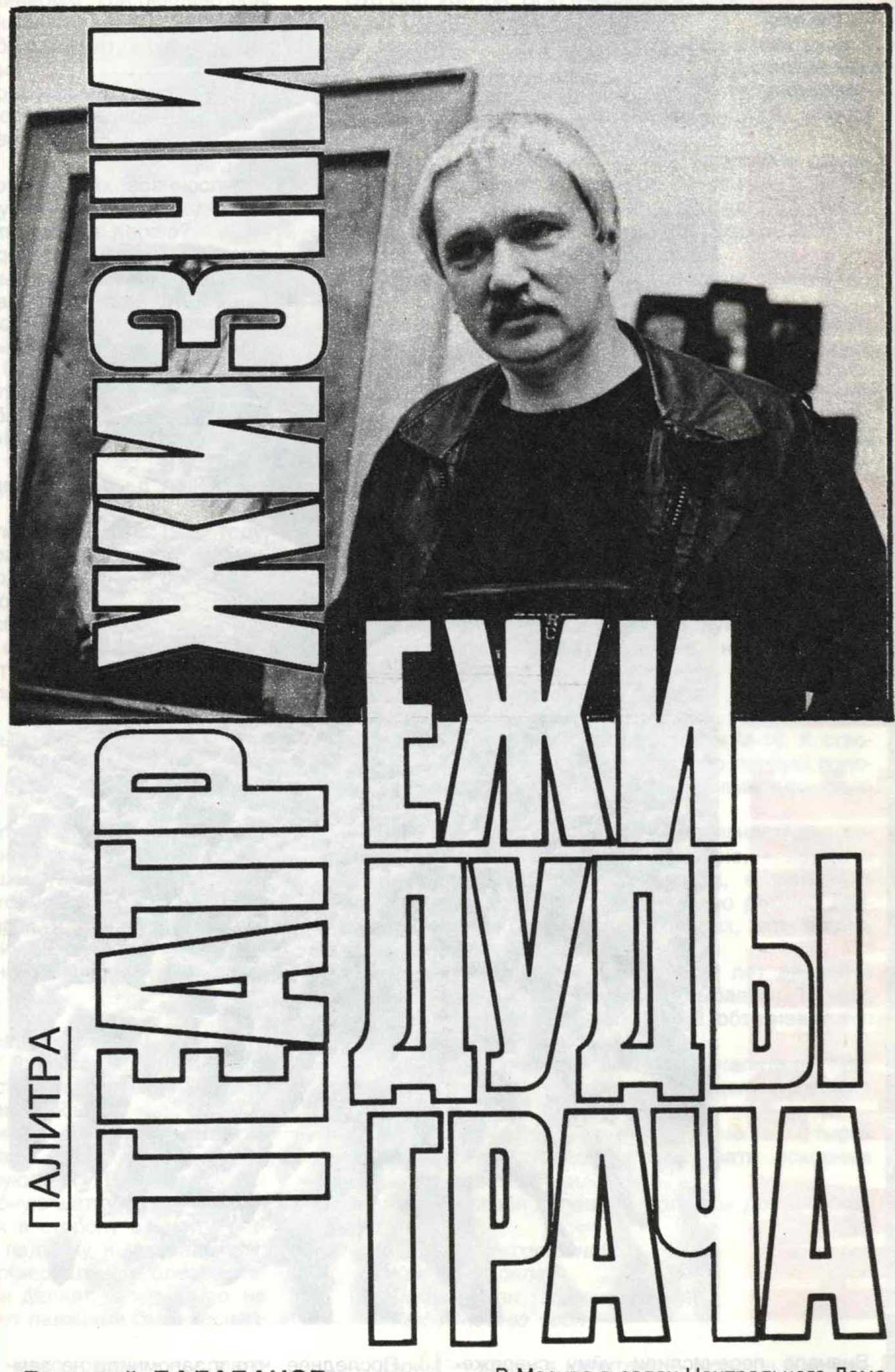
И тем не менее все снова в горах. И, думаю, будут ездить сюда, пока смогут самостоятельно двигаться. А вот почему, на это ответить они, наверное, не могут даже сами себе...

* * *

P. S. В то время, когда материал был уже подготовлен к печати, а альпинисты уже, можно сказать, собирали чемоданы, вернее, рюкзаки, стало известно, что у экспедиции снова трудности. В Госкомспорте СССР руководителям команды неожиданно сообщили, что на экспедицию валюты нет, и если спортсмены хотят ехать в Непал, пусть ищут деньги сами. Вдруг найдется какой-нибудь спонсор, скажем, западная кинокомпания, которая захочет сделать фильм об этом восхождении и заплатит альпинистам инвалютными рублями.

Я не сомневаюсь, что спонсор такой найдется: экспедиция эта действительно уникальная. Но я не понимаю, почему советские альпинисты снова на правах бедных родственников должны у кого-то выпрашивать деньги, давно ими заработанные?..

Итак, времени осталось совсем мало. Кто поможет нашим альпинистам?

ПАЛИТРА

ТЕАТР ЖИЗНИ ЕЖИ ДУДЫ ГРАЧА

Валерий БАЛАБАНОВ, художник

Представляем: Ежи Дуда Грач, родился в 1941 году, в Польше, образование — высшее художественное (выпускник Катовицкого отделения графики Академии художеств в Кракове), место проживания — Катовице, профессия — художник (один из наиболее видных современных польских живописцев). Награды за творческую деятельность: Кавалерийский Крест ордена Возрождения Польши, Серебряный Крест Заслуги, Почетный знак «За заслуги в развитии Катовицкого воеводства», Почетный знак «Заслуженный деятель культуры». Лауреат 20 различных премий, член-учредитель Союза польских живописцев и графиков, член Национального совета по культуре, член Польского комитета защиты мира.

Информация: работы Ежи Дуды Грача выставлялись на 74 персональных выставках во всех крупных городах Польши, а также за рубежом — в Москве, Берлине, Лейпциге, Лондоне, Будапеште, Париже, Вене, Стокгольме и др. Картины художника экспонировались также на 131 всепольской и зарубежной выставке польского искусства; они приобретены музеями Польши, а также Австрии, Афганистана, Бельгии, Великобритании, Венгрии, Венесуэлы, Дании, Израиля, Италии, Канады, Мексики, Нидерландов, Норвегии, СССР, США, ФРГ, Чехословакии, Швейцарии, Швеции, Японии...

В Москве в залах Центрального Дома художника прошла персональная выставка Ежи Дуды Грача.

Комментарий художника: «...Когда позади 20 лет работы, могу лишь сказать, зато решительно: уж таков я, каков есть, поскольку то, что делаю, я делать должен! Мое искусство бродит по миру и из него произрастает. Главной темой моего... рассказа является Польша — люди и время, в которое мы живем».

Мнение критиков: «...Продолжая публицистическое направление в польской живописи, Грач пишет в гротесковой, сатирической манере, вскрывая негативные явления в обществе и в характере людей. В то же время его произведения отражают перемены, происходящие в польском общественном сознании...», «социальные картины Дуды Грача — это коллективный портрет ошибок и духовных недомоганий целого общественного слоя, позабывшего о своих идеалах в погоне за немедленными благами...», «становится очевидным, что картины Ежи Дуды Грача выводят на посмешище и позор все то мелкое, темное, заскорузлое, фальшивое и злобное, что накопилось и в нашем обществе за десятилетия общественного застоя; тем самым его творчество врачует и нас, очищая наши общие светлые идеалы».

Мнение публики (из отзывов с московской персональной выставки):

- Смех сквозь слезы. Но все правда! (О. Манько, инженер, 24 года.)
- Спасибо за откровение и покаяние! Поражают чистота и боль души художника, который владеет истинно великим мастерством. Спасибо за сча-

Ежи Дуда ГРАЧ. Род. 1941. КАРТИНА 1112. Лондонский цикл. 1987.

Ежи Дуда ГРАЧ. ВСАДНИКИ АПОКАЛИПСИСА. Польские мотивы. 1977.

стье увидеть! (А. Кузнецова, художественный редактор, 41 год.)

● Эта живопись — маразм, кошмар и ужас. Нужно ли это людям? (Н. Нема, патентовед, 42 года.)

● Артист видит глубже, чем социолог. Достаточно взглянуть на циклы, представленные художником, чтобы прочитать диагноз болезней, терзающих общество. (И. Тарасов, преподаватель, 48 лет.)

● Смрад разложения, бред психопата, белиберда... Эта дрянная выставка позорит Польшу, которую я бесконечно уважаю. (Посетитель.)

● Необходимо издать альбом Дуды Грача в СССР. Имеет смысл тиражировать выставку и разослать ее во все ведомства, министерства, конторы и т. п., чтобы все чинуши в принудительном порядке смотрели ее ежедневно! (А. Базилевский, зритель, 30 лет.)

Интервью:

— Ежи, твои московские впечатления?

— Одна молодая журналистка спрашивала меня, что самое прекрасное я увидел в Москве? Вопрос был плохо поставлен, и я ответил: «Ничего». Везде высокие дома, широкие улицы, и разница в несколько метров не имеет никакого значения. То, что в Москве было действительно прекрасно,— это люди, человек. Я отношу это к толпе незнакомцев в метро и на улицах и к тем, которых я узнал близко. Поэтому я говорю так: «Везде, где ты бываешь, приходится смотреть на небо, дома, улицы и машины. Но в первую очередь и прежде всего надо смотреть на людей и людям в глаза. И в их глазах увидеть отраженными машины, улицы, дома, а может случиться так, что даже небо. И в человеческих глазах ты можешь увидеть страну, которую познаешь».

— Ежи, в твоих живописных решениях обнаруживается стремление увидеть проблемы современности в историческом аспекте. Так ли это?

— Создавая картины о наших сегодняшних проблемах, общественных и политических, я осознаю, что польские проблемы возникли не при социализме, а уходят своими корнями в традицию и историю. В последние годы я все чаще оглядываюсь назад и вижу все более тесную связь вчерашних причин с сегодняшними последствиями.

— Ты говоришь: «Человек не венец, а карикатура творения». Являются ли твои автопортреты своеобразным ключом к пониманию этой мысли?

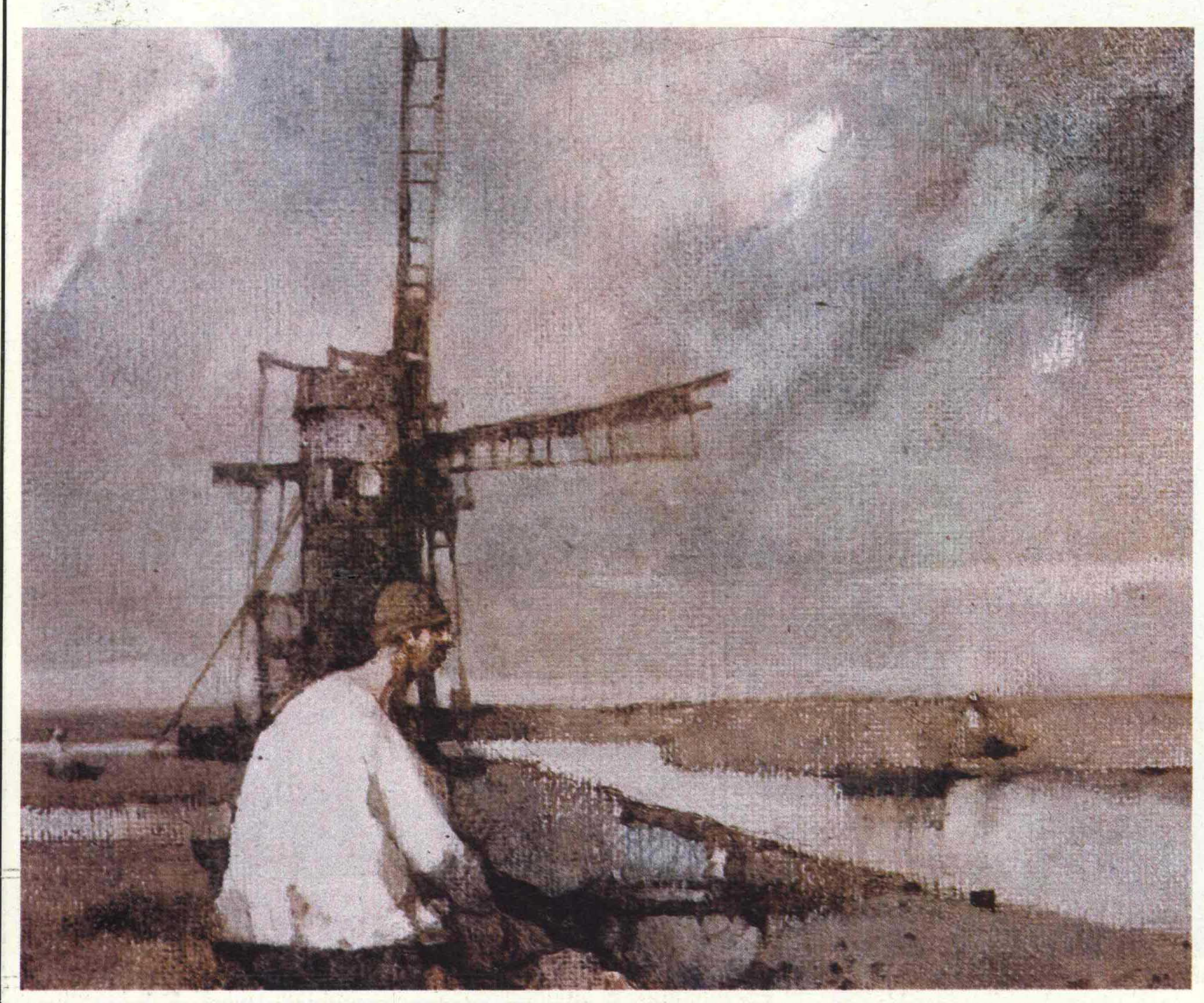
— Я иногда использую собственное лицо с целью сказать что-то о других людях, общественных группах, категориях и т. д. Чаще всего делаю это в ситуациях неудобных и сложных, когда мне действительно хочется сказать, что человек вовсе не венец творения, а карикатура на него.

— В некоторых картинах твоя кисть напоминает хирургический скальпель. Что тебе ближе: хирургия или профилактика заболеваний общества? Веришь ли ты в исцеление?

— Я верю в возможность общения с людьми при помощи искусства, в возможность диалога. А это имеет мало общего с «лечением общества», это не хирургия, не профилактика, а скорее попытка страстного и субъективного (а следовательно, не всегда справедливого) описания мира, в котором я живу. Это попытка, начатая с позиции человека, которого (несколько меняя библейскую стилистику) раздражает бревно в собственном глазу, заслоняющее соринку в глазу ближнего.

— Почему на твоих картинах часы без стрелок? Тема вечности?

— Самое дорогое — это время и человеческое общение.

КАРТИНА 941.
Голландский цикл. 1985.

Начало на стр. 5.

ШАЙКА, БАНДА, «СИСТЕМА»

не пугать общественность. Громадное дело растаскивают на фрагменты, и в результате остаются безнаказанными представители мозгового центра мафий. Ответственность падает в основном на среднее звено. А это как ничто другое способствует неистребимости мафий.

Учтем и то, что, говоря о мафиях, их предпочитают видеть в одной только торговле, да и то московской. А это вовсе не так. Кроме того, с предприятий и легкой, и местной, и пищевой, и прочих промышленностей в торговлю громадными партиями идет неучтенная левая продукция. На ней наживаются и те, кто поставил, и те, кто продал. В этой сфере действуют тысячи и тысячи дельцов. Помните выступление на партконференции знаменитого хозяйственника Кабаидзе? Он говорил, что и без министра обойдется. В это могу поверить. Но обойдется ли он...

— Без жулика?

— Без дельца... Или так: без посредника. Сегодня можно пройти тысячи кабинетов и нигде ничего не получить. Но стоит руководителю обратиться к дельцу — и будет ему все! Не знаю, как в случае с Кабаидзе, но чаще всего...

— Не считаете ли вы, что деляги разных, так сказать, «войск» тяготеют друг к другу?

— На сегодня проявляется тенденция к сращиванию всех видов мафий — чисто уголовной с «беловоротничковой» и так далее.

— На взаимных услугах?

— Это прежде всего! Уголовные мафии по отношению к прочим выступают рэкетирами, то есть вымогателями. В криминальных мафиях очень суровые законы. Тут встретишь все, что нам только известно по итальянским, к примеру, политическим фильмам. Есть и свои суды, и банки, и системы взаимопомощи, и целая иерархия подчиненности, и символы положения. Есть свои круги, или кланы, или, если желаете, «семьи». Из них выделяются: днепропетровская, московская, кавказские, узбекская. Кстати сказать, днепропетровская «семья», это если брать уголовные дела, в последнее время захватила власть над Москвой, над Ленинградом. На этой почве происходят жестокие стычки. Мы их не видим, о них не слышим, но они постоянно происходят. Только в кошмарном сне может присниться все то, что творится сегодня втихую. Случается, что исчезают люди. Мне даже довелось узнать, что людей закатывают в асфальт... Все есть!

ЧЕГО НЕТ? ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ!..

— Оно недостаточно! — подтверждает Владимир Иванович.— А правоохранительные органы зачастую исходят из принципа: этого не может быть, потому что не может быть никогда! Некоторые руководители органов не желают признать мафий по двум причинам. Первая — их могут спросить, а где ж вы были все годы? Вторая причина: к сожалению, сохранилась часть сотрудников милиции, судов, прокуратуры, которые допустили развитие этих сил.

Занимаясь Главторгом, Олейник добрался до документов, свидетельствовавших: все, что творилось в московской торговле, было известно во многих подробностях тогдашнему руководству МВД страны за много лет до того, как началось в прокуратуре республики следствие по делу Трегубова. Олейник сам видел и докладные, и резолюции на них. В том числе самого Щелокова. Какие же были резолюции? «Тов. Н.! Для сведения». Ко всем прочим преступлениям Щелокова и его ближайшего окружения добавим и это: на много лет не только Москву — всю страну отдали на разграбление соколовым, трегубовым, сушковым... Именно в эти годы государство покрылось сплошной и плотной сетью мафий.

Те просеки, что прорубили в московской торговой «системе» делами Соколова и Трегубова,— они мгновенно заросли. Мафии, как показывает время, очень легко заполняют бреши в «среднем звене» (из него-то и выхватили несколько десятков действующих лиц), успешно вербуя все новых и новых «бойцов». Как с этим быть? Да и вообще возможно ли с мафиями бороться? Реально ли побеждать?

— Но те способы борьбы, которые все последние десятилетия применялись, к чему они приводили? Если образно — прошли загон, скосили, глядь — на старом месте вновь выросли новые сорняки и травы. Снова коси. И так до бесконечности. Сизифов труд! На место жулика и взяточника Петрова вырос или пришел Сидоров, зачастую еще махровее. На место его — еще кто-нибудь. Чтоб этого не было, нужна глубокая вспашка почвы с отвалом, чтоб корни испепелились жарким солнцем и морозом. Да и гербициды не помешают, то есть новые средства и способы борьбы. Да еще если пахарь будет выбрасывать эти корни «с поля вон!». А в сегодняшней торговле, вместо того чтобы этот корешок выбросить с поля подальше, подчас сажают его на новую благодатную почву уже на новом участке. И вот он опять пошел в рост, и окружают его только прежние спутники. Своеобразный симбиоз сорняков-взяточников вновь разрастается. Вновь пахать?

Нет, в этой ситуации требуется государственный акт, который бы в принципе честных, не потерянных для общества работников торговли и смежных сфер, которые в силу и объективных, и субъективных обстоятельств были вовлечены на многие годы в эту преступную «систему», но осознавших, покаявшихся, одумавшихся и представляющих последствия не только для себя, но и для общества, простил бы раз и навсегда! О чем речь? И крупные, и мелкие хищения не делаются без рядовых исполнителей, и их, как мы прикидывали, по стране очень много. Не только продавцы, но и шоферы, официанты, повара и т. п. К примеру, шофер, который систематически делает пять рейсов, а записывает 10. И за это получает к зарплате премии. Частью из полученного делится с тем, кто приписал, а тот — с тем, кто пропустил это...

Конечно, над ним страх — страх расплаты! И те, кто организовал эту «систему»,— они это прекрасно сознают и пользуются тем, что страхом можно держать. Расскажешь, дескать, вместе с нами сядешь!

Так я предлагаю этих рядовых исполнителей оторвать от акул «системы», снять с них этот страх. Каким образом? Пусть государство издаст закон о том, что любое лицо, вовлеченное в силу обстоятельств или по своей воле, но потом осознавшее, что дальше так нельзя, может прийти к Советской власти и сказать: вот все, что я украл, заберите (или вычтите с меня), но я воровал с этими и этими. Я с ними рву и заниматься этим больше не хочу и не могу! И вот тогда власть, поверив, освобождает человека от уголовной, а партийные органы — от жесткой партийной ответственности, администрация — от служебной.

Только это позволит нам миллионы и миллионы мелких служителей «систем» оторвать от них. И вот тут мафиози останутся голыми — полководцами без армии. Помните, выступая в Ленинграде, Михаил Сергеевич Горбачев сказал: мы как бы даем время одуматься... Почему бы и здесь, в сфере организованной преступности, не применить этот принцип?

— Но мне совершенно ясно, что отрывать преступную армию от своих лейтенантов и генералов надо не только юридически. Без серьезных экономических мер, позволяющих честно зарабатывать, не прибегая к воровству, хищениям, махинациям, мафий не победить. Но об этом (то есть об экономических мерах борьбы с экономической преступностью), говорю это для читателей, нужен специальный разговор. А пока толпы исполнителей — заложники организованной преступности.

— Но в любом случае нужны кардинальные меры. Язва стала уже злокачественной — ни терапией, ни тем более заговорами общественный организм не спасти. Полумеры дают обратный эффект. Наша правоохранительная система не всегда в надлежащей мере выполняла долг перед обществом. Очень убедительно свидетельствует об этом то, что все раскрытые до сих пор мафии — это заслуга КГБ. Почти на все 100 процентов. Начиная с Киргизии, затем «пирожковое дело» в Свердловске, фирма «Океан», магазины «Свет», «Каскад», «Таджикистан», Краснодарское дело, Ростовское, Узбекское, дело Сушкова, громадное дело Главторга. И почему в раскрытии организованной преступности еще не столь сильно МВД? Тут много причин, но о них надо отдельно...

Комитет же, оберегая государственную безопасность, вынужден заняться многими делишками мафий.

Но если КГБ и в состоянии вскрыть здесь гнойник, то расследовать его не может — его следственный аппарат не может надолго отвлекаться на «несвойственные» дела, но с некоторых пор Комитет, насколько я знаю, сократил свое участие во «внутренних» расследованиях. Я понимаю: Комитету государственной безопасности логичнее заниматься «своими шпионами». Но если подходить с государственных позиций, то тут именно вопрос государственной безопасности: ведь тысячи шпионов не смогут нанести государству такой ущерб, как наши кровные внутренние дельцы.

А ведь то, что вскрылось в торговле продовольственными товарами Москвы, лишь малая толика организованной преступности в расхищении национального достояния, в безжалостном выкачивании соков из самого главного источника — народного богатства. И здесь между разными категориями жулья есть единство. В чем? В источниках обворовывания, материального и духовного опустошения. Грабитель берет насилием, жулик — обманом, обсчетом, мошенничеством. А раскрывать связь между криминальной и деляческой («беловоротничковой») преступностью препятствуют те, кто боится за свое кресло. И ведь его не привлечешь к уголовной ответственности. Хотя последствия от его действия, а чаще бездействия, кровавые.

— Читатели пишут: пора всерьез задуматься о создании в стране, быть может, ВЧК, но исключительно для борьбы с организованной преступностью! Вот уже до чего договариваются... Видимо, от безысходности, от неверия в существующие органы правосудия.

— Действительно, напрашиваются чрезвычайные меры. До сих пор все ограничивалось созданием новой инициативной или рабочей группы, общественного совета, комиссии и т. п. Нет, таким образом столь серьезного врага не проймешь. Но если (допустим на миг) создавать новую ВЧК, то формировать ее из людей в нравственном плане безукоризненных. Начнутся новые проверки, новое насилие... В общем, давайте полагаться не на новые ведомства, а на существующие, на себя, тем более что борьба с мафиями потребует тысяч и тысяч «гражданских» специалистов — экономистов и бухгалтеров, технологов и даже математиков.

— Но для начала надо, чтобы ведомства наши, десятилетиями попустительствовавшие «честным жуликам», издававшие для них очень щедрые нормы списания, постарались наконец-то (да под общественным контролем — сами-то они не соберутся!) перекрывать все лазейки для «законного», неподсудного обогащения. Вы же сами и десятки ваших коллег быстро их, эти лазейки, покажете.

— Кстати сказать, еще в те годы, когда я расследовал пушно-меховое дело, мне стало известно, что по спецзаказу Дунаева и К° крупный юрист, доктор наук (фамилию его, помня о презумпции невиновности, назвать не могу) разработал «теорию хищений», то есть показал самые эффективные и самые безопасные методы обогащения. Теперь бы науке заняться работой противоположной, но много-много лет в сферу деляческой преступности серьезная наука, и прежде всего экономика, не ступала. Те научные подразделения системы БХСС, которые раньше существовали, при Щелокове или позже были прикрыты. Бороться с самыми коварными, быть может, врагами отечества пришлось вслепую. Неужто и дальше так? А ведь истинного положения дел в сфере преступности мы как следует не знаем. Пока что в эпоху гласности перед нами щедро открывают частные цифры, касающиеся отдельных городов и даже регионов, но только по отдельным графам преступности, и упорно скрывают общую статистику. Даже «важняки» как союзной, так и республиканской прокуратуры не знают, сколько, к примеру, у нас повторных преступлений. Зато видят собственными глазами: из законченных следствием дел суды зачастую отбирают дела Ива́нов, но не Иван Ивановичей. То есть под суд идут те, за кого некому заступиться. Нет, не в судебном заседании, а на том невидимом пятачке, где действует «телефонное право». Нам еще надо добиваться, чтобы перед законом и перед судом все были равны!

Это-то и возмущает больше всего Олейника. Понимает: здесь борьба не только за социальную справедливость, а за всю перестройку!

Что надо бывшему «важняку», а ныне — заместителю начальника следственной части Прокуратуры РСФСР Владимиру Ивановичу Олейнику? О чем пекутся его младшие коллеги? Не о харчах, хотя они уж очень скромны у людей, на которых у нас вся надежда. И даже не о комфорте на рабочем месте. Кстати, все пренебрежение общества к следствию замечательно характеризуют лестничные марши, по которым вам придется взбираться в их, следователей, служебные обиталища. Сейчас в российской прокуратуре, как и в других ведомствах, сокращают служебные автомобили. Так думаете, у кого их забрали? Правильно: у следователей. А начальство как ездило, так и ездит. И теперь «важняки» соображают: на чем им возить уголовные дела, если перевозить их в общественном транспорте категорически воспрещено. Нет, право, не о материальной стороне жизни они пекутся, хотя знаю — и бедствуют, и носятся, не ведая, где занять, хотя, как мы понимаем, рядом с ними всегда есть тот, кто готов тут же выложить тысячу, а иной раз и миллион.

Единственное просят: не ставьте пределов, не обвиняйте заранее и бездоказательно в обвинительном или, напротив, в оправдательном уклоне, не пытайтесь их наказывать, если следователи единственно в чем виноваты — докопались до истины. Вот этого и требуют: если назвали нас следователями — дайте же расследовать, добираясь до первопричин и первоисточников. А там сами судите — приговорить или оправдать...

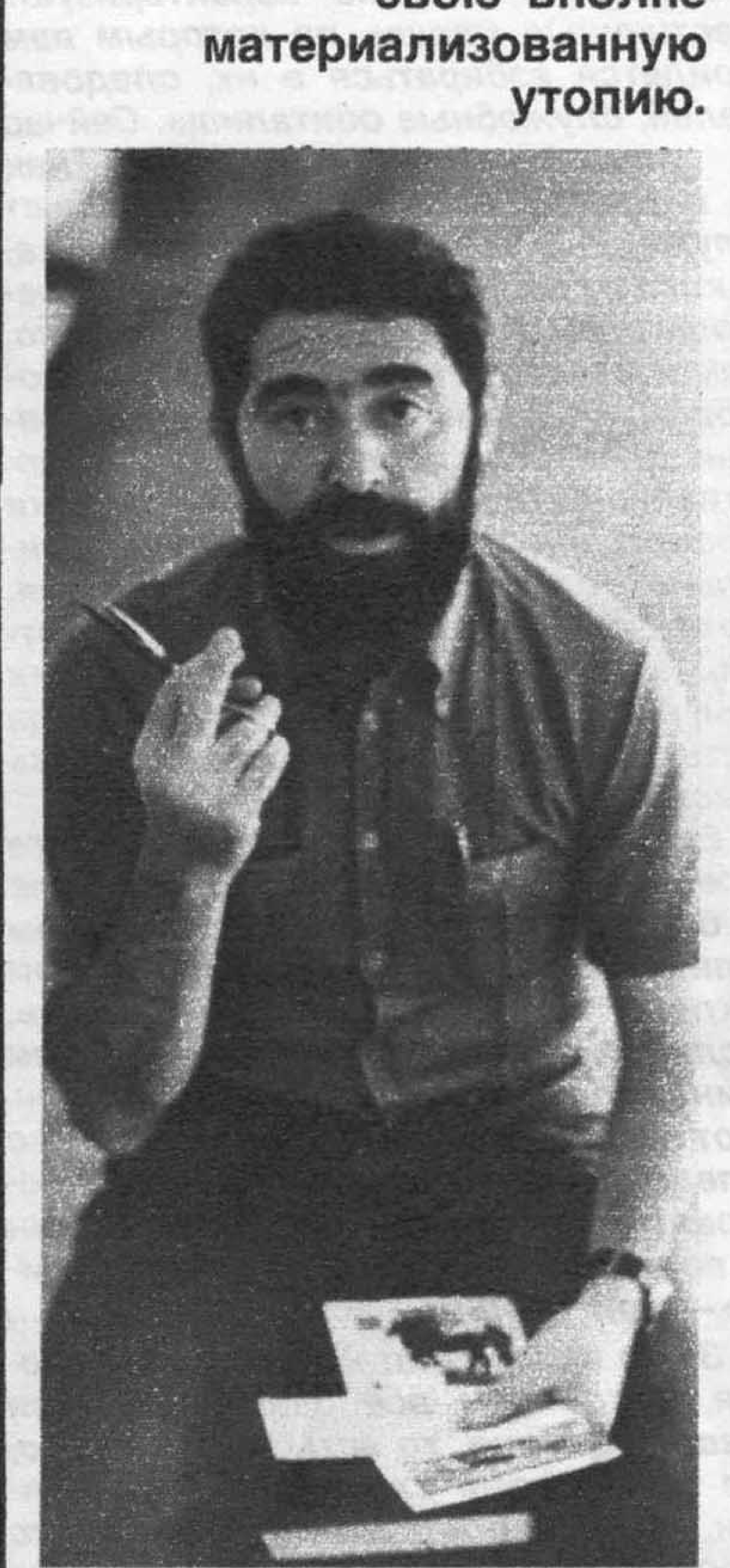
Знаю наверняка: не за горами время, когда нам все равно придется революционно, то есть кардинально, не полумерами схватиться с мафиями. И не побояться поднять на это весь народ. А как иначе? Иначе не одолеть!

ЗАКЛИНАТЕЛИ ДРАКОНА

*Ребенка
надо не научить,
а заклясть.
М. Цветаева.*

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

«Я не вижу в республике лучшей кандидатуры на пост министра культуры, чем я сам»,— с этого легкого шока началось мое знакомство с Генрихом Игитяном и его «детским Ватиканом», как он называет свою вполне материализованную утопию.

Алла БОССАРТ

На одном портрете художник изобразил своего друга Генриха Игитяна горделивым, в козлиной шкуре через плечо, с каменной важностью в лице. Вождь племени перед объективом. В этом портрете мне нравится то, что он висит в Ереванском музее современного искусства, который создал заслуженный и действительно выдающийся деятель армянской культуры Генрих Суренович Игитян, совершенно превратно изображенный известным армянским художником.

Как атрибут стихийности натуры шкура, может быть, и уместна. Но с выражением лица согласиться не могу. Игитян — ненасытный раблезианец, Гаргантюа, обжирающийся талантами, кайфующий от талантов, которые растут вокруг него так, словно он их генерирует. В известном смысле это так и есть. Хотя, говорят, с ним трудно ладить. Нескромен. Беспощадный язык. Говорят, он диктатор. Правильно. Но его диктатура носит защитный характер: Игитян защищает уникальное государство творческой свободы, которое он вырастил, вылепил, укрепил вокруг себя.

Ашот Григорян, режиссер Театра марионеток:

— Игитян начал с того, что он максималист, и мне это было по душе, потому что я и сам в некотором смысле... Это и по куклам видно. И он сказал еще, что если это будет не лучший театр в мире, то пусть его тогда вообще не будет. Не из тщеславия мы хотим сделать лучший в мире театр. Очень соскучились по качеству. Без него стало тошно жить. А потом ведь река сносит... Так что надо грести выше. Это единственное, что нас связывает,— желание сделать по-настоящему качественное искусство. В остальном мы расходимся.

«В остальном мы расходимся». Так могут, наверное, сказать руководители многих, если не всех, театральных, художественных, музыкальных студий, мастерских, ансамблей и прочих подразделений Республиканского эстетического центра Армении, «эстетическим» названного, конечно, лишь приблизительно, условно. Графики, живописцы, режиссеры, этнографы, ювелиры, скульпторы, танцоры, керамисты, резчики, джазисты, актеры — они неизбежно расходятся с генеральным директором по множеству тактических позиций, потому что все они художники, а художники в ногу не маршируют, это принципиально вообще для жизни и для Игитяна в частности. Поэтому он и собирает со всей республики людей, как он выражается, «с подбитыми крыльями», людей, которым не давали сказать то, что они хотели сказать, а то, что надлежало говорить, они говорить не хотели.

Вы замечаете тавтологичность понятия «воспитание культуры»? Они замечают. Вокруг своего сивобородого вожака с легким отблеском фанатизма в глазу, словно стая нездешних ярких птиц, собралась стая упрямых, нескладных людей, видящих в культуре панацею и полагающих целью воспитания ращение культурного слоя в душе человека, точнее, ребенка как его разновидности: гомо инфанс. Причем основное содержание их Дела в том, чтобы отличать истинное от ложного, от туфты; в развитии истинного в себе. Вот так примерно, конспективно. Так я поняла и сформулировала для себя пафос Игитяна и его стаи.

Генрих Игитян:

— Прихожу в детскую галерею. Мне говорят: нам присылают директора. Я ушел домой, отключил телефон, лег на диван, взял Чехова... А что я мог еще сделать? Раньше была директором Жанна Агамирян, моя жена. Когда она погибла, я стал продолжать ее работу. Коллекция этого замызганного подвала уже была жемчужиной, во всем мире нет такого музея детского творчества. Я как-то не ждал этого удара — что у меня отнимут память о Жанне. И, конечно, развалят. Потому что кого может прислать горсовет? Функционера. А функционер не может руководить искусством. Тем более детским. Навалилась вдруг усталость, полное отупение...

Разбудил меня стук в дверь. Горкомовский шофер. К секретарю по идеологии. Приезжаем. Незнакомый мне человек. Я, говорит, хочу с вами посоветоваться. Выясняется, что он не утвердил горсоветского директора. Я поздравил его с таким выдающимся решением и тут же не сходя с места предложил свою кандидатуру, если уж со мной советуются. Он ошалел: «Вам же предлагают сейчас пост директора государственной галереи!» Да. Это была моя мечта. Я работал в то время в государственной картинной галерее заведующим отделом. И мечтал быть директором, потому что в этом случае мог бы определять политику в организации изобразительного искусства и как искусствовед, и как администратор. Мог бы вытащить из загона замечательных художников...

Как известно, Игитян не оставил забот по определению судеб отечественного искусства. Став директором Детской картинной галереи, он пошел «доставать» республиканские инстанции музеем современного искусства и «достал». Дали сначала опять же подвал, а потом Генрих Суренович оттяпал у торговли роскошные хоромы сферических форм, готовые для принятия какого-то супермаркета, и прекрасная многоликая толпа художников Армении обрела, наконец, достойные стены. Рассказ об Игитяне — директоре этого музея — отдельный сюжет, и сейчас я боюсь на него отвлечься, потому что тема «Игитян и музей современного искусства» потащит за собой тему «Художник и Армения» и вообще «Художник и время», а об этом пусть лучше пишет сам Генрих Суренович в своей безысходной кандидатской, которую он, видимо, сможет закончить, только выйдя на пенсию, каковая по отношению к Игитяну видится явлением абсурдным.

Мы же ограничимся не претендующим на глубину сообщением, что от формального сведения тройственных функций директора: а) детской галереи, б) музея современного искусства

и .в) Республиканского эстетического центра — к знаменателю «генеральный директор» не легче.

Асмик Акопян, заместитель генерального директора, директор экспериментальной студии декоративно-прикладного и изобразительного искусства:

— Нельзя выдвигать в лидеры. Руководитель должен быть профессионалом высокого класса. Игитян — профессионал. Он никогда не даст пройти провальной творческой линии. Он не допустит пошлости, низкого качества. Хороший руководитель строит хорошие отношения на базе профессионализма. Игитян прекрасно знает творческие круги республики, он человек мощных знаний и авторитета. Но при этом его не назначают на пост, скажем, министра культуры, потому что он не подходит под стереотип. В нашей культуре, в ее организации надо что-то менять. При нашей огромной потенции в плане человеческого материала армянская культура сдала свои позиции. Линия Горбачева, линия «разумности», целесообразности еще далеко не привилась. Очень сильна пока позиция тех, кто стремится сохранить статус-кво, лишь бы не трогали. Активность Игитяна мешала бы.

Проводя многие часы — в центре, на площади, в студиях, у друзей — с Игитяном и с другими, я постепенно начинала понимать, куда попала. Немножко скучное, во всяком случае, исключительно мирное и спокойное поприще эстетического воспитания оборачивалось, пожалуй, рингом. Игитян метался между ЦК, центром и музеем, министерством просвещения, реял на ступенях Оперы и вообще повсюду.

Его выносило на исторические параллели, и летели батарейки диктофона, словно не выдерживая напряжения, плотности и боли тем: Сталин, беззаконие, власть, трусость, война... И мне становилось неловко, что лезу со своими плоскими вопросами к человеку, разбитому тяжкими разговорами с Демирчяном, измочаленному кабинетной демагогией одних и отчаянным бессилием других.

И я выключила запись и честно призналась:

— Генрих, я в растерянности. Моя командировка не ко времени? У вас, кажется, другие проблемы... По-настоящему, о них бы и надо нам говорить, а мне писать...

Игитян кивнул:

— Вот и пишите. У меня всегда проблемы одни и те же. Вернее, одна и та же. Культура — это самосознание. Это искоренение рабства. И где решать эту проблему — в мастерской, в студии, или в ЦК, или на площади — уже детали.

Но именно детали, добавлю, важны для понимания общего замысла.

Скажем, такая деталь, как детский рисунок, может дать очень точное представление о духе, состоянии и даже режиме страны, откуда он прибыл в Детскую галерею.

А в Ленинграде я однажды познакомилась с художником (армянином, но это не имеет отношения к делу), который рассказывал, как привел мать в ужас первым своим рисунком: это был портрет Сталина, такой жуткий, хотя и похожий, что мать немедленно пустила его на растопку; дело было в блокаду, но голод и холод не выжгли страха. И не притупили проницательности детей.

...В Ереванской детской картинной галерее я не увидела работ Тиграна Дзитохцяна. В числе других Игитян отвез их в Америку, где готовил выставку своих гениев (говорю без иронии, исходя из сугубой гениальности детского творчества). Америка, между прочим, Игитяну надоела, и он вернулся на три месяца раньше срока, заклеймив ее «страной красивых суррогатов». Тут можно ухмыльнуться, прикрывшись ладошкой, и подмигнуть в том смысле, что, мол, лукав Генрих Суренович, надоела-то надоела, а пять месяцев отгулял маршрутами Маяковского, который, кстати, тоже кривился, плюясь с Бруклинского моста. Но можно и не ухмыляться. Игитяну в самом деле дома интереснее.

Уникальная система нашего управления, сопротивляющаяся пользе, «разумности», выгоде, породила наряду со знаменитым советским разгильдяйством (чтоб не сказать хуже) уникальный же тип людей, созданных преодолевать трудности. Везде есть наука, искусство, техника, но нигде нет такого причудливого соотношения передовых, даже великих идей с убожеством уровня жизни, такого поразительного сочетания талантливости нации с уровнем ее же культуры, такого контраста интеллектуального и нравственного подвижничества с социальной апатией в государственном масштабе. И вот я думаю: может, именно апатия в общественной, убожество в материальной и варварство в культурной сферах и порождают (в согласии с диалектическими законами) наших Гаргантюа, которые в благополучных условиях целесообразности захирели бы? Может, трение необходимо, чтоб цеплялись зубцы передачи и машина двигалась?

Да, так я о Тигране.

В Соединенных Штатах одиннадцатилетний ереванский школьник произвел сенсацию. На юного Сальвадора Дали из Советов ломился Нью-Йорк и Лос-Анджелес. Американские зрители «балдели» перед фантастическими полотнами и теребили «Генри Игит'ан», желая понять, как его школа достигает таких результатов. Я не знаю, уловили ли американцы, что связано чудо Тиграна с той школой, которую возглавил Игитян. Дело в том, что мальчик не занимается в центре. И все же Тигран Дзитохцян — одно из объяснений феномена этого единственного в мире учебного организма. Педагог и психолог искусства, Игитян понял, что такого художника, как Тигран, учить нельзя. Он дал ему свободу, внимательно наблюдая за крутыми до головной боли извивами его живописи.

Тигран застенчив, высокомерен, влюблен в отца, в Моцарта и в Генриха Суреновича. Он не поддерживал беседы, не отвечал мне, кроме единственного резкого: «Нет!» — на вопрос, любит ли он школу. По загадочному наитию, не учась, в пять лет он освоил технику масляной живописи, так же легко перешел на темперу. О мыслях, которые он вкладывает в работы, можно только догадываться, свои сюрреалистические фантазии он никак не называет, пишет под музыку. Очередная загадка: накануне демонстраций и забастовок в Ереване Тигран написал в несвойственной ему жанровой манере толпу с воздетыми руками на площади... Обходится без развлечений и без сверстников. Его умные родители Елизавет и Леван, слава богу, не бьют тревогу, не таскают его по психиатрам или, наоборот, по педагогам, избрав единственно допустимый путь в общении с таким сыном — обеспечение фронта развития. Доступ к книгам, пластинкам, взрослым разговорам, поездки, музеи, слайды, оборудование мастерской в маленькой комнате — и никакого давления.

Мог такой Тигран родиться в другом городе? Безусловно. Но, боюсь, без Игитяна в роли наставника, который, по счастью, оказался другом семьи, мальчик не избежал бы общей драмы вундеркинда. Обычный чудо-ребенок летит из катапульты к своей вершине и застревает на ней, никому с годами уже не интересен. Это один поворот. Другой — трагедия Нади Рушевой, нещадная эксплуатация детской гениальности, превращение имени в легенду, мифологизация явления, как бы вовсе оторванного от личности.

Игитян исходит из личности. Талант и его мера — сказуемое, а подлежащее — всегда личность. Ребенка не превращают здесь ни в фетиш, ни в винтик единого механизма. Он живет в естественной среде, созданной неповторимостью каждого. Тигран Дзитохцян, расцветающий вроде бы и отдельно от эстетического центра, в известном смысле находится под его защитой: центр, как зеленый массив, как источник кислорода, создает КЛИМАТ.

Рубен Туманян, директор объединенного театра при центре, режиссер музыкально-драматической студии:

— В четвертом классе, когда меня вытурили из музыкальной школы за неуспеваемость, я «Аиду» пел от и до. Со всеми партиями. А нот я до сих пор не знаю, поэтому музыку свою записываю на магнитофон и даю аранжировщику. В профессиональном театре работать не хочу. Я хочу актера-универсала, а дети универсальны по природе. Они могут все, если им интересно. Когда я учился, мы под видом трудового воспитания делали вешалки. А собирая металлолом, брали эти вешалки и сдавали. Так вот мы сейчас разработали план для общеобразовательной школы на базе центра, в котором постарались выразить свое уважение к ребенку и его деятельности. На уроке труда ребята будут делать декорации и шить костюмы. На пении индивидуально проходить вокал. Вместо так называемого рисования театральная живопись и вообще живопись, история искусства... На Западе вопрос ставится так: не хочешь — не учись, не хочешь — не работай. Не хочешь — вообще ничего не делай. У нас всеобщее среднее образование, но дети не хотят учиться, потому что учителя не хотят работать.

Произошла инфляция учительского труда, происходит вырождение учителя. Он уже редко когда рассматривает свой труд как творческий. И в обществе учительский труд по смыслу приближается к производственному: выпуск детей. Учитель не видит своего труда, как я в детстве — назначения своих вешалок. Педагог такого ранга, как Шаталов, видит. Для учителя рангом ниже выпущенные дети уже абстракция. Он не может быть «двинутым» на своей работе, как актер, режиссер, большой педагог. Я пришел сюда, потому что чувствовал потенцию центра именно в этом смысле. Только здесь есть уникальная возможность воспитать буквально с пеленок творческий коллектив. Я всегда надеялся, что хоть один человек из каждого выпуска будет возвращаться ко мне, а это уже основа для профессиональной труппы.

С двумя высшими образованиями (филфак и театральный) Рубен работал на так называемых общественных началах (стыдливый эвфемизм для обозначения бесплатной эксплуатации энтузиаста) в школах и Дворце пионеров. Сейчас у него пять коллективов, в одном из которых он практический режиссер, и еще шестой — «взрослая» студия из бывших воспитанников центра, где сейчас Рубик ставит рок-оперу «Ромео и Джульетта». Текст Шекспира, музыка Туманяна. Увлекшись, он самолично пропел мне все арии, и дешевенький клубный инструмент от его атаки чуть не развалился. Это было здорово. Но еще больше возвеселил душу абсолютно хулиганский спектакль «Балда — Бармалей», где дети, артистичные, какими бывают только играя на заднем дворе, скрытые от взрослых, озорничали вовсю, совершенно естественно объединив Пушкина с Чуковским, как возможно тоже только в детской игре. Я так думаю, что и спектакль о том же, как счастливо можно объединить в умной игре взрослых и детей, большое и малое, полезное с приятным, учебу и творчество. Своей серьезностью мы опошляем детство — и не только Павликом Морозовым и «этими сборами дурацкими», в чем я с Игитяном соглашусь. Прав: превратить бы пионерскую организацию в игру, найти вожатых, которые действительно учат мужеству... Кругом прав.

Рубен разрешает своим детям многое, даже нарушать городской карантин по гриппу, что они охотно и делали, ни на день не прекращая репетиций. Разрешает почти все, кроме одного: из какого-то театрально-педагогического целомудрия, строгой цеховой любви, а может, из мальчишеской верности клятве он не разрешает им сниматься. Трижды выгонял он настырного кинорежиссера, и так, и эдак вербовавшего ребят из туманяновского подвала, по доброму не вразумил...

«Чему учат дети?» — спросила я Рубика. «Отношению к жизни»,— подумав, отвечал тридцатилетний бывший вундеркинд с внешностью красивого десятиклассника, интуицией первоклассника и «двинутыми» мозгами Учителя.

— У Рубика — абсолютный слух,— говорит Игитян.— А у меня абсолютный вкус.

По этим двум причинам пребывает, видимо, в центре и сам Рубик. Да и все остальные, владеющие своим умением так, чтобы ответить абсолютному вкусу.

Генрих Игитян:

— Наш центр, кроме всего, призван реабилитировать понятие критерия. Не только в детском, а вообще в искусстве. Критерии утеряны. Мартирос Сарьян и Дмитрий Налбандян обладают одинаковыми регалиями. Оба академики, оба лауреаты Ленинской премии, оба народные СССР и Герои. При этом один величайший живописец, а другой... Мы закрыли нашу учебную киностудию, потому что за отсутствием техники она не могла стать лучше «Арменфильма». Зачем тужиться над чем-то, если это не будет самым классным в своем роде?

...Насколько экономически и технологически отброшена назад наша страна Сталиным, а затем — Брежневым со товарищи, сейчас подсчитывается, и от этих цифр жить не хочется. Насколько отброшены мы Сталиным и Ждановым, а затем Хрущевым и Брежневым в области культуры, подсчитать невозможно. Но и невозможно не ощутить. Травля писателей, нищета художников, аресты идей, травля «Нового мира», травля учителей-новаторов, «национальная программа» общества «Память», так называемая эстрада и так называемая сатира, журнал «Молодая гвардия» и центральная газета, где на летучке сотрудник признался: «Жалею об одном, что статью Нины Андреевой написал не я...»

Ведь это все не просто имена, явления или примеры дурного вкуса, дурной души и дурного ума. Это принципы культурной жизни страны, да-да, несмотря ни на что, все еще принципы, и это подтвердило триумфальное выступление Юрия Бондарева на партконференции. И, что еще хуже, ориентиры очень многих. Эти многие могли не слыхать о «бульдозерной выставке», но они воспитаны крушителями, а не созидателями.

И до чего же прав Игитян, говоря об утрате критериев. В искусстве все наглядней, но разве не теряются еще важнейшие критерии в обществе, где гласность умышленно путают с произволом?

Это множество рождает и воспитывает детей, не видящих другой альтернативы духовным монстрам, кроме рока, своей единственной религии с ее главным атрибутом — кайфом, с культом кайфа, заменившим (впрочем, слава богу!) все прочие культы. А «культ» даже в грамматике с «культурой» не связан. Хотя созвучие сбивает с толку многих.

Одного друга, из танцоров, Игитян раз в сердцах спросил: ты хоть когда-нибудь читаешь? Достоевского читал? Танцор в раздумье уточнил: Федора? Так что учительский состав в центре разномастный. Есть и из Академии наук (этнограф Завен Тагавчян), есть и домашние хозяйки, есть умельцы на все руки и на все ноги тоже. Но от детей, когда они будут каменотесами и кузнецами — от всех! — вместе с мастерством и уважением к ремеслу здесь ожидают диапазона знаний, интересов, интеллекта.

...На экзамен по истории искусств Игитян зашел неожиданно. Пятиклас-

сник разгребал обломки Эллады, тасуя царей, зодчих, понты и храмы. Распаренный волнением, на гостя и не взглянул. То ли не знал, кто это такой, а вернее, ему и наплевать, кто это такой. Отвечал великолепно. Генрих Суренович засомневался: попугай или разумный человек? У меня вопрос, говорит. Что можешь сказать об армянском искусстве середины XIX века и его влиянии на современную культуру? И этот пацан, обменявшись улыбками с преподавательницей, выдает ему вдохновенную лекцию на тему его же, Игитяна, книги, которую тот все никак не может кончить! Генеральный директор опешил, но копает дальше: импрессионисты? Человек и тут лицом в грязь не ударил, Моне не спутал с Мане... Постимпрессионисты? Пожалуйста. «Я был счастлив. Только ради этого ребенка уже стоило создавать центр!»

Чего мы так радуемся, когда пишем об уникальном? Отчего не спросим себя: а почему уникален курганский Илизаров, московский Федоров, донецкий Шаталов или ереванский Игитян? Это ведь не Кижи и не озеро Байкал, не произведения искусства и не чудеса природы, а просто люди, наши с вами современники, соотечественники, хотя и мастера с чрезвычайно высоким профессиональным кпд. Это качество позволило каждому из них развернуть опыт, которому нет аналогов. Так чем мы гордимся: тем, что высокий профессионализм у нас — редкость, или тем, что классный специалист не может развернуться? Потому что третьего объяснения феномену, при котором достижения высокой технологии не могут тиражироваться, не дано. Высокая технология применима ведь не только в электронике или медицине, а в воспитании, в эстетическом в том числе. Это не обязательно парк компьютеров. Речь о методах вообще, о масштабе, об организации, об эффективности. Очень славно и престижно быть первыми. Но много лет оставаться единственными как-то, знаете, нерентабельно. Передовой опыт на то и существует, чтоб его распространять.

Конечно, фигура конструктора во многом решает дело, и в педагогике еще больше, чем в науке и технике. Но конструкция есть конструкция, это не мираж и не облако. Любая, и такая, как армянский центр, опирается на жесткий каркас принципов. Дело не в том, что в стране не хватает мозгов или рук. Не хватает, вероятно, именно принципов...

«Мы недосягаемы» — такое заявление без ложной скромности делает Игитян. Видимо, на моем лице отразился укор, потому что Генрих воскликнул: «Что? Есть возражения? Давайте назовите любую страну, и я вам докажу, почему у этих вот подвальчиков и клетушек нет и не может быть конкурентов».

— Ну, Япония,— лениво прикинула я, чтоб не мелочиться.

— Стандартизация. Даже рисуют все дети одинаково. Правда, нашим, пожалуй, не снился их колорит, но нам бы их краски и фломастеры...

— Америка!

— Бизнес и зрелище. Кино еще не искусство, в нем нет истории народа. Американские дети прекрасно умеют считать, но фантазия ограничена Диснейлендом.

— Франция? — Я увлеклась.

Игитян махнул рукой. В Париже пригласили в Центр Помпиду на детский праздник, что-то вроде эстетического конкурса. И вот подростки, вполне половозрелые ребята, развлекались тем, что показывали какие-то невнятные тени на экране и раскладывали, кто красивее, пирожные на блюдах. Тягостное зрелище.

Не могу сказать, что Генрих Суренович меня убедил. Такого учебного организма действительно нет нигде в мире, однако, я думаю, не из-за духовной ущербности капиталистов, а скорее потому, что они не ставят перед собой тех задач, которые не дают покоя Игитяну. Это задачи глубоко «наши»: проложить путь ИНОЙ школе, ИНОМУ художественному вузу и СИЛЬНО ИНОМУ управлению культурой. И, сформулировав эти задачи, становится понятно, почему армянский центр не имеет аналогов и в пределах наших границ. Мы не любим альтернатив. До прошлого года мы и слова-то такого не знали: плюрализм.

На базе детской картинной галереи в свое время возникла студия, которая разрослась в целый куст ремесел. (Асмик Акопян руководит как раз этой объединенной школой прикладников и художников.) Впрочем, статуса школы у студии нет. Хотя по уровню подготовки она могла бы быть не только школой, но и училищем, а возможно, и вузом. Отсюда выходят вполне профессиональные ювелиры, камнерезы, чеканщики, кузнецы, керамисты, художники по тканям, ткачи, готовые скульпторы, живописцы и графики. И деваться этим ребятам некуда. Диплома у них нет, а для высшей школы они уже не годятся: «спорчены». Да и не только для высшей, но и для средней. Достаточно сказать, что у Тиграна Дзитохцяна тройка по рисованию. А у многих — авторов изысканных вышивок или насыщенных силой и мыслью графических листов — двойки. Это объясняется легко. Моя мама, учительница, человек от искусства далекий, с недоумением прочла отчет об аукционе «Сотбис», где в бешеных фунтах оценили «Линию» Родченко. «Ты понимаешь эту картину?» — она спросила меня. Я осторожно ответила, что пока не думала над ней, надо подумать. «Ничего себе картина,— обиженно сказала мама,— над которой надо думать».

Эту охоту — думать, фантазировать, ассоциировать — отбивают с детского сада, когда велят деревья рисовать зелеными, и только, а розовыми — ни боже мой. Конечно, понятно, что согнутые в одну сторону деревья, летящие волосы и шляпы и прижатые руками подолы смеющихся (обязательно!) девушек — это ветер. Непонятно другое — зачем он нужен искусству, такой ветер? На офорте десятиклассника Вачагана Арутюняна серые массы, теснящие белое мерцание, черные спирали, какие-то неотвратимые конусы в падении, глыбы — дисгармония черного, серого и белого: пространство ветра, состояние, упругая и тревожная оптика ветра. Состояние мира и души. Мира души. Здесь надо думать, в эту графику надо внедряться, преодолевая авторское сопротивление.

Вачаган, один из самых интересных учеников мастерской графики, не собирается даже пытаться поступать в театрально-художественный институт, идет на физфак. Его мастер Анатолий Папанян водил меня по детской галерее, вернее сказать, мы топтались у витрин с офортами, которым отведен совсем небольшой участок: технику травления иглой по металлу, самую сложную в графике, избирают единицы,— и долго, подробно, восхищенно говорил о каждой работе, часто повторяя: «Вот так он видит вавилонское столпотворение; вот так он мыслит Дон Кихота; вот так он решает одиночество...» А потом, с нежностью посмотрев еще раз на «Ветер» Арутюняна, вдруг прервал себя: «Ладно, пошли. Вы уже поняли, надеюсь, что в институт они никто не поступят». Я неожиданно обнаружила, что замечательный офортист Толя Папанян — человек некрупного роста. Он казался удлиненным, как персонажи Эль Греко, за счет лба с крутыми залысинами, косматой ли бороды, а может, пальцев, а тут вдруг — сутулый, не выше меня пешеход на перекрестке. Толя не только художник, который создает мало и мучительно, как Бабель, и упивается искусством — своим или своего саркастического друга Ашота Баяндура, или своих самозабвенных ребят, хоть Вачагана, хоть Гагика или Арамаиса. Анатолий Папанян — учитель, ответственнейшая фигура в обществе, и мучает его поэтому не только процесс творчества. Он прекрасно видит, что готовит своим воспитанникам свою собственную судьбу.

— Как вы оказались в центре?

Пожав плечами, отвечает небрежно, как об очевидном:

— А жить было не на что.

Покупают у художников мало. У Папаняна не покупали совсем. Остроумно заметил Игитян: «Когда мы говорим об эпохе Возрождения, не надо забывать, что, кроме Микеланджело, был еще Медичи». Папанян, видимо, тот редкий тип абсолютного художника, который может работать только для себя, где бы ни работал. Таким требуются абсолютные меценаты, способные полностью довериться художнику. Художники-то народились, куда они денутся, а вот меценатов, просвещенных кредиторов, что-то не видать. Папанян работал только для себя, не заботясь о «понятности» и «правильности». Поэтому недолго продержался и преподавателем ЕТХИ. Категоричен: «В живописи ценна живопись. Ренуар сказал, что три мазка Сезанна — уже живопись...» Ну какая польза студентам от этой невнятицы? Может ли человек с такой творческой платформой учить молодежь? А иначе он учить не умел. И не умеет. И вот Игитяну именно такой Папанян подошел. Он и музей современного искусства для таких создал. Для тех, кто способен реабилитировать критерии. В этой точке смыкаются задачи музея и центра. Но не решается проблема практического будущего детей.

На всяких ответственных концертах детский ансамбль народного танца «Орнаменты Армении» выступает последним: после него неловко выходить профессионалам. Армконцерт выпросил у центра ансамбль волынщиков, теперь это лучший фольклорный коллектив республики. На кукол Ашота Григоряна приезжают смотреть из Америки, Англии, Польши и так далее. Драматическая студия Рубена Туманяна (возрастной диапазон 6—20) без аншлагов не работает. О художниках и прикладниках я уже говорила. Все по высшему разряду. По самому серьезному профессиональному счету.

И разве нет у Игитяна оснований требовать самоопределения: статуса школы искусств, хореографического и художественно-промышленного училища, театрально-художественного вуза, профессионального театра на хозрасчете? Однако наша замечательная система управления (культурой и просвещением лишь в том числе) надежно обезопасила себя от лишних движений хитроумным механизмом порочных кругов. Самодеятельности трудно выходить в профессионалы, заявлять о себе, а также вводить хозрасчет и прочие экономические новации, пока у нее нет элементарного помещения: сцены, аудиторий, оборудованных мастерских, репетиционных залов. Получить же это толковое место под солнцем практически невозможно, не являясь профессионалом. Может ли мечтать самый разгениальный любительский театр, в который публика ломится, о таких сказочных хоромах, как у Кинешемского или Сухумского государственных театров, не делающих сборов? Кроме места, есть и другие факторы жизнедеятельности творческих коллективов. Может ли, например, Министерство культуры в последний момент отменить важные для театра гастроли профессионалов? С Рубиком Туманяном именно так и поступили: дело было летом, труппа разъехалась, и тут пришло приглашение на ВДНХ, в Москву. Согласовав в инстанциях, он отозвал ребят с каникул, они слетелись, многие издалека, тут и запрет подоспел. Управляющие культурой передумали. После этого случая Рубен потерял пятерых.

«Ну как Америка?» — спрашивали Игитяна. «Не понимаю, как они там живут, бедняги,— желчно отвечал Генрих.— У них нет Министерства культуры!»

Ашот Григорян:

— Первый критерий — кто выдерживает. Мы выдерживаем с трудом. Шестой год без помещения. Ленпроект сдал нам неутвержденный проект. (Можно ли вообразить, чтобы неутвержденный проект сдали МХАТу или Образцову? — **А. Б.**). Во время строительства пришел пожарник и свернул все это дело. Теперь мы увязли в «долгострое». Режиссурой, своей специальностью, я не занят который год! Очень тяжело. Но центр держит — держит правдой отношений. Оказалось, что это колоссально много, важно, когда все зависит только от твоих профессиональных качеств. Я по специальности мультипликатор, и мне в общем-то всегда казалось, что для того, чтобы работать в мультипликации, достаточно быть хорошим мультипликатором. В Москве у меня было зарезано 15 сценариев. Мне говорили: «Не эмоционально!» А здесь я испытал счастье, когда увидел, что ставка — только на мастерство. Это вселяет такую уверенность, что делаешь невозможное. У центра не оказалось средств, чтобы послать меня учиться — я не говорю на год или на два, а хоть на месяц-другой в Ленинград или Тбилиси. Я был всего **два часа** в театре у Резо Габриадзе. Это все, что я знал о марионетках. Когда мы собрали первую куклу, у нас подкосились ноги: выяснилось, что она не ходит. А теперь кукол лучше, чем у меня, в Союзе нет. Это предел марионеточного искусства. Если найдется кто-нибудь, кто будет оспаривать, я жду его во всеоружии. Нас пока очень мало. Многое держится на Каринэ Пилиносян, моей помощнице. Как-то понадобились розы, мне сказали, есть девочка, которая делает искусственные цветы. Я позвонил ей, она прислала мне в спичечной коробке дюжину роз. Это был шедевр. И это была Каринэ. Мы работали первое время с 10 утра до 12 ночи без выходных. 31 декабря ночью гуляли, а утром опять за работу. Это оттого, что столько лет хотелось высказаться... Я не знаю, из чего складываются потенции искусства. Но когда тебе долго затыкают рот, а потом наконец разрешают говорить, происходит вот что: или ты не знаешь, что сказать, или говоришь очень много. Мы тут все «говорим» очень много. У нас есть надежда.

Ашот врубил музыку. Он и его ученица Офелия Арутюнян (студентка политеха) взяли кукол — эх, что за куклы, что за тонкости характеров в движениях и рожах — и театр начался, без всякой тебе вешалки. Ходили ходуном маленькие человечки, и большие люди, смеясь от удовольствия, приплясывали рядом, и мне разрешили подержать и подергать за ниточки. И даже похвалили. И так славно замкнулась цепь, такой хороший ток пробежал по крохотной комнатенке, заваленной черт-те чем (она же цех, она же кабинет, она же сцена и репетиционный класс), что мелькнула вдруг мысль: все бросить, Москву, работу — и к Ашоту в келью, обретать свободу и надежду. Неужели не выучусь?

...Я спросила Игитяна, не боится ли он, что, разросшись, центр станет неуправляемым, раздавит себя собственной тяжестью?

— Эффект динозавра? — засмеялся Генрих.— Нет. Мы ведь наращиваем не массу, а мускулы. Силу. Знаете, почему я ненавижу Сталина? Потому что он высосал из народа силу. От природы в человеке хватает, видимо, дряни. Иначе откуда прет столько мрази, когда летят нравственные тормоза? Сталин истребил культуру, то есть нравственность. В человеке проснулся зверь, народ превратился в стадо. Он знал, что делал, обезглавливая дух. Дух — это сила, и потому это всегда ересь для инквизиций всех времен и народов. Народ силен не ракетами, а только духом, только культурой. Без этого он не может сопротивляться Дракону — зверю в себе. Мне пятьдесят лет, я видел Дракона. И я теперь не хочу жить для себя. Я нужен как функция. Чтобы...

Чтобы заклясть.

Полемические заметки

КОЕ-ЧТО О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ

Чаадаев действительно прав, говоря об этих господах: «Какие они все шалуны!»

Герцен

Станислав РАССАДИН

1

Среди разного рода нехваток и дефицитов, сдавивших нас тесным кольцом, есть, мне кажется, и такая недостача — слава богу, не самая болезненная. У нас нет критики. Разумею: литературной, о прочей пока речь не веду.

Перья-то критические есть, притом немало, и блистательные, а вот критики нету. Как явления и понятия в целом, в принципе. И, помимо многого прочего, знаете, почему?..

Недавно я с прискорбием получил нахлобучку от критика Аллы Марченко. За то, что, напечатав в «Известиях» статью «О пользе стыда» и круто обойдясь с двумя стихотворениями, прямо назвал автора лишь одного из них, Сергея Михалкова. Ну и схлопотал: «...коли уж зашла речь о пользе стыда, не стоит превращать его в «маленькую пользу», то есть палить из самопалов по безымянным мишеням, как это сделал Ст. Рассадин».

Честно-то признаться, логики я тут вижу не то чтоб много. Во-первых, потешаясь над корявым стишком, я не оставил его уж совсем безымянным: как-никак сохранил указание, что творец — автор нескольких пространных поэм да вдобавок лауреат Ленинской премии, и из всех, с кем бы ни говорил потом, кажется, только одна Марченко не осилила этого неголоволомного вычисления. Во-вторых, но скажите на милость, что ж тут за «польза» мне или газете, если влиятельный сочинитель забавного опуса — Егор Исаев — сам-то свои стихи уж, наверное, распознал? И, значит, вряд ли газете или мне приходится ждать от него живейшей благодарности.

Зачем Алле Марченко захотелось быть недогадливой, можно если и не утверждать, то допустить. Ее личной храбрости в статье хватило ровно на то, чтоб защитить от меня С. Михалкова и обругать Андрея Битова с Николаем Шмелевым...

Зато выходит вроде бы привольный полет над кишащей где-то внизу нашей свалкой и сварой. Горделивая объективность.

Но что правда, то правда. И Егор Исаев может гордиться: его имя покуда из самых неприкосновенных. Еще эвон когда, в славную новомировскую эпоху, была у меня попытка высказаться о нем невпопад, не в тон ликующему хору, и статья была принята, даже поставлена в номер... Увы! Как раз в тот, начиная с которого журнал насильственно перестал быть журналом Твардовского*. Да и сейчас, в «период гласности» (так выразился по телевидению некий чиновник, быть может, нечаянно высказав надежду — ведь всякий период конечен), словом, и сейчас не единожды я предлагал свое мнение на сей счет, однако... Нет, побрюзжать о некоторых недостатках отдельных исаевских поэм, лучше бы последних, ненагражденных,— это куда ни шло, это, говорят, валяйте, но меня-то как поразил, так и не перестал поражать сам по себе **феномен** — Героя Социалистического Труда, лауреата высшей премии, куратора всей отечественной поэзии, находящегося, с моей — ах, хорошо бы, кабы ошибочной! — точки зрения, в натянутых отношениях со стихотворческим ремеслом...

К чему я веду? К тому, что, пока подобное возможно, критики, повторяю, не будет. Да, да, хотя бы по одной этой причине. Останься хоть один-разъединственный литератор, строго огражденный от укоризны, и все ваши критерии относительны, и любой из раскритикованных вами может злорадно ответить: «А, меня, значит, кроете? Но вот за что? Потому, что я плох, или потому, что меня-то можно?»

Возможно, я схематизирую (а возможно, не очень), но именно этот стародавний полицейский запрет лег в основу тех извращений, которым подверглись наша профессия, наш профессионализм. Не ходя далеко, как аргумент предъявлю самого себя. Когда-то я дал себе слово не хвалить поэта или прозаика, если он занял начальственный пост, даже если он хорошо пишет. «Ведь это подло — позволять ругать, когда нельзя хвалить» (Ленин), а если так, рассуждал я, имею ли я право и хвалить того, кого при случае не смогу, кого мне не дадут выругать?

Но какими цитатами ни защищайся, а решение рабское. Даже если это не я ввергн себя в рабство, даже если был принужден практически выбыть из бесперебойной критики, потому что утратил возможность, ссорясь, допустим, с Андреем Вознесенским, не ссориться с Софроновым, Алексеевым, с тем же Исаевым...

Не хочу показательно самоуничижаться: как ни размышляю, не могу сыскать для себя тогдашнего другого, лучшего выхода, а все равно рабство, уродство, противоестественность. Что ж говорить о тех, кто от запретов возликовал, кто их и узаконил?

В общем, не приходится удивляться новым и новым доказательствам искажения нашей профессии, утраты приличий и норм... Хотя порою не выдержишь. Удивишься.

* Читая сейчас его «Письма о литературе», натолкнулся как бы на косвенный отголосок давнего журнального замысла. «Поэма «Суд памяти»,— пишет А. Т. в 1964 году критику, вознамерившемуся пропеть поэме осанну,— не представляется мне такой значительной, как Вам. Кроме того, о ней уже много и с явным перехвалом писали. Вряд ли Ваша статья сможет изменить это мнение о ней, разделяемое редакцией «Нового мира». Деликатно и твердо.

2

Вот читаю Владимира Бондаренко («Москва» № 9). Читаю во второй раз — не статью «Разговор с читателем», нет, а вообще этого автора. То есть имя где-то мелькало, но до чтения руки не доходили, пока в той же «Москве» не явились в конце прошлого года «Очерки литературных нравов». И, взявшись за них, я испытал, помню, подобие эстетического шока.

Юрий Олеша рассказывал, как однажды вяловато листал роман Шеллера-Михайлова, вполглаза следил за интригой, и вдруг удар, гром с мирного неба, ощущенье: «НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!!!» Оказалось, по оплошности переплетчика в текст заурядбеллетристики залетела, затесалась страница гениального «Идиота». Есть от чего вскрикнуть.

Такое и со мной приключалось. Например, никогда не читал и не видел пьес Софронова. Ну, слыхал, конечно, о своеобразии их уровня, но чтоб читать... И — снова вдруг, опять случайно — почему-то открыл «Судьбу-индейку», и тоже: «Не может быть! ТАКОГО НЕ БЫВАЕТ!!!» Вот и в случае с Бондаренко действительность, как говорится, превзошла все ожидания.

До сих пор не забыл, как читал и читал, не очень веря глазам. К примеру: «...весь клубок замалчиваемых убеждений выливается сегодня на голову неподготовленного читателя». А? Выливающийся клубок — недурно пущено?

Словом, ко второй в моей жизни статье Бондаренко я уже был отчасти готов. И без нервного шока и тика следил за стилистическим соревнованием с вышеозначенным выливающимся клубком: «В. Личутин словно купается в языковых переливах, разбрасывая пригоршнями связки метафор... Нужно умудриться увязать в «некий залп»... Крик самозащиты от вторжения в самые исповедальные, самые заповедные области...» Поломал, правда, голову над последней фразой, но ретировался без победного результата, как, впрочем, и от строк, посвященных лично мне, чьи, представьте себе, выступления, «пожалуй, следует квалифицировать иными, нежели литературные, терминами, да не будем опускаться до столь блистательно продемонстрированных рассадинских пассажей».

«Квалифицировать» нелитературно — это как понимать? Выматерить меня? Или сообщить куда следует? Хорошо б уточнить — разница все-таки есть. И лишь одно я уловил с полной отчетливостью: Бондаренко ни за что, ни в какую, сколько его ни уламывай, не соглашается опуститься до моего уровня. Как и до уровня весьма не одобренных им Н. Ивановой, Н. Ильиной, Е. Евтушенко, Ю. Буртина, И. Виноградова, С. Чупринина. Что ж, решение, думаю, принято правильное. Тем более правильное, что выполнимое.

Для чего я задерживаюсь на стиле (если тут это слово годится), не торопясь пробиваться к голому смыслу? Ну, во-первых, пробиваться — непросто, и должен же я вздохнуть о затраченных на это усилиях. Во-вторых, кое-что поясню позже. А в-третьих, вообразите, хочу успокоить Владимира Бондаренко. Пролить в его душу мир.

«Как тянет нынешних «либералов» причислять своих противников к «врагам перестройки», к черносотенцам, к сталинистам»,— автобиографически выстраданно восклицает он, сетуя и на обилие статей, сокрушавших его «Очерки» (в чем, по-моему, прав, многовато было статей, не по масштабам бедствия). Так вот. Утверждаю, что Бондаренко не сталинист (не добрал по очкам), не черносотенец, даже не враг перестройки — врагов у нее вообще нету, не объявляются, есть лишь одни сторонники, в чем и беда: прикрывая подписку, пробуя удушить кооператоров или, вопреки Конституции, дозволяя шабаши «Памяти», все это объясняют своим перестроечным настроением.

Словом, наш автор ни то и ни се; для меня он просто неумело пишущий человек, не справляющийся даже с синтаксисом и путающийся в простейших понятиях.

Зайдет ли речь, что хорошо бы «создать общенародный механизм, гарантирующий ответственность публичного слова», как перед Бондаренко вспыхивает пугающий призрак: «комиссия такая уже была и называлась она... цензурой. Разница только в том, что ныне цензуру хотят основать наши новые либералы, именно они жаждут жестко «править балом». Выступит ли против Нины Андреевой Григорий Бакланов, заметит ли он то, что заметила и «Правда», чего вообще нельзя не заметить: это не образчик индивидуального эпистолярного стиля, это **платформа**, и — готово: «Тоталитаризму Вы противопоставляете тот же тоталитаризм, только еще опаснее...» Уловили? Опасней андреевского, сталинистского, сталинского,— так что, друзья, конец демократии: грядет диктатура Бакланова.

Мало того. Оказывается, критикам, выступившим супротив бондаренковских «Очерков», кем-то была дана таинственная и, конечно, от этого особенно страшная «команда». И вероятно, именно с этой целью «апологеты «перестроечного искусства» написали «на своем знамени сегодня знаменитый лозунг: «если враг не сдается, его уничтожают»...»

А знаете, есть в этом что-то по-своему трогательное. Настолько, что хочется протянуть к воспаленному лбу успокаивающую ладонь: ну, ну, дескать, Владимир Григорьич, охолоньте, очнитесь, напрасно вас бьет такой колотун. Честное слово, никто вас не уничтожит. Не дадим. Отобьем, ежели что. Живите себе и украшайте клубками и переливами терпеливый журнал «Москва».

Впрочем, волноваться Владимиру Бондаренко тем более нечего, что ужас одиночества ему не грозит. Его полку прибывает — и пополнение таково, что...

Открываю молодогвардейский сбор-

ник литературно-критических статей «Осмысление» (свежатинка, 1988 год) и, вдохновясь предисловием Михаила Числова, настраиваюсь на восторженный лад. «Молодость ни в чем не может быть помехой. Молодость — только преимущество...» Охотно верю, хотя не совсем понимаю, о ком эти слова. Читаю издательские аннотации: вот критик пятидесяти лет, вот критикесса — сорока, и лишь одному из участников, Андрею Быстрицкому, меньше этого почтенного возраста. Что ж, с него как с обладателя обещанного «преимущества» и начнем.

Начинаю, предвкушая новое слово в критике, которое посулил мне щедрый Числов, и вижу, что слово это — неграмотное.

Не в переносном смысле, увы. Без метафор и без гипербол. В средней школе, а не в издательстве «Молодая гвардия» это вызвало бы переполох.

«...Бежин затирает конфликт... А. А. Белай это застревание не на людях, а на чем-то внеличностном, но материальном считает естественным... Начинается рассказ почти отлично... Что и позволяет утверждать его большую, что ли, потенцию к созданию подлинной литературы... Вернул он их не сам, а автор за него, подчиняясь кому-то, кто сидит у него чуть ли не прямо в голове...» Очаровательно, правда? И конца этому нет, тем паче, что и логика здесь на том же уровне: «Даже из моего изложения, совсем не адекватного самому рассказу, видна несуразность и неестественность». Вы поняли? Почему «даже», если «не адекватному»?

Да что ж это такое, граждане? И, между прочим, как, откуда — при таком уровне грамотности, виноват, безграмотности — является недюжинная смелость почем зря честить талантливых Пьецуха, Бежина, Белая?..

Вопрос вообще из тех, что меня занимает, и когда у того же Бондаренко я встречаю бегло-презрительную фразу, перечеркивающую творчество, скажем, Натана Эйдельмана, я любопытствую: ну, неужто в подобных случаях не мешает такая всеочевидность, как некоторая разница вкладов, которые вносят в отечественную культуру Бондаренко и автор «Лунина» и «Грани веков»? Право, у фразы, которую в романе «Золотой теленок» бормочут друг другу Балаганов и Паниковский: «А ты кто такой?», в иных случаях есть реальный смысл.

Но, полюбопытствовав, тут же себя обрываю. Да что я! Ведь именно нехватка представлений о законах и этике профессии и придает вот такой смелости. Внушает ощущение вседозволенности.

Лариса Баранова-Гонченко (она тоже из молодогвардейских «осмысляющих») пишет, и это надо признать с одобрением, поглаже своего молодого коллеги, хотя и она способна выразиться этак: «сопротивление в форме недоумения», «часто по наитию, хотя и в русле» или порадовать таким теоретизированием: «художественная значимость стихов о босоногом деревенском детстве, то есть (слушайте, слушайте! — **Ст. Р.**) стихов, по сути, народного содержания...» Вот и точный рецепт, как стать народным!

Но что сотворится с критикессой, когда один поэт обратится к ее собратьям со скромной просьбой овладеть азами профессионализма, например, «заняться своим **прямым делом** — веществом стиха»! Куда ее метнет, что она на беднягу поэта обрушит!..

«На минуту задумываешься — что было бы, если бы, скажем, в годы Великой Отечественной войны, когда речь шла о жизни целого народа и народов, государства и государств, мы обратились бы не к великим духовным ценностям нашей культуры, не к славному историческому прошлому, а сосредоточились бы на «веществе стиха»?»

И правда, вот был бы кошмар! Вот была бы дьявольская диверсия со стороны поэта, отвлекающего Баранову-Гонченко от глобальных забот и подкладывающего, как взрывчатку, под «народ и народы, государство и государства» свое зловредное вещество!

Улыбаетесь? Если да, то сейчас перестанете. Ибо далее:

«Обращение Верховного Главнокомандующего «Братья и сестры!», имена Суворова и Кутузова на орденах, песни Исаковского и Фатьянова и, наконец, венец гениальной поэтической простоты — «Василий Теркин» — все это не только дань традиции, но и ее ответное духоподъемное воздействие на умы и сердца читателей, всего народа в целом».

Да, тут не до смеха. Сравнить с «Теркиным», с прочими несомненными святынями... Что? Речь того, кто разоружил и разрушил армию, кто в слепом доверии к Гитлеру поставил страну на грань гибели, кто, обманувшись в этом доверии, впал в позорную для мужчины и тем более для политика прострацию и насилу-то, спустя дни и дни, нашел для обращения к народу слова, в его устах лживые и вскоре отброшенные за ненадобностью...

Чтоб выговорить такое сравнение, надо заболеть тяжелой формой малограмотности. Не словесной — духовной. Душевной.

3

И все же... Не говорю о прочих, но неужели наш Бондаренко, поднапрягшись, вспомнив, что он (как сообщает журнал «Москва») окончил не только лесотехническую академию, но и Литинститут, неужели он, которому тоже, шутка сказать, за сорок, не мог бы, если бы захотел, написать статью поскладнее?

Вот то-то и оно: если б захотел... А зачем?

Думаю, в этом смысле он, как и многие,— кровный сын нашей общей беды. А именно — равнодушия к мастерству. К ремеслу. К профессионализму.

...Скажите, не надоело ли вам (мне — надоело) слишком часто угадывать, куда, к каким последствиям приведет то или иное постановление?

Много ль моей (нашей с вами) заслуги в том, что я, сущий профан в экономике, с первой минуты отчетливо предвидел последствия традиционно волевого воплощенья прекрасной идеи — борьбы с повальным пьянством? И унизительные очереди, и разгул самогонщиков, и утраты казны, и то, что этим утратам не суждено восполниться, ибо публика смекнула и разочла разницу стоимости казенного и самодельного зелья.

Или — едва услыхав об указе о нетрудовых доходах, не предвидели ль мы, простые, как говорится, люди, что на следующий же день начнут пустеть рынки?

А с пресловутой и растреклятой подпиской? Неужто и здесь трудно было угадать результаты запрета — в случае его торжества? И новый род спекуляции, и гнев людей, глотнувших наконец воздуха, да хоть и то, что все ксерокопировальные аппараты госучреждений, нынче контрабандно трудящиеся на благо обиженных тиражом «Московских новостей», завтра принялись бы помогать «Новому миру», «Знамени», «Огоньку», да, вероятно, и тем страницам «Москвы», где граду и миру явлен Николай Михайлович Карамзин... И даже если вообразить, как полагают горячие головы, что тут был некий бюрократический умысел против гласности, так ведь и в этом гипотетическом случае его проводили в жизнь категорически **непрофессионально.** Даже этого, стало быть, не умеем! Победи запрет, восторжествуй бюрократия,— вы думаете, пал бы престиж наших лучших изданий? Их стали бы меньше передавать с рук на руки, читать, любить, верить? Дудки!..

Еще давным-давно, в шестидесятых, мой друг, поэт Коржавин, повторял невеселую шутку:

— Ну, государством управлять мы каждую кухарку, кажется, уже научили. Теперь задача: научить ее варить обед.

Да. Мы не страна неумех — слава богу, покуда нет. Но мы — страна, где быть неумехой — не позорно. И не опасно. Неумеху прокормят, поддержат и обласкают; скорей уж того, кто много умеет и (по опасливой бюрократической логике) оттого слишком много о себе понимает, поставят под подозрение. Мастер штучен, незаменим, оттого независим; он, в отличие от неуча и бездарности, не станет судорожно цепляться за место, зная, что оно — его по праву мастерства, а не из милости. Он не будет истово благодарить тех, кто место ему предоставил, а напротив, глядишь, возьмет да и скажет что-нибудь этакое:

«Я смею считать себя лучшим специалистом в режиссуре и в работе с актерами, чем вы. Жизнь так показала, что это моя профессия, я умею это делать, я умею делать спектакли. И жизнь показала, что вы руководить нами не умеете... Вы думаете, что я боюсь вас? Мне просто смешно».

Это — недавняя публикация, трагический и все-таки смешной документ: стенограмма чиновничьей расправы над «Борисом Годуновым», последней работой Любимова на Таганке.

Ах, наивный Юрий Петрович! Но ведь так и было задумано — чтоб не умели. Умелец умельца возьмет да и оценит, войдет, так сказать, в сговор, и тогда что ж? Позволять вам творить все, что придет в вашу талантливую голову?

Так необходимо ль, скажем, некоему прозаику выбиваться из сил — особенно, если сил мало,— когда доходный тираж ему заботливо обеспечен, а читатель, которого долго обделяли Гроссманом и Платоновым и которого дисквалификация тоже не обошла, все равно прочтет, никуда не денется?* А некоему, допустим, критику — разве нельзя ему обойтись без того, чтобы избавиться на первый случай хоть от безграмотности, когда... Но что толочь воду в ступе. Скажите, кого из критиков вы в последние лет пятнадцать читали жаднее всего? Лакшина?.. Аннинского?.. Да хоть бы и Кожинова, но ведь — **читали...** А госпремии получали возводимые в ранг наилучших Г. Бердников, В. Озеров, Ю. Барабаш, Вас. Новиков, А. Метченко, Ф. Кузнецов... Кто хранит их на своей золотой полке?

Больше скажу. Непрофессионализм — не простая нехватка знания и умения. Он, если угодно, позиция, которую с боем завоевывают и без боя не отдают. Потому что он — это возможность обходиться без правил и норм, которых строго придерживается профессионал, это род вседозволенности, наихудшей из свобод. Свободы от многого, в частности — от необходимости доказывать свою правоту. И попросту говорить правду. Выражаясь житейски, не врать.

...Седьмой номер «Молодой гвардии». «Об одной спекуляции (Письмо в редакцию)». Подписавшие — Нина Семенова, член СП СССР, Виктор Смирнов, член СП СССР, Анатолий Рыленков, кандидат филологических наук, доцент. Все — из Смоленска; бросил же их к перу и бумаге единый порыв: вмешаться в непрекращающийся спор вокруг «письма одиннадцати», нанесшего роковой удар журналу их земляка-смолянина.

Вмешиваются — но как!.. Впрочем, творческой мысли и негоже застаиваться, а тут явлены чуть не все грани писательской профессии: драматург, прозаик, критик. И вот эти объединенные силы не эпигонствуют, не повторяют уверений авторов **того** письма, что они писали не против Твардовского. Подумаешь — «не», отрицание, минус! Нет, смоленская троица смело творит свой сюжет, прямо указывает, кто был против. Создает впечатляющий образ врага:

«Если попытаться восстановить подлинную правду, то объективно против Твардовского выступали не авторы «огоньковского» письма, а как раз ближайшие «помощники» главного редактора «Нового мира».

Вот так-то. А несчастный земляк, выходит, безнадежно держал одинокую оборону против Лакшина и Дементьева, Виноградова и Буртина.

«Они протаскивали на страницы популярного издания произведения весьма сомнительного содержания. Некоторые из прежних «новомировцев» эмигрировали за границу, продолжая из-за рубежа оплевывать свое Отечество (Солженицын, Войнович, Максимов и другие)».

Стоп... Там, впереди, еще много интересного, но моя память читателя со стажем здесь и не хочет, а спотыкается.

Итак, «новомировец» Максимов.

«Именно от этих мастеров (тут следует казенный список от Фадеева до Панферова.— **Ст. Р.**) принимало каждое последующее писательское поколение эстафету века, и поэтому пресловутая проблема «отцов и детей», кстати сказать, высосанная из пальца фрондерствующими литмальчиками вкупе с группой эстетствующих старичков, никогда не вставала перед молодежью, верной революционным традициям советской литературы... После справедливой и принципиальной критики в адрес формализма, прозвучавшей на встречах руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства, кое-где подняла голову воинствующая серость, прикрывающаяся псевдоидейностью...» — и так далее. В общем, обычное угрожающее словоблудие давних лет, разве что злобы чуть выше меры, а адрес: кочетовский «Октябрь». Год — 1963-й. Подборка «откликов» на печально памятные «встречи» с интеллигенцией, то бишь погромы, поломавшие немало судеб и в первую голову бившие по «Новому миру» и «Юности». Подпись: Владимир Максимов.

А дальше — не в тексте, в жизни — было то, ради чего холопский «отклик» и был с готовностью выкрикнут. Объятия Кочетова. Членство в его редколлегии. Выступления по телевидению (вспоминается: «наш учитель Ермилов...»). И даже — в угоду хозяевам — насилие над собственной вещью: печатая в «Октябре» повесть «Жив человек», Максимов покорно переиначил ее на кочетовский манер. Герой, арестованный в 37-м **безвинно**, был превращен в уголовника, попавшего **за дело.** То есть страшный год, превратившийся в трагическое нарицание, оказывался как бы уже вовсе не таким страшным, а вроде бы отчасти и справедливым...

Зачем, говорите, ворошить старье? Верно, словно бы незачем,— если б оно не обличало новейшей лжи.

Донос — слово слишком уж тяжкое, чтоб взять да и применить его к кому бы то ни было. И слишком гадкое, чтобы можно было вообразить словосочетание «эстетика доноса». Но давайте вообразим, поступившись естественной брезгливостью,— сто́ит вообразить, потому что и в пору, когда донос не опасен (неужели мы дожили до такой?), то есть теряет практический смысл, «эстетика» его остается. И состоит в том, чтобы не убеждать (зачем?), не одолевать аргументами, не снабжать читателя-адресата полнотою знания о предмете, вызвавшем твое неудовольствие, нет: тут все определяется целью — свести сложность взглядов противника к одной лишь неблагонамеренности. В данном случае — сказать, что только один «Новый мир», никто более и уж тем паче не противостоявший ему «Октябрь», был поставщиком для эмиграции. А может, даже делал это сознательно? Верит же Бондаренко в зловеще-таинственную «команду»...

Впрочем, верит или не верит — дело десятое. Несущественное.

«Фрондерствующие литмальчики», «эстетствующие старички» и т. п.— это как раз она, та самая «эстетика», упро-

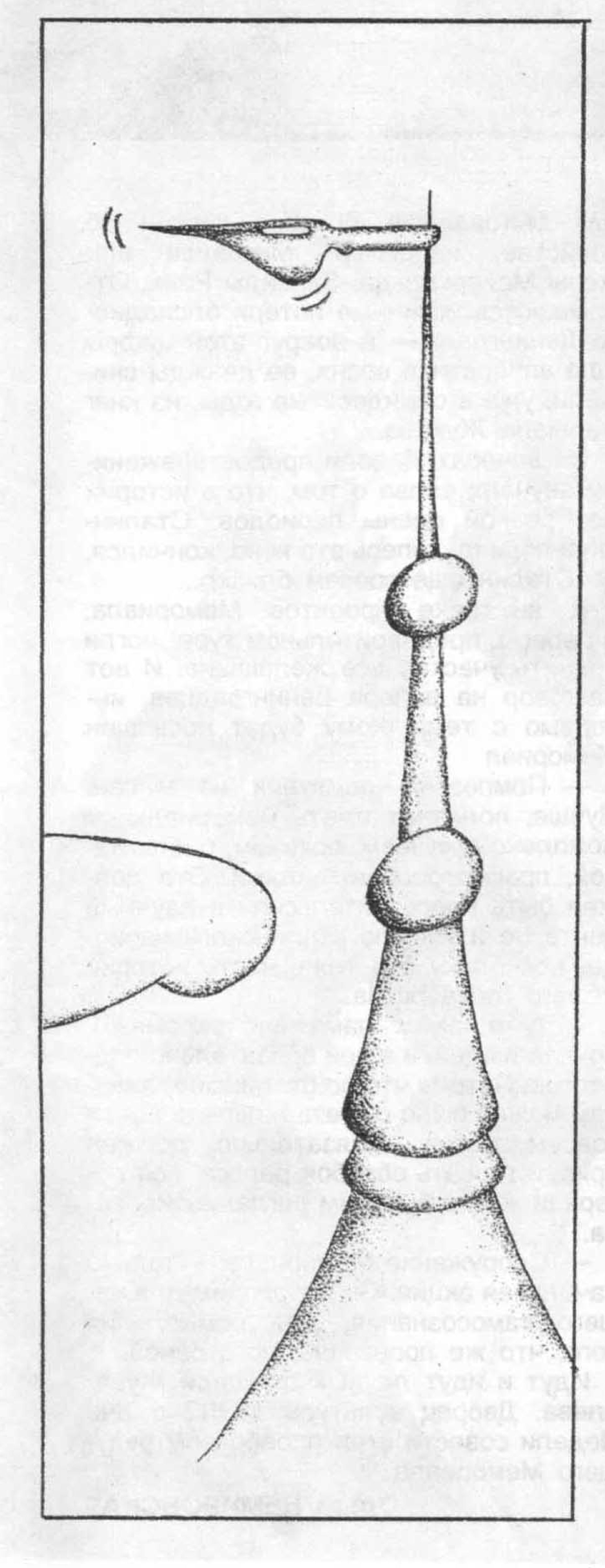
* См. статью Владимира Вигилянского, которая даже меня, литератора, то есть человека кой о чем наслышанного, ошеломила постыдностью развернутой в ней панорамы.

щенный жаргон, понятный незатейливому уху вельможных погромщиков, подсказка, сделанная на доступном им уровне... Сделанная от элементарного неумения, от неопытности? Если бы! Нет, это откровенный, обдуманный, расчетливый **непрофессионализм,** так сказать, непрофессионализм, исполненный вполне профессионально. Выразись помудренее — и кто из тех, кому подсказка назначена, поймет тебя? Чем примитивнее — тем точнее. Чем хуже — тем лучше. Чем лживее, тем... Но с этим надо разобраться особо.

Конечно, трое из Смоленска знают, что их легко схватить за руку,— а вы думаете, «Наш современник» (№ 10) всерьез рассчитывал нас уверить, будто киоски забиты нераспроданным «Огоньком»? Или Владимир Бондаренко, которого мы, заговорившись, несправедливо отодвинули в тень, убежден в истинности того, что́ пишет: «Читателей дружно уверяют, что статья эта (все то же «письмо одиннадцати».— **Ст. Р.**) направлена против выдающегося русского советского поэта А. Т. Твардовского... Сейчас можно считать совершенно доказанным, что подобные заявления — ложь».

Увы. Даже если бы мы очень захотели поверить в правдивость нашего критика, он бы нам не позволил. Потому что, по инерции повторив навязшую в зубах оговорку: дескать, благородный пафос неполной дюжины протестантов был направлен исключительно против статьи А. Г. Дементьева, он тут же, демонстрируя отсутствие наипростейшей логики, обрушивается на самого́ «выдающегося» — **лично:**

Рисунок
Александра МИТНИКА
Одесса

«Ведь такая разгромная статья и ее последствия дело рук не одного критика, а всей тогдашней редколлегии, да, во главе с А. Т. Твардовским».

Вы смущены? Сбиты с толку? Но в том-то и штука. Коли так, то наш воинственный непрофессионал одержал над вами победу — своим непрофессионализмом как раз и одержал, своим отказом от связи и смысла. Ибо — как ему возражать? С чем спорить? Может, уличить в передержках? Можно, нетрудно — только ради чего? Он и сам не слишком утаивает своеобразие своих приемов...

И оттого он и такие, как он, непобедимы.

А. С. Заболотников, читатель из Москвы, опубликовал в «Нашем современнике» письмо в поддержку статьи Вадима Кожинова, с которой я несколько месяцев назад... Чуть-чуть не спрыгнуло с языка глупое слово «спорил». Еще б не хватало — «полемизировал».

«В. Кожинов прав,— уверяет читатель,— роман А. Рыбакова действительно слабый... С. Рассадин, очевидно, подсознательно это чувствовал, вот и осерчал. Даже не заметил, что спор с В. Кожиновым ведет не по главной мысли его статьи».

Видите, вот и здесь: «спор». Но чего не было, того не было. И, по моему разумению, не могло быть. То есть вначале я собирался пройтись и по становым кожиновским концепциям, однако, продираясь к ним, в глубь статьи, в первый раз поймал подтасовку, во второй — приметил лукавство, в третий... И — бросил.

Не могу я, по совести, по душе не могу всерьез принимать «мысли» тех, в чью добросовестность не верю.

Хотите и это счесть кожиновской победой? Считайте. Не возражаю. Потому что правда не может быть скрыта за частоколом уловок и передержек, и то поле битвы, что избрали Кожинов или Бондаренко, я им уступаю без боя. Тут их, не моя сила. Их — соглашаюсь и повторяю — **непобедимость.**

Как былой кочетовец Максимов знал, что́ творил, подбрасывая умилительно простенькие полешки-слова («формализм... псевдоидейность... революционные традиции...») в разгорающийся огонь начальственного, антиинтеллигентского гнева, так, допускаю, и Бондаренко чутко усвоил ту же «эстетику». Издевательски пренебрегая логикой, обходясь без аргументации, взамен их и во славу своей правоты он приводит, скажем, такое письмецо собственного «заединщика»:

«Порой создается впечатление, что на страну нахлынула какая-то черная ядовитая туча... Причем действует она нагло, не стесняясь в средствах извращения фактов и явлений. Это нечто более изощренное и более организованное, чем было в свое время в Венгрии и Чехословакии.

...Полностью согласен с Вами...»

Такое вот обоюдно-трогательное согласие.

Что ж, и с этим полемизировать? Но укажите, как! Нет, в таких случаях на нас с вами даже и не рассчитывают, надеясь, что их услышат совсем другие. И примут меры.

В быту подобное деликатно именуется «сигнал»...

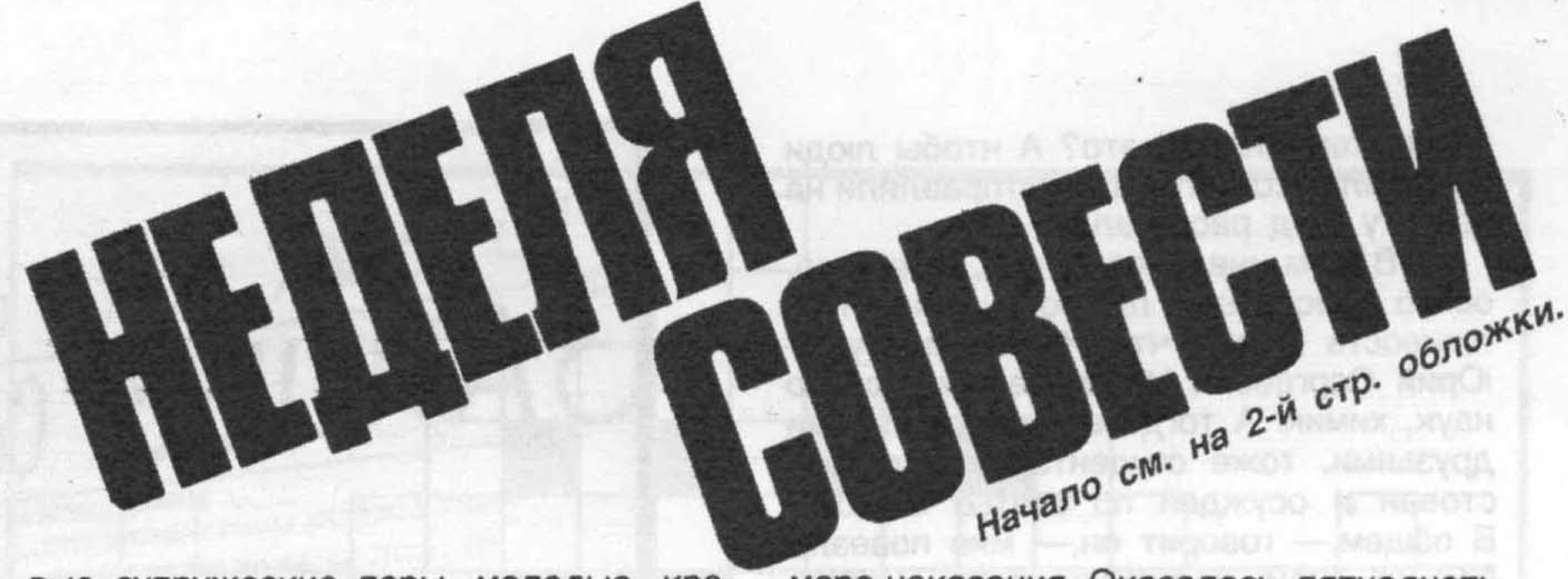
4

А под занавес все же позволю себе сантимент: ну неужто Владимиру Бондаренко не страшно получать себе в поддержку **такое?** Неужто не стыдно?

Твардовский говорил:

— Нет никакой групповой борьбы. Просто одни писатели прочли «Капитанскую дочку», а другие — нет.

Идя на полуплагиат, утверждаю, то, что и нынче именуется тем же устрашающим термином «групповая борьба», на деле нечто иное. Есть писатели, которым стыдно, и есть такие, которым не стыдно.

вые супружеские пары, молодые, красивые. Потом он станет «врагом народа», она — женой «изменника родины». Краткая приписка: Басюбин Василий Григорьевич, руководитель Главгидроэнергостроя, умер в лагере. Басюбина Татьяна Евремовна, врач-хирург, как и муж, репрессирована в 37-м. Дочь, Светлана Васильевна Кузнецова, родилась и жила в лагере...

На Стене памяти прежде всего видишь фото. Взгляд переходит с одного снимка на другой... Какие прекрасные, славные, добрые, какие умные лица!.. Да, селекция проводилась тщательно: уничтожалось лучшее.

С каждым часом становится все больше цветов. Народу много, а всюду тихо. Ком в горле, зажато сердце, наверное, не у меня одной. Возвращение к страшному прошлому, даже памятью, дается не просто.

Стоят плотно, вглядываются, читают, думают. Женщина, присев, пишет на клочке бумаги: «Кто встретил в Карагандинском лагере Шарикяна Атома, прошу сообщить...» Дочь дописывает адрес и прикрепляет его к холсту.

Таких только что написанных листков здесь много. Сбоку у Стены записка: «Хотимский Григорий Наумович — председатель Госплана Украины. Арестован в 35-м году в Киеве. С тех пор нет никаких сведений. Жена и два сына погибли в лагере».

Зал, где размещается Информационный центр, оказался тесным. Сюда приносят то, что сохранилось, материалы, сведения о репрессированных. К каждому столику молчаливая очередь. Жены, дети, внуки, родственники, друзья. Ни слез, ни жалоб, ни истерик. Жизнь научила их сдерживать себя. Хотя, наверное, хочется кричать. Из Орехово-Зуева приехал сын Константина Алексеевича Левкоева, юриста завода кислородных приборов, арестованного в 41-м году. Отец умер в 42-м в заключении, а оба его сына воевали, прошли всю войну, остались живы. И тоже, наверное, шли в бой «за Сталина»...

Лина Дмитриевна Дубинина сообщает о судьбе немецких актеров, антифашистов из труппы «Колонна Линкс». С 32-го года они жили в Советском Союзе, снимались в фильме «Борцы» — о поджоге рейхстага, созданном на киностудии «Межрабпом-Русь». В картине участвовали Г. Димитров, А. Барбюс, Э. Буш. Муж Л. Д. Дубининой, Бруно Шмицдорф, играл главную роль. Фильм широко прошел по экранам. В 37-м Лину Дмитриевну арестовали, требовали донести, что муж и его немецкие друзья — шпионы. Ничего не добившись, сослали в Оренбург. Там она еще видела эту ленту. А затем всех участников «Колонны Линкс» посадили. И все копии фильма смыли. Каким-то чудом одна сохранилась и сейчас находится в ГДР.

Н. К. Канышева из Курска. Ее отец, Константин Ефимович Банин, член партии с 18-го года, в 37-м член бюро Курского обкома, арестован и приговорен к расстрелу. Нина Константиновна говорит, что хочет хлопотать о создании, пусть небольшого, памятника жертвам репрессий в Курске.

На стендах в Информационном центре только списки, 27 тысяч фамилий. Дмитрий Юрасов, студент Московского историко-архивного института, с четырнадцати лет составляет картотеку репрессированных. Здесь он представил сведения по реабилитации только одного, 1955 года, проведенной военной коллегией Верховного суда, и только ВМН, то есть приговоренных к высшей мере наказания. Оказалось, пятнадцать тысяч. А ведь реабилитация в том же году шла и в областных и краевых судах.

Уничтожали людей с разных предприятий, многих наркоматов. Для Недели совести Дима составил списки уничтоженных только по двум наркоматам: тяжелой промышленности и путей сообщения. Рядом сведения из картотеки отдела кадров Союза писателей: имена посмертно восстановленных в Союзе. И еще — потери только одного университета — Свердловского: двенадцать уничтоженных преподавателей, ученых. И совсем краткая статистика: из 186 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) — с VII по XVII партсъезды — расстреляны сто одиннадцать.

А на соседнем стенде то, что пока еще, пожалуй, никогда не выставлялось. Тоже имена, но уже «чекистов», генералов НКВД и начальников областных управлений, тех, кто руководил репрессиями и вдохновлял «тройки» на местах. Кажущиеся бесконечными списки сотрудников НКВД, в 37-м году награжденных высшими наградами — орденами Ленина, Красной Звезды, Красного Знамени,— «за особые заслуги в борьбе с врагами трудящихся», «за образцовое и самоотверженное выполнение правительственных заданий». Это те, кто пытал, унижал, мучил. Против некоторых фамилий значится — расстрелян. Но сколько их, с такими орденами, среди нас?

Дима говорит:

— Мы ведь делаем «вместогосударственную» работу. Но, может быть, она поможет открыть архивы, где хранятся все эти сведения. Год назад я и подумать не мог, что появится такая возможность — собирать сведения о жертвах репрессий в масштабе страны. Я начал заниматься картотекой, потому что не мог найти многое из того, что меня интересовало. Мои данные и не могут быть полными, я беру самые основные сведения, которые помогут сделать социологический срез. Уже теперь могу сказать: страдали в основном рядовые люди — рабочие, крестьяне, служащие. Но их имена в энциклопедиях и справочниках не упоминаются. Мы говорим о миллионах замученных, но миллионы состоят из реальных единиц. У каждого человека свое имя, отчество, фамилия. И мы не должны об этом забывать. Иначе выйдет по-сталински: был человек — была проблема, нет человека — нет проблемы.

Все, если можно так сказать, действие Мемориала разворачивается на фоне панорамы фотодокументов 30-х, 40-х годов. Стоп-кадры жизни тех лет: праздничные демонстрации на Красной площади, бодрые, сильные, энергичные люди. Кажется, сам воздух пронизан энтузиазмом. Открытые взгляды, порыв, доверие. Да, страна трудилась, верила, мечтала. Предать ее веру и идеалы преступно стократ. И не случайно на вечерах памяти много говорилось о том, что мы были слишком эмоциональны и за то поплатились. Надо видеть в жизни не миф, а уметь оценить конкретную реальность,— эта мысль звучала во многих выступлениях.

А над праздничными колоннами 35-го года лозунги: «Мы любим тов. Сталина — вождя народов СССР», «Да здравствует вождь народов, лучший друг физкультурников». «Вступим в новые цеха, вооруженные шестью историческими указаниями тов. Сталина» — плакат со снимка 29-го года, сделанного на строительстве Магнитки. И еще, и еще: «Сталин — светоч коммунизма», «Наш бригадир»... Как же было жить

тогда, терпеть все это? А чтобы люди не успели усомниться, их отправляли на каторгу, под расстрел.

— В 45-м мне было 19 лет, но помню, остро чувствовал лживость общества, лживость того, что было вокруг.— Юрий Сергеевич Цизин сейчас доктор наук, химик. А тогда вместе со своими друзьями, тоже студентами, был арестован и осужден по статье 58-10.— В общем,— говорит он,— мне повезло больше, чем моим друзьям.— Самый младший из нас — ему было шестнадцать — талантливый математик, пострадал больше всех, ему в лагере еще добавили срок, использовали на самых тяжелых работах. Математикой ему уже не пришлось заниматься.

Тема загубленных талантов, нереализованных возможностей народа стала едва ли не самой распространенной

на Неделе совести. Исчезли целые научные, художественные системы, школы, направления, удары приходились по самым ярким, уникальным личностям. Их стирали с лица земли, вытравляли память о них. С болью говорят на Украине об утраченной системе театрального режиссера Леся Курбаса, в Грузии — Сандро Ахметели. До сих пор не поставлены на родине пьесы Миколы Кулиша, которые, кстати, идут во многих театрах мира. В республиках уничтожалась национальная интеллигенция, гасла преемственность традиций. «Казнить звезду — какая подлость». Эти строки Юнны Мориц посвящены Галактиону Табидзе, но они — о каждом художнике.

То, что распалась связь времен, ощущаем не только мы. За несколько дней до Недели совести в Лондоне состоялся вечер, посвященный памяти жертв сталинских репрессий и сбору средств на Мемориал. Его организовали английские актеры, но, чтобы участвовать в нем, несколько человек приехали из Австралии. Потери, понесенные художниками одной страны, остро чувствуются во всем мире. Не случайно на арест драматурга Сергея Третьякова, писавшего для Мейерхольда и Эйзенштейна, Бертольт Брехт откликнулся статьей «А если он не виновен?..».

Историческая правда нужна нам больше всего, но восстанавливается она совсем не просто, по крупицам. Уходят бытовавшие ложные версии об убийстве, например, Михоэлса или жены Мейерхольда, Зинаиды Райх. Открываются истинные потери блокадного Ленинграда — и вокруг этой цифры шла аппаратная возня, ее дважды снимали, уже в семидесятые годы, из книг маршала Жукова.

На вечерах Недели предостережением звучали слова о том, что в истории нет резкой смены периодов. Сталинский период, теперь это ясно, кончился, но Сталин еще совсем близко...

В выставке проектов Мемориала, в первом, предварительном туре, могли принять участие все желающие. И вот разговор на вечере ленинградцев, интервью с теми, кому будет посвящен Мемориал.

— Помпезный памятник не нужен. Лучше, полезнее иметь мемориальный комплекс с музеем, архивом, библиотекой, просмотровыми залами. Это должен быть просветительский и научный центр по изучению сталинского периода, поскольку это тоже часть истории нашего государства.

— А я вижу памятник скромным. Группа людей, и в ней обязательно подросток. Потому что по сталинским законам можно было сажать и пытать почти совсем детей. Обязательно должен присутствовать обрубок рельса, вся лагерная жизнь была им регламентирована.

— Сооружение Мемориала — только начальная акция. Он необходим для нашего самосознания, для осмысления того, что же произошло со страной.

Идут и идут люди к площади Журавлева. Дворец культуры МЭЛЗ в дни Недели совести стал прообразом будущего Мемориала.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

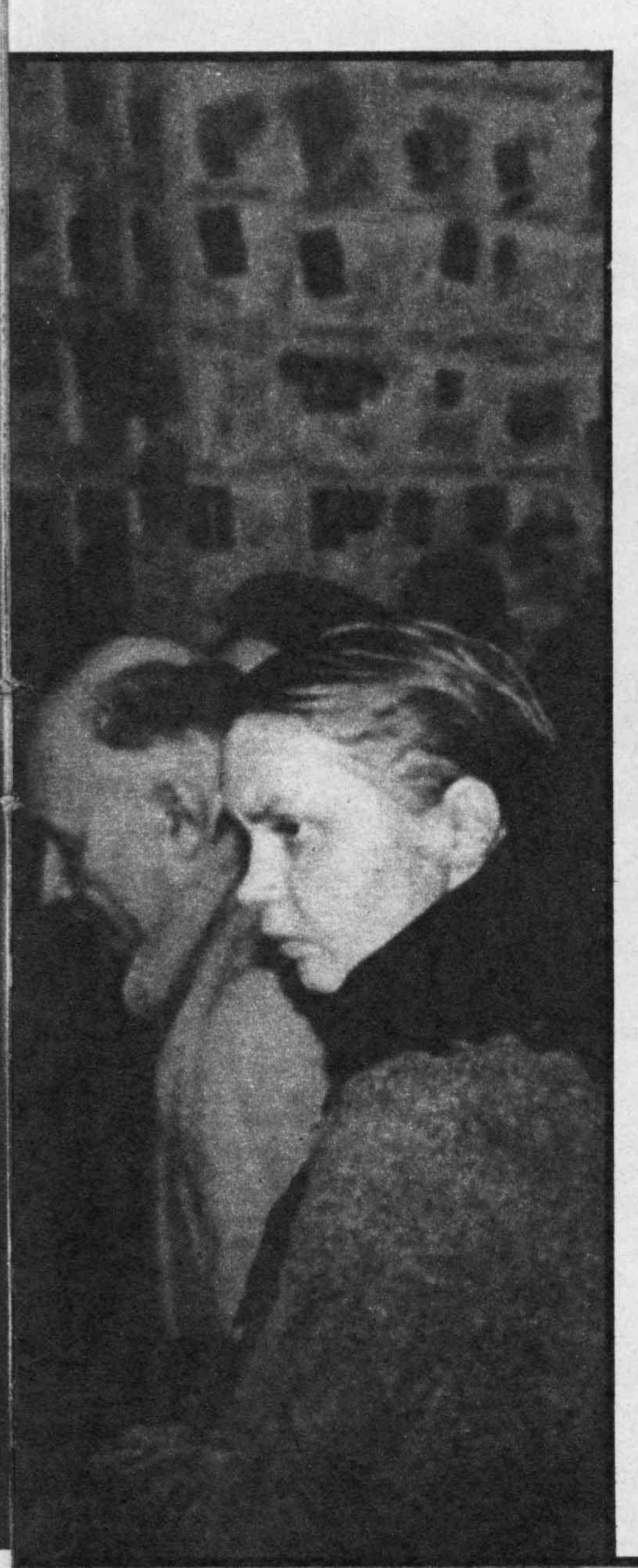

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА
и Дмитрия ДЕБАБОВА

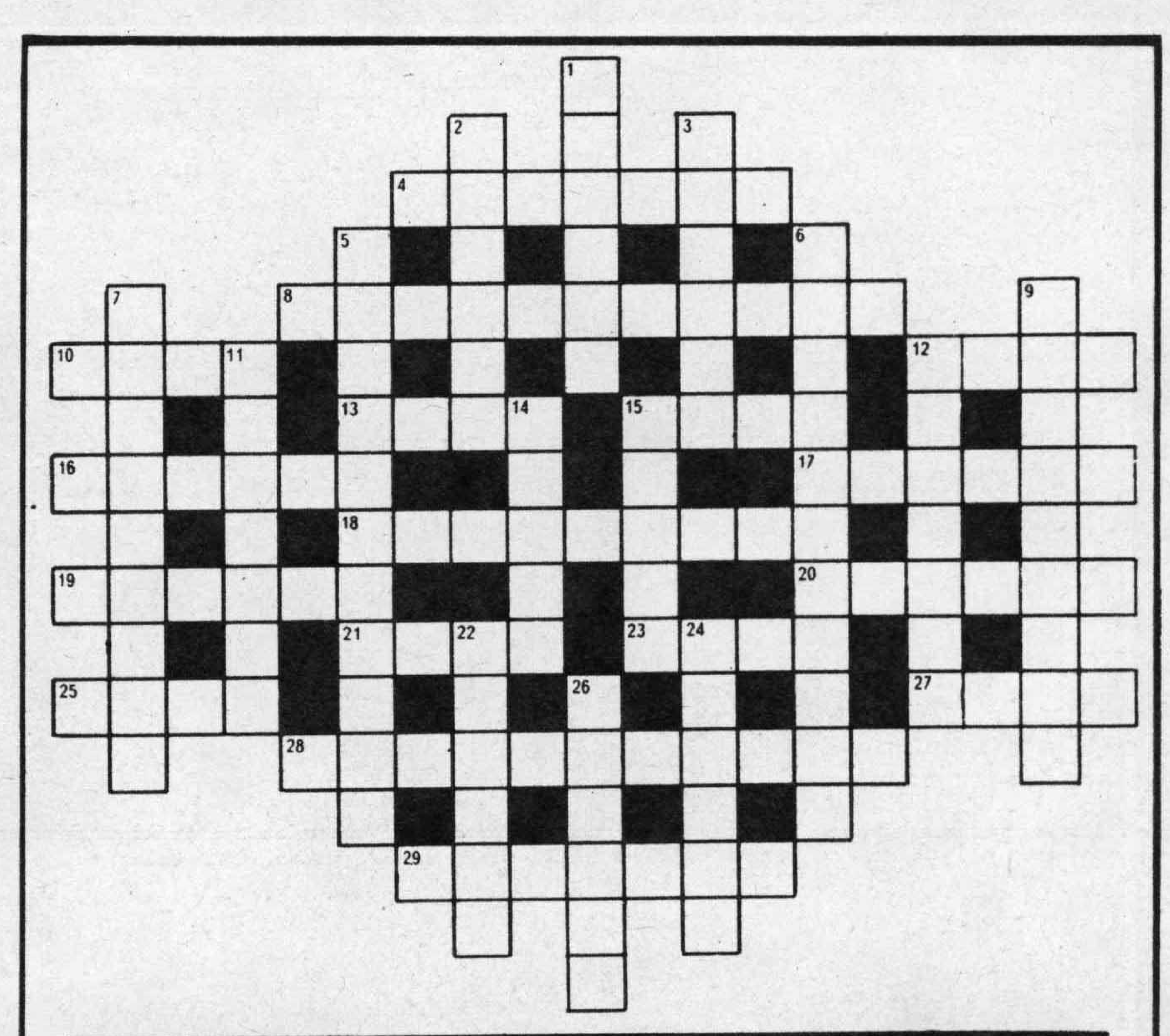
ОТ РЕДАКЦИИ. Мы и сами не предполагали, сколь огромен и очевиден будет успех Недели совести, проходившей во Дворце культуры МЭЛЗ, сколько замечательных людей примет участие в ней. Это было истинно народное волеизъявление, реализованное народное желание отмежеваться от сталинщины, избавиться от ее последствий.

Мы благодарны органам массовой информации, широко и благосклонно освещавшим ход Недели; также тем из них, кто вначале привычно оглядывался и отказывался, даже получив приглашение участвовать. Странное дело, радуясь сегодня успеху Недели, вместе с нами понимая, что событие это куда значительнее любого из нас лично, некоторые органы печати в своих информациях застенчиво избегают называть организаторов Недели совести. Неужели они до такой степени поверили в собой же изобретенную яркую формулу «весь советский народ, как один человек»? Или застыдились собственного неучастия?

Поэтому напоминаем, что Неделя совести проводилась в Москве по инициативе журнала «Огонек» при активном содействии Куйбышевского райкома КПСС г. Москвы (первый секретарь тов. Е. Пантелеев), Дворца культуры (директор тов. А. Вайнштейн) и рабочих МЭЛЗ, активистов общества «Мемориал».

Этой публикацией мы проясняем анонимность благожелательных информаций в некоторых переволновавшихся органах печати.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Герой романа Ф. В. Гладкова. 8. Маршал Советского Союза. 10. Вечнозеленое дерево, кустарник. 12. Героические сказания, песни. 13. Химический элемент, газ. 15. Река в Италии. 16. Комплекс зданий станции. 17. Переменная звезда в созвездии Персея. 18. Одна из первых телевизионных передающих трубок. 19. Получение сложных химических соединений. 20. Отходы при молотьбе, используемые на корм. 21. Дугообразное перекрытие между двумя колоннами. 23. Ночная птица. 25. Действующее лицо в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 27. Атмосферные осадки. 28. Украинская писательница. 29. Денежная единица Венесуэлы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Неподвижная часть электрической машины. 2. Город в Новосибирской области. 3. Спортсмен. 5. Вещество, изменяющее скорость химической реакции. 6. Оптико-механическое устройство для съемки и демонстрации фильмов. 7. Химический элемент, металл. 9. Незаконченный роман А. С. Пушкина. 11. Орнамент в виде распустившегося цветка. 12. Один из основоположников научного коммунизма. 14. Жанр японской поэзии, пятистишие. 15. Олень, обитающий в лесах Индии, Юго-Восточной Азии. 22. Кораблестроитель, академик, Герой Социалистического Труда. 24. Легендарный бард кельтов. 26. Русская народная песня на слова И. З. Сурикова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Универсиада. 8. Банк. 9. Пиренеи. 10. Плуг. 11. Вензель. 12. Антраша. 16. Базаров. 18. Карасук. 19. Альпака. 20. Километр. 21. Петляков. 24. Гаубица. 26. Ожогина. 27. Обручев. 29. Аполлон. 31. «Обелиск». 34. Тире. 35. Косилка. 36. Торф. 37. Кручковский.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Филипченко. 2. Кречет. 3. Баллистика. 4. Удокан. 5. Алупка. 6. Затвор. 7. Луфарь. 13. Радикал. 14. Паланга. 15. «Скворец». 17. Ветла. 19. «Алеко». 22. Коллоквиум. 23. Математика. 25. Италия. 28. Ракурс. 30. Оберек. 32. Иттрий. 33. Диплом.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

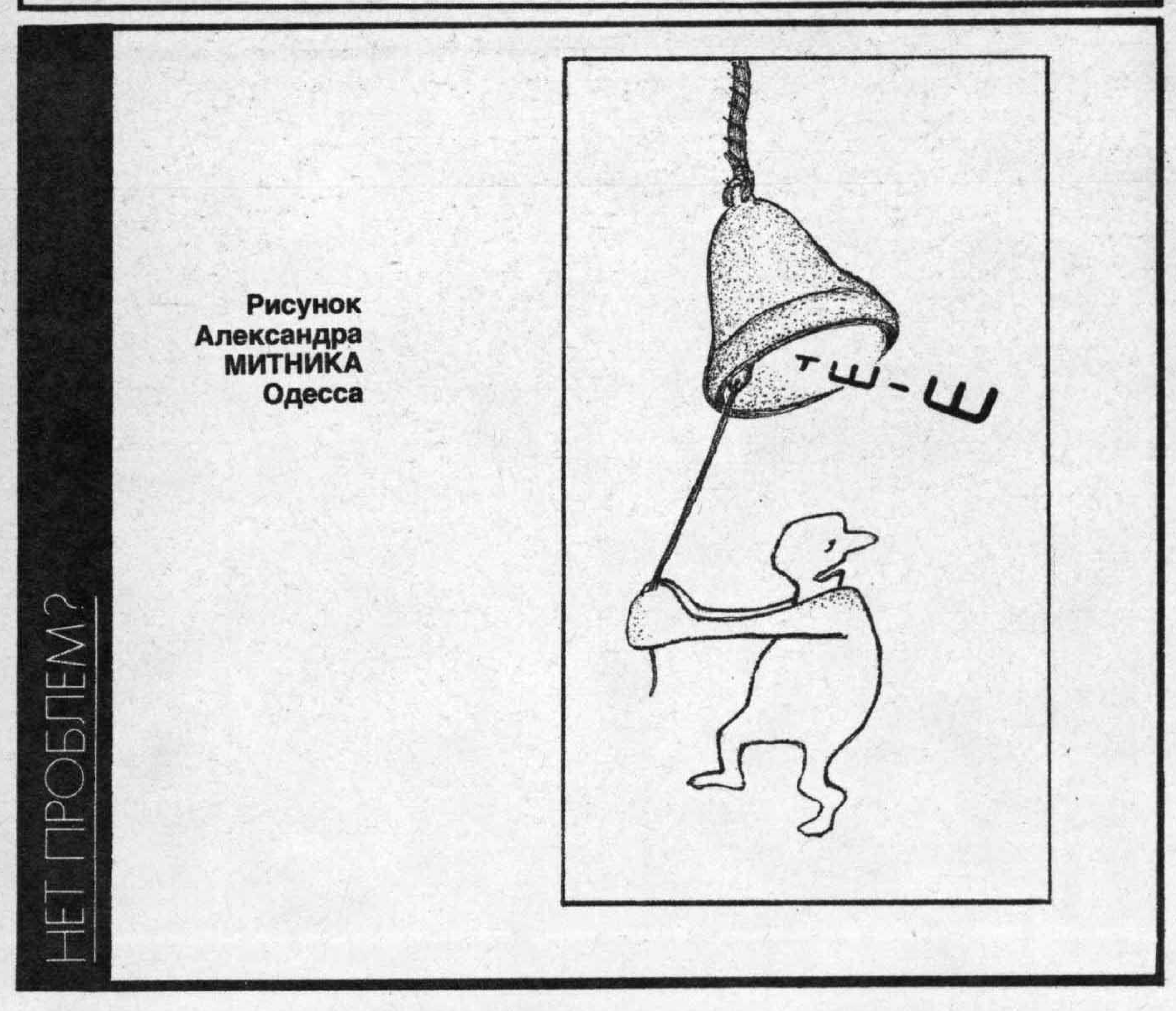
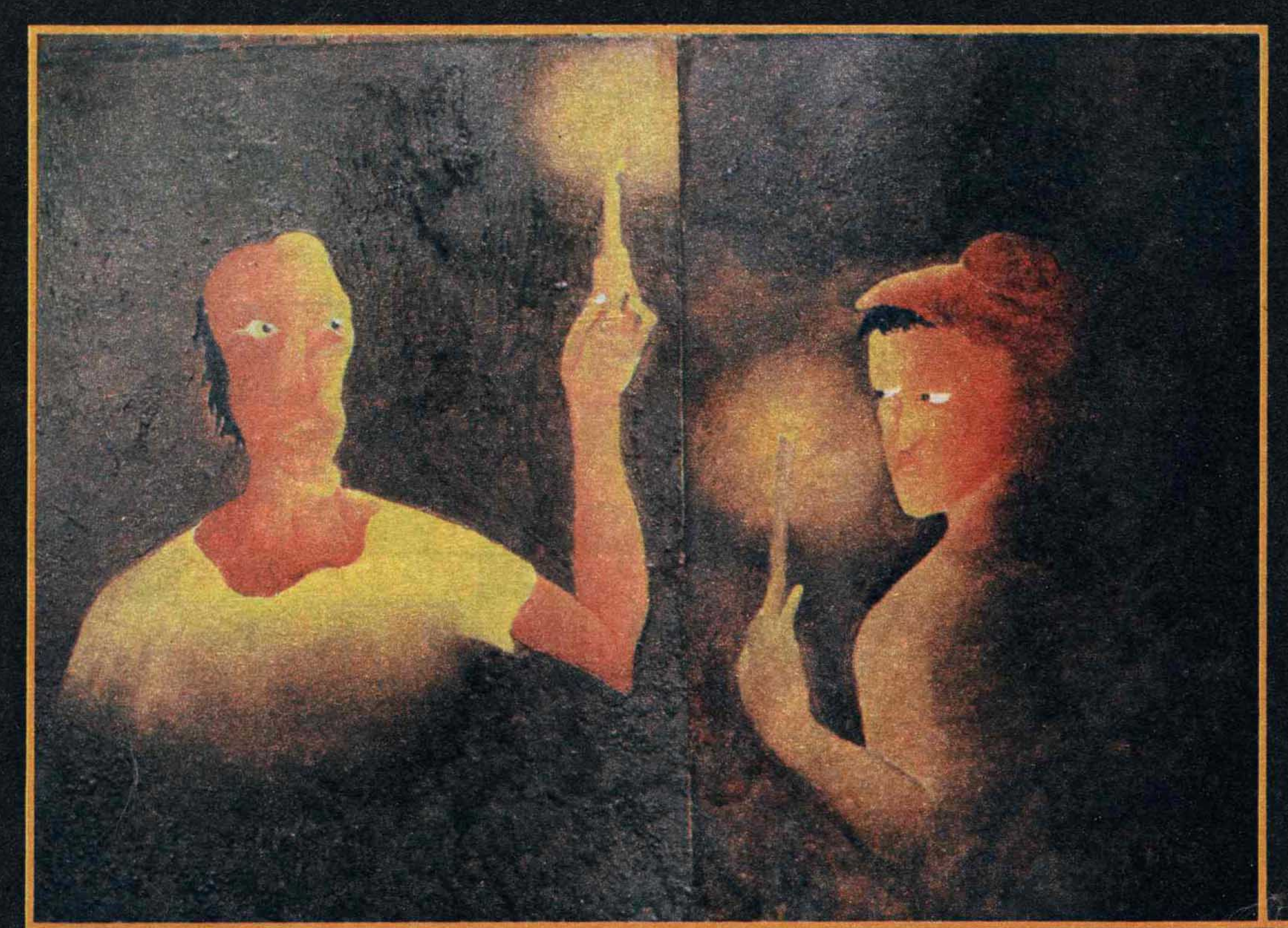

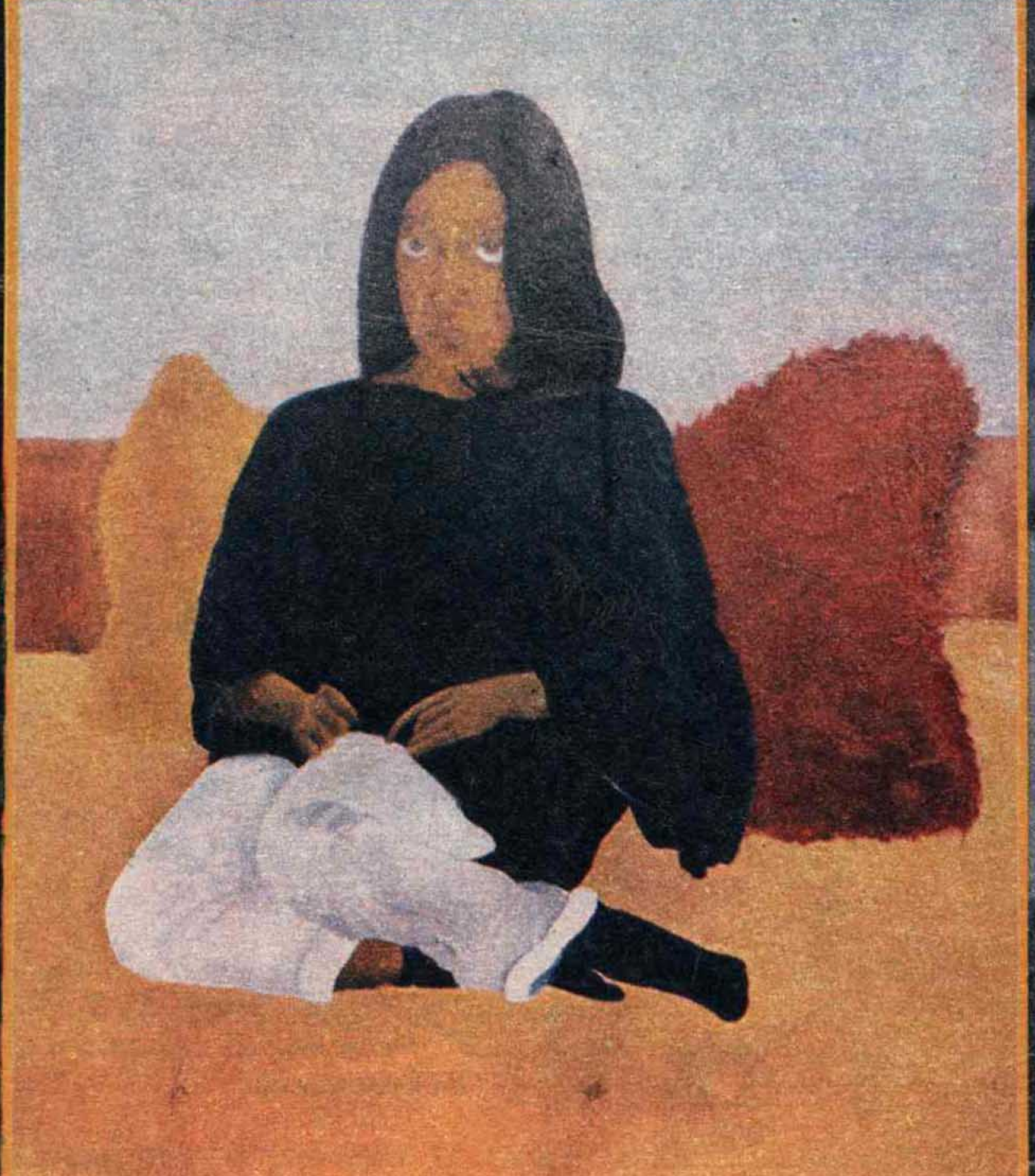
Рисунок
Александра
МИТНИКА
Одесса

В Соединенных Штатах одиннадцатилетний ереванский школьник Тигран Дзитохцян произвел сенсацию. На юного Сальвадора Дали из Советов ломился Нью-Йорк и Лос-Анджелес. Тигран — одно из объяснений феномена единственного в мире учебного организма, который возглавил педагог и психолог искусства Генрих Игитян. Американские зрители теребили «Генри Игит'ан», желая понять, как его школа достигает таких результатов. Сегодня, когда события в республике, казалось бы, меньше всего располагают к разговору с музами, разговор этот особенно важен.

О республиканском эстетическом центре Армении читайте в номере материал «Заклинатели дракона».

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663